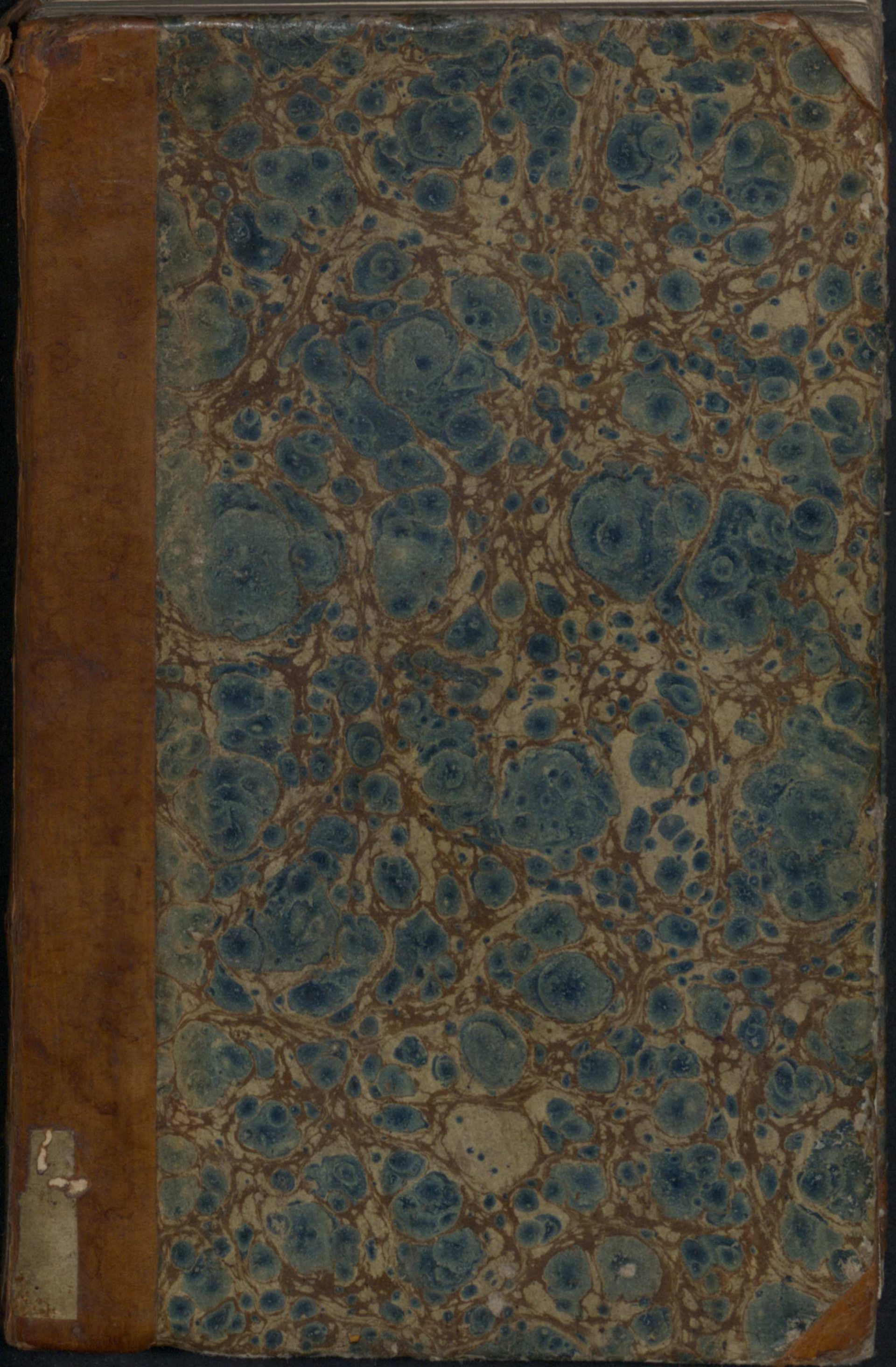
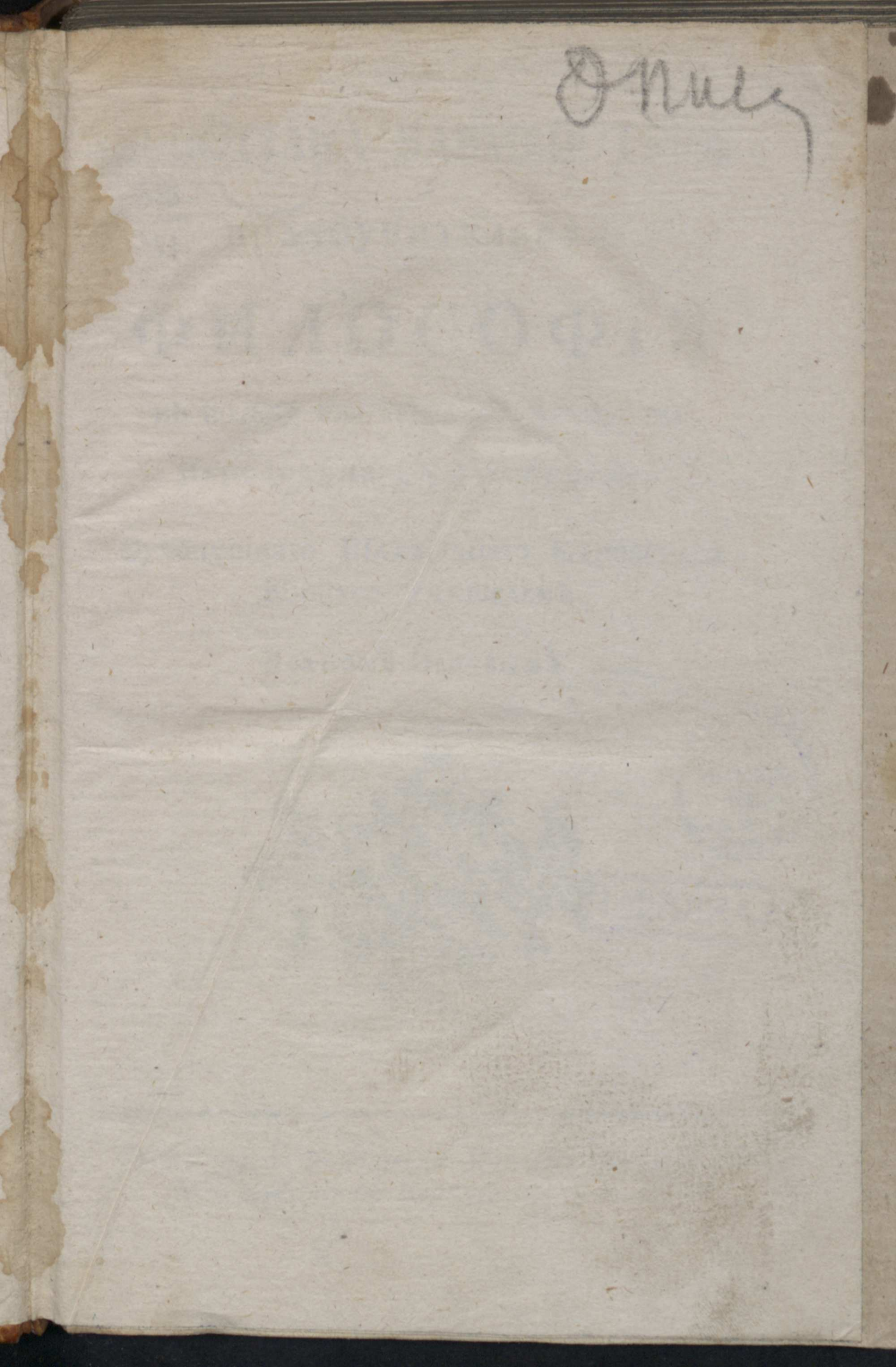
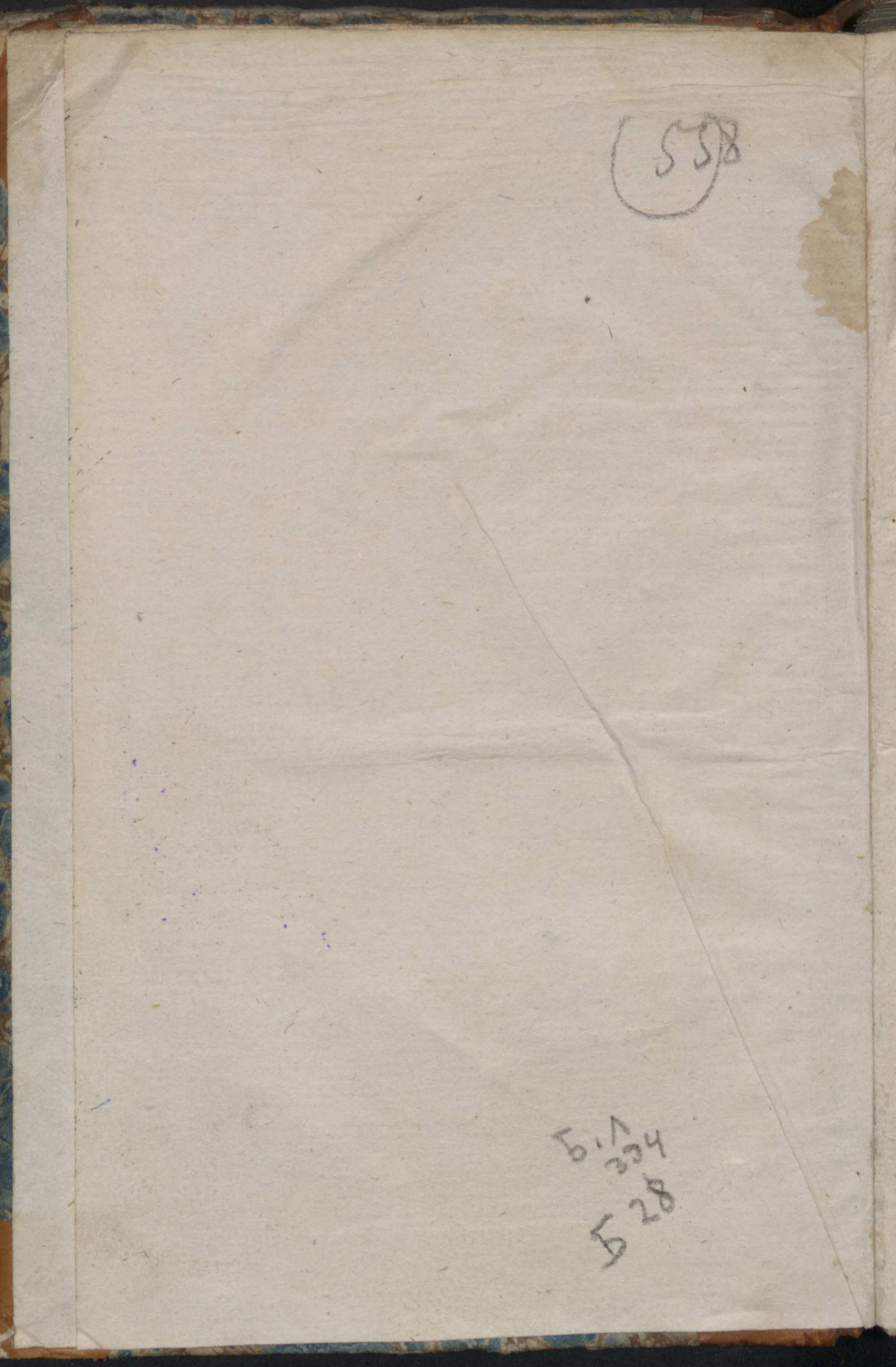

ХРИСТІАНА БАВМЕЙСТЕРА

НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

ФИЛОСОФІЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ БЛАГОРОДНАГО ЮНОШЕСТВА

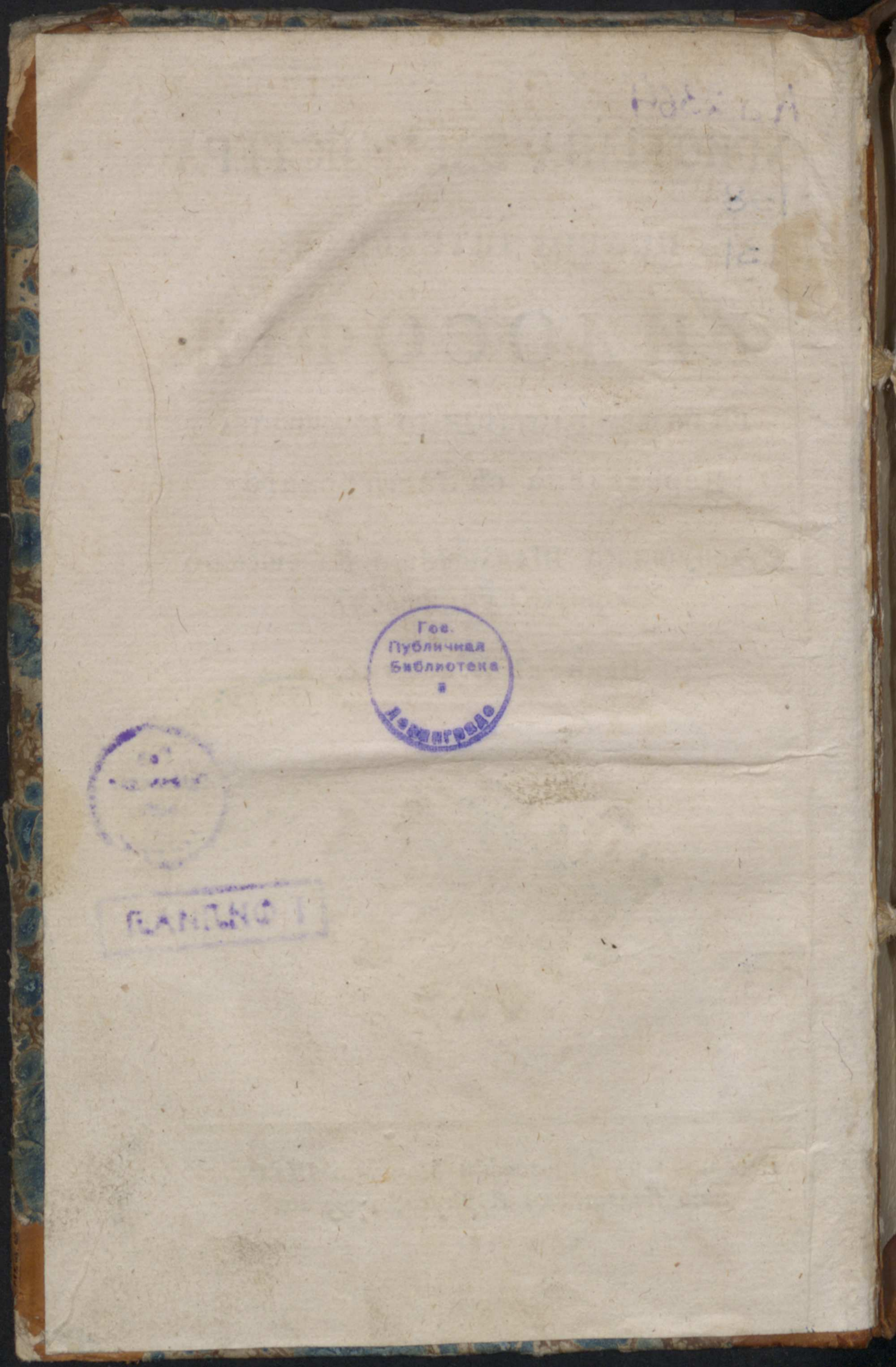
Переведена съ Латинскаго

Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса учителемъ

Иваномъ Исаевымъ.

Печатана въ Типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, 1783 года.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Императорскаго Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса Совѣта Господамъ Членамъ

Усерднѣйшее приношенïе.

Милостивые государи!

Патріотическаго здѣсь благородному Юношеству воспитанія учрежденія по истинѣ небесныя. Я онымъ сообразуяся, пріемлю смѣлость переведенную мною знаменитаго по всѣмъ Россійскимъ училищамъ Писателя Нравоучительную Философію посвятить Вамъ, Высокопочтенному Совѣту. Всѣ вѣки науку сію питательницею благонравія въ обществахъ, а потому и источникомъ спокойствія и тишины во взаимностяхъ житейскихъ почитаютъ. Сей малый трудовъ моихъ опытъ тѣмъ наиболѣе осчастливленъ будетъ, если просвѣщенные особы великодушно его

при-

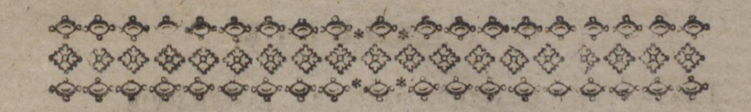
примутъ, и простятъ мнѣ, по моей въ немъ новости, погрѣшности: что самое и впредь къ подобнымъ упражненіямъ пріятнымъ мнѣ послужитъ поощреніемъ. Сею я ласкаяся надеждою съ моимъ истиннымъ почитаніемъ есмь и пребыть имѣю

Вамъ

Милостивые Государи

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Исаевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

§. 1.

Поелику теперь въ такое дѣло мы вступаемъ, чтобъ съ надлежащею ясностію изтолковать тѣ правила, съ коими нравы человѣческіе должны сообразоваться; то за должное щитаемъ въ самомъ началѣ до точности изслѣдовать существенность практической или дѣятельной Философіи, и по томъ каждую ея часть порознь.

§. 2.

А чтобъ достовѣрнѣе узнать весь составъ практической Философія или нравственной, то я прошу приложить вниманіе къ слѣдующимъ положеніямъ.

I. Опытъ довольно учитъ всякаго, что воля наша того только желаетъ, что намъ представляется подъ видомъ добра, и что она того удаляется и отвращается, что мы за зло почитаемъ. Сіе положеніе въ Метафизикѣ въ §. 230. пространнѣе нами истолковано и доказано.

II. Изъ опыта такъ же знаемъ, что часто погрѣшительнымъ нашимъ мнѣнїемъ то мы за добро почитаемъ, что въ самомъ дѣлѣ есть зло, а то не рѣдко зломъ считаемъ, что добро дѣйствительное.

III. Отъ чего происходитъ, что воля отъ прямаго пути отставши стремится часто къ тому, что сущее есть зло, а того напротивъ отвращается, что само въ себѣ есть и добро и полезно. Слѣдовательно никто тому удивляться не долженъ, что весьма многїе изъ смертнихъ, пустившися слѣпо въ ровъ несомнѣнной погибели, истиннаго и твердаго лишаются блаженства.

IV. По чему, сколь нужно, чтобъ люди произведенные въ свѣтъ для добра и благополучїя отъ предложенной сей цѣли не отступали, столь такъ же полезно, чтобъ открыть имъ путь, и подать способъ, которымъ бы они могли такъ свою волю управлять и разполагать, чтобъ она только къ истинному добру стремилася, и всего того, что зло, и вредительно, уклонялася и отвращалася.

V. Сїе то самое и предлагаетъ себѣ Философїя практическая или дѣятельная, или нравственная.

VI. Изъ чего явствуетъ, что Философїя дѣятельная или нравственная не иное что есть, какъ та часть Философїи, которая преподаетъ такїя правила, коими воля человѣческая въ избранїи добра, и въ избѣжанїи отъ зла управляется.

§. 3.

§. 3.

Предложивъ сїе о практической Философїи опредѣленїе, удобно теперь разумѣть будешь положенїя въ ономъ заключающїяся, кои я въ наилучшемъ порядкѣ представлю.

I. Когда дѣятельная или нравоучительная Философїя преподаетъ намъ правила управляющїя волею нашею въ избранїи добра и въ избѣжанїи отъ зла (§. 2. Пол. VI.); то во первыхъ нужно, чтобъ она научала насъ, какїя бы то были блага, коихъ воля наша желать, и какїя бы то были злая, коихъ бы она отвращаться долженствовала.

II. По сему необходимо нужно, чтобъ дѣятельная Философїя снабдила насъ извѣстными нѣкоторыми правилами и положенїями, опредѣляющими намъ, что такое есть имянно добро, и что зло: и при томъ показывающими намъ и предписывающими, чего намъ желать, и чего такъ же съ отвращенїемъ должно удаляться.

III. Правила или законы предписывающїе человѣку что ему дѣлать, и чего отвращаться, должны быть соразмѣрны его силамъ: т. е. чтобъ они предписывали дѣлать намъ то только, что намъ возможно. А какъ душевныя и тѣлесныя силы составляютъ естество челока (§. 162. въ Космологїи): то правила и законы преподаваемые въ Философїи дѣятельной выводить и почерпать надлежитъ изъ самаго естества человѣческаго.

IV. Отсюда происходитъ новая практическая наука изъясняющая естественные законы,

кои обязуютъ людей дѣлать добро, а отъ зла удаляться. И сія наука называется ПРАВОМЪ ЕСТЕСТВЕННЫМЪ, которое есть не что иное, какъ знаніе естественныхъ законовъ человѣка обязующихъ.

V. Однако для утвержденія человѣка въ его благополучіи не довольно предписывать ему правила, по которымъ бы онъ управлялъ своими дѣлами, или иначе сказать, приказывать только ему что дѣлать, и запрещать то, что оставлять должно: но надобно при томъ показать ему и способъ, коимъ бы онъ могъ повиноваться закону естественному, и исполняя повелѣнія его тѣмъ болѣе умножалъ и утверждалъ свое благополучіе.

VI. Отсюда проистекаетъ опять новая наука отъ первой со всемъ отмѣнная, которая преподаетъ правила показывающія способъ или средства сообразовать свои дѣйствія съ тѣмъ, что законами въ правѣ естественномъ предписанными повелѣно или запрещено. Мы сію науку называемъ ЕТИКОЮ, которая есть знаніе правилъ показывающихъ намъ средство или способъ дѣлать то, что правомъ естественнымъ повелѣно, и оставлять то, что онымъ же запрещено находится.

VII. О человѣкѣ разсуждать можно двояко: во первыхъ по колику онъ человѣкъ только, во вторыхъ по колику онъ живетъ въ обществѣ съ людьми. Что человѣку, по колику онъ есть человѣкъ, дѣлать должно или нѣтъ, тому его учитъ право естественное и Етика; и первое учитъ предписывая купно ему и храненіе законовъ, другая же показываетъ способы какъ

повино-

повиноваться законамъ естественнымъ (Пол. VI.). А что человѣкъ, по колику онъ гражданинъ, дѣлать или чего удаляться долженъ, учитъ его тому Политика или Градомудрїе.

VIII. И такъ изъ сего слѣдуетъ, что Политика есть наука преподающая правила, по коимъ дѣйствїя человѣка, по колику онъ, яко гражданинъ, живетъ въ сообществѣ, управляемы и располагаемы быть долженствуютъ.

IX. Въ преподаванїи всѣхъ сихъ дѣятельной Философїи частей не по надлежащему поступимъ, если прежде по порядку Математическому не предложимъ началъ нѣкїихъ и основанїй, изъ которыхъ бы истины и положенїя какъ въ нравственной Философїи такъ и въ правѣ естественномъ, и въ наукѣ гражданской встрѣчающїяся правильно могли быть доказаны.

X. И такъ сїи всеобщїя понятїя и главнѣйшїя положенїя объясняетъ и показываетъ намъ одна только всеобщая дѣятельная Философїя, которая не иное что есть, какъ наука преподающая намъ основанїя всеобщїя и начала, изъ которыхъ правила для нравовъ, и истины дѣятельныхъ наукъ правильно могутъ быть доказываемы.

§. 4.

Теперь можно знать безъ трудности, какїя имянно науки во нравоучительной Философїи содержатся: и какой долженъ храниться порядокъ въ преподаванїи наукъ нравственныхъ.

I. Надобно предположить всеобщія начала, и изъяснить такія понятія, безъ коихъ истины естественнаго права, и нравственной науки понимаемы быть не могутъ. И для того мы о Философіи дѣятельной всеобщей, или о главномъ нравоученіи въ самомъ началѣ говорить имѣемъ.

II. По учиненіи сего разсмотримъ законы обязующіе всякаго человѣка, по колику онъ человѣкъ, къ творенію добра, и къ отвращенію отъ зла. А какъ сіе долженствуетъ быть въ правѣ естественномъ, то мы объ ономъ во вторыхъ разсуждать будемъ.

III. По семъ мы покажемъ средство, коимъ бы навыкъ или способность жить сходственно съ естественнымъ закономъ пріобрѣсть было можно. А какъ сіе принадлежитъ до Етики (§. 3, Пол. VI.); то она у насъ займетъ третіе мѣсто.

IV. Напослѣдокъ предложимъ и о томъ, что человѣку, по колику онъ живетъ въ обществѣ, хранить и наблюдать должно. Слѣдовательно Политика въ четвертомъ и послѣднемъ мѣстѣ представлена будетъ.

ГЛАВА I.

О дѣйствіяхъ человѣческихъ и о ихъ различности.

§. 5.

По елику во нравственной Философіи, въ которой вещи желанія и отвращенія достойныя

ныя предписываются, предполагаться должны за основанїе всеобщїя познанїя, и главнѣйшїя предложенїя (§. 4. Пол. I.), то намъ должно показать, что такое есть *свободное*, что *доброе*, и что *худое* дѣйствїе: что такое есть *законъ*, *обязательство*, *наказанїе*, *награжденїе*, *добродѣтель*, *порокъ*, *счастїе*, *совѣсть*, и проч.

§. 6.

Изъ опыта извѣстно, что нѣкоторыя въ человѣкѣ случающїяся дѣйствїя суть такїя, что не въ нашей бываетъ власти предпринимать ихъ или нѣтъ. Другїя же дѣйствїя зависятъ отъ человѣческой свободы, и такъ притомъ, что по произволенїю ихъ производить или оставлять можемъ. Первыя дѣйствїя называются *необходимыми* или *естественными*, другїя же *свободными* или *нравственными*.

Н. П. Что душа мыслитъ, и понимаетъ, то сїе называется дѣйствїемъ ея необходимымъ или естественнымъ.

Ибо никто не можетъ и не властенъ учинить того, чтобъ онъ по волѣ своей мыслилъ или нѣтъ: для того, что душа внутреннимъ и безпрерывнымъ какъ бы движенїемъ колеблемая производитъ свои размышленїя не справляясь съ нашимъ на то соизволенїемъ. Варенїе желудка такъ же есть дѣйствїе естественное или необходимое: по тому что желудокъ по распорядку своему и по свойству такъ устроенъ, что варитъ пищу, хотя бы желалъ или не желалъ того человѣкъ. Но если кто сквернословную книгу взявъ въ руки прочитаетъ, то называется ето дѣйствїемъ свободнымъ: по тому, что

могъ бы

могъ бы онъ другую книгу лучшую и полезнѣйшую читать, и въ его было власти и волѣ читать ее или нѣтъ.

Между дѣйствіемъ необходимымъ и свободнымъ, какъ думаютъ нѣкоторые, есть дѣйствіе *посредственное* или *смѣшенное*.

Дѣйствіе смѣшенное, по ихъ мнѣнію, предпринимаетъ человѣкъ свободно но не охотно. Или смѣшеннымъ дѣйствіемъ называется, когда кто крайнею необходимостію принуждаемый избираетъ нѣчто какъ бы меньшее зло, и принимается за то, чего бы безъ крайности не предпринималъ.

Н. П. Когда купецъ морскимъ волненіемъ и бурею приведенъ будучи въ опасность жизни бросаетъ въ море всѣ свои товары, чтобъ тѣмъ жизнь свою спасти, то оное товаровъ въ море метаніе, предпринимаемое купцомъ, называется дѣйствіемъ смѣшеннымъ. Ибо хотя онъ сіе дѣйствіе произвольно предпринимаетъ, но не охотно.

То, что нѣкоторые здѣсь точнѣйшимъ образомъ разсуждаютъ о различности дѣйствія *человѣческаго* и дѣйствія *человѣка*, кажется не столько важно, чтобъ въ разсматриваніи оныхъ намъ много медлить. Мы короткое о семъ учинимъ здѣсь примѣчаніе. Дѣйствіемъ человѣка называется то, которое онъ общее съ животными имѣетъ, н. п. *спать, ѣсть, пить, раждать, расти*, и проч. А дѣйствіемъ *человѣческимъ* называется то, которое человѣкъ отъ животныхъ и растѣній отмѣнное имѣетъ, н. п. *добро отдѣлять отъ зла, разсуждать, и одно изъ другаго выводить, и дѣлать согласное съ закономъ*. Такимъ же почти образомъ въ общежитіи дѣлается раздѣленіе между дѣйствіемъ Короля и дѣйствіемъ Королевскимъ. ІАКОВЪ І. Король

Король Аглинской многія говорилъ школьныя рѣчи предъ народомъ, которое дѣйствіе было только Короля, а не Королевское.

§. 7.

Послѣ всего вышереченнаго удобно можно выразумѣть положенія слѣдующія.

I. Ни какое дѣйствіе свободнымъ названо быть не можетъ, развѣ только то, которое по опредѣленію воли предприемлется. Ибо ни кто свободно дѣйствовать не можетъ, развѣ только кто изъ многихъ возможныхъ избираетъ то, что ему наиболѣе нравится (по опр. свободы §. 267. Пол. VIII. въ Мета.). Ни кто не можетъ изъ многихъ возможныхъ избирать того, что весьма ему угодно, ежели одного предъ другимъ больше желать не будетъ (по опр. избранія). Никто не можетъ желать одного предъ другимъ, какъ только по опредѣленію своей воли (ибо желаніе не отъ инаго чего какъ отъ воли происходитъ, что доказываетъ и самое воли опредѣленіе). Слѣдовательно ни кто свободно дѣйствовать не можетъ, развѣ только кто дѣлаетъ по опредѣленію воли. И такъ ни какое дѣйствіе свободнымъ названо быть не можетъ, развѣ только по опредѣленію воли предприемлемое.

II. Ни какое дѣйствіе свободнымъ названо быть не можетъ, кромѣ того, которое по совѣту разума предприемлется. Ибо если свободное дѣйствіе отъ свободы происходитъ (§. 6. Пол. VI): а тамъ ни какой свободѣ мѣста быть не можетъ, гдѣ не вмѣщается разумъ съ

разсуж-

разсужденїемъ (§. 267. въ Мета.). Слѣдовательно ни какое дѣйствїе свободнымъ названо быть не можетъ, развѣ только по совѣту разума предприемлемое.

III. Изъ сего понимать можно, что нѣкоторые Философы разумъ и волю справедливо называютъ началами свободныхъ дѣйствїй. Смотри у Гейнекцїя о правѣ естест. и народ. §. 30.

IV. Изъ реченнаго явствуетъ причина, для которой Пуфендорфъ опредѣлилъ человѣческое дѣйствїе (ибо такъ онъ называетъ дѣйствїе свободное), чрезъ такое движенїе, которое по совѣту разума и по опредѣленїю воли предприемлется.

V. Все сїе доказываетъ, что тѣ дѣйствїя, кои предприемлютъ люди лишенные смысла и его вспоможенїй, къ свободнымъ дѣйствїямъ относить ни какъ не надобно.

VI. Слѣдственно сумозбродныхъ, бѣшеныхъ, лунатиковъ, чрезмѣрно пьяныхъ, въ глубокой сонъ погруженныхъ дѣйствїя щитать свободными не должно.

§. 8.

Всякое свободное дѣйствїе, предприемлемое человѣкомъ, есть такова свойства, что изъ онаго нѣкоторыя раждаются перемѣны, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ его внутреннемъ и внѣшнемъ состоянїи. Въ чемъ опытъ и собственное всякаго чувство увѣряютъ.

Ежели Кай мотовствомъ тратитъ свое имѣнїе, и нещадно расточаетъ оное, то сїе расточенїе не

не безчисленныя ли производитъ перемѣны какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ его состояніи, которыя по справедливости назвать можно дѣйствіями или послѣдствіями Кайева расточенія.

§. 9.

И такъ когда изъ всякаго свободнаго человѣческаго дѣйствія нѣкоторыя послѣдствія и перемѣны, яко дѣйствія, отъ своей причины происходятъ (§. 8); то удобно изъ сего познается, что перемѣны оныя, изъ свободныхъ дѣйствій происходящія или суть такія, кои сходствуютъ съ естествомъ человѣческимъ, хранятъ душевныя и тѣлесныя свыше данныя силы, и укрѣпляютъ оныя; по чему новое состояніе, изъ дѣйствія происходящее, сходствуетъ съ состояніемъ предшествующимъ: или такого свойства бываютъ, что съ естествомъ человѣческимъ, въ соединеніи душевныхъ и тѣлесныхъ свыше вліянныхъ силъ состоящимъ не сходствуютъ, а по тому и новое производятъ состояніе предшествующему состоянію со всемъ противное.

Слѣдующій примѣръ лучше объяснитъ намъ вышереченное.

Представь себѣ, что Кай живетъ трезво и умѣренно: то не можетъ статься, чтобъ изъ трезвенной его жизни не произошло таковыхъ перемѣнъ, которыя бы съ естествомъ его, т. е. съ сохраненіемъ и укрѣпленіемъ силъ его не сходствовали. Нѣтъ ему причины пагубныхъ отъ его дѣйствій опасаться слѣдствій: нѣтъ причины подъ

старость жаловаться о разслабѣломъ отъ невоздержности и сластолюбія тѣлѣ. Величайшее здѣсь его состояній настоящаго, прошедшаго, и будущаго, согласіе усматривается. Противное сему и совсемъ отмѣнное происходитъ съ Тиціемъ. Онъ порабощенъ будучи сластолюбію и похотямъ, столъ содержитъ богатой, пьетъ дорогіе напитки, и часто по трактирамъ и кофейнымъ домамъ таскается. Какіяжъ изъ сего проистекаютъ перемѣны? Какія слѣдствія? Новое сіе состояніе изъ его дѣйствій произшедшее не противно ли прежде бывшему его состоянію? Прежде сего Тицій между пиршествами былъ весьма веселъ, и пріятнѣйшимъ образомъ съ друзьями обращался: нынѣ же отъ всѣхъ будучи оставленъ, и истаевая гладомъ непрестанно воздыхаетъ. Прежде будучи богатъ всѣмъ безъ разбору сыпалъ свои деньги: нынѣ же все свое имѣніе проживши принужденъ у чужихъ воротъ просить себѣ пропитанія. Прежде онъ былъ здоровъ, крѣпокъ и дороденъ; нынѣ же мокрота его давитъ, связанъ будучи подагрою такъ какъ оковами, жесточайшими и неизвѣстными терзается мученіями, или изнуренъ чахоткою, худощавымъ лицемъ и изсохшимъ тѣломъ страшенъ сдѣлался на него смотрящимъ. Посмотри коликое между состояніемъ его прешедшимъ, настоящимъ, и будущимъ различіе.

§. 10.

По елику совершенство есть согласіе различныхъ вещей въ одномъ (§. 64. въ Мета.); то слѣдуетъ, что дѣлаетъ въ нашихъ состояніяхъ согласіе, намъ и состоянію нашему совершенство

вершенство придаетъ, или, какъ бы тоже сказать, насъ и наше состоянїе творитъ совершеннѣйшими. И какъ напротивъ того несовершенство есть несходствїе разныхъ вещей въ одномъ (§. 65. въ Мета.), то и видно, что все то, что производитъ нѣкоторую между состоянїями прешедшимъ, настоящимъ, и будущимъ разность, намъ и состоянїю нашему несовершенство причиняетъ, или какъ бы тоже сказать, насъ и наше состоянїе дѣлаетъ несовершеннѣйшими. О сихъ нынѣ употребляемыхъ реченїяхъ: *дѣйствїе т. е. насъ и наше состоянїе совершеннѣйшими дѣлаетъ*, и *дѣйствїе насъ и наше состоянїе несовершеннѣйшими дѣлаетъ*, разные и жаркїе не давно происходили споры. Я сему не удивляюсь: потому что весьма многїе реченїй сихъ не разумѣютъ. Ибо тотъ долженъ быть довольно просвѣщенъ Метафизическими о совершенствѣ и несовершенствѣ понятїями, кто желаетъ точно знать, что такое значитъ: *дѣйствїе дѣлаетъ состоянїе наше совершеннѣйшимъ*. А чтобъ лучше намъ о семъ Волфїеву мысль узнать, то самого его послушаемъ: *жизнъ человѣческая*, говоритъ онъ, *по колику означаетъ связь дѣйствїй свободныхъ, называется совершенною, если каждое изъ дѣйствїй тѣхъ свободныхъ къ общему нѣкоторому устремляется концу, къ коему склоняются и естественныя дѣйствїя: изъ сего т. е происходитъ въ свободныхъ дѣйствїяхъ какъ между ими самими такъ и съ естественными согласїе; а въ томъ самомъ и состоитъ совершенство жизни человѣческой*. О семъ въ Волфїевой Онтологїи въ §. 503.

§. 11.

§. 11.

Изъ сего видно, что всѣ свободныя дѣйствія, предприемлемыя нами, или насъ и наше состояніе совершеннѣйшими дѣлаютъ, или намъ и состоянію нашему несовершенство причиняютъ. Ибо когда дѣйствія нами предприемлемыя или производятъ въ состояніи нашемъ внутреннемъ или внѣшнемъ съ естествомъ нашимъ сходственныя перемѣны, и согласіе состояній нашихъ, настоящаго т. е. прошедшаго, и будущаго дѣлаютъ: или такія имѣютъ слѣдствія и произшествія, кои съ естествомъ, съ концемъ, съ душевными такъ же и тѣлесными силами не сходствуютъ, и нѣкоторое раждаютъ разногласіе въ состояніяхъ (§. 9.); дѣйствіе же съ силами, съ естествомъ, и со всѣми состояніями нашими сходное, почитается такимъ, которое насъ, и состояніе наше дѣлаетъ совершеннѣйшими: а на противъ того дѣйствіе, съ естествомъ человѣческимъ, такъ же съ концемъ, и съ состояніями нашими несогласное за такое признавается, которое дѣлаетъ насъ и состояніе наше несовершеннѣйшими (§. 10.); то изъ сказаннаго явствуетъ, что всѣ дѣйствія, нами предприемлемыя, или насъ и состояніе наше дѣлаютъ совершеннѣйшими, или несовершеннѣйшими творятъ оное.

§. 12.

Добромъ мы назвали въ Метафизикѣ то, что намъ и состоянію нашему совершенство доставляетъ, или иначе сказать, то что съ

концемъ

концемъ нашимъ согласуетъ: *а зломъ* назвали мы то, что насъ и наше состоянїе дѣлаетъ несовершеннѣйшими, или что съ концемъ нашимъ не сходствуетъ. Такъ по сему *дѣйствїе доброе* будетъ то, которое намъ, и состоянїю нашему причиняетъ совершенство, или кое съ концемъ нашимъ согласуетъ; *а злое* будетъ то, которое насъ и состоянїе наше дѣлаетъ несовершеннѣйшими, или кое съ концемъ нашимъ не сходствуетъ (§. 10.)

§. 13.

Изъ предложенныхъ опредѣленїй слѣдующїя выходятъ положенїя.

I. Всякое свободное дѣйствїе есть или доброе или худое. Ибо когда всякое свободное дѣйствїе насъ и состоянїе наше или совершеннѣйшими или несовершеннѣйшими дѣлаетъ (§. 11.), первое же называется добрымъ, а послѣднее худымъ (§. 12); то явствуетъ, что всякое свободное дѣйствїе есть или доброе или худое.

Добрыя дѣйствїя, могущїя такъ же по справедливости назваться *честными*, нѣкоторые описываютъ чрезъ дѣйствїя съ естествомъ сходныя, или чрезъ согласныя съ концемъ, и къ сохраненїю и благополучїю человѣка способствующїя: другїе же называютъ ихъ дѣйствїями съ закономъ согласными. *А злыя* напротивъ дѣйствїя, не непристойно и безчестными называемыя, изъясняютъ они чрезъ дѣйствїя, съ закономъ и съ крайнимъ концемъ человѣка несогласныя, кои разрушаютъ его цѣлость и благополучїе, и какъ человѣческому естеству, такъ и закону самому противны. Хотя кажется,

  то

что ученые сїи люди инакїя, и отъ нашего со всемъ отмѣнныя предлагаютъ опредѣленїя; однакожъ они въ одинхъ только рѣчахъ отъ насъ различествуютъ, а въ самой вещи съ нами согласны. Сїе окажется яснѣе, ежели наше на сїе прочитаешь доказательство, что дѣйствїе бываетъ или согласно съ закономъ, или ему противно, смотря по тому, что оно насъ и наше состоянїе совершеннѣйшими или несовершеннѣйшими дѣлаетъ. Я, съ точностїю разобравъ сїе дѣло, нашелъ, что ничто съ естествомъ согласно, или ему противно быть не можетъ, и ничто такъ же къ вящшему сохраненїю и къ умноженїю благополучїя человѣка или къ разрушенїю онаго не способствуетъ, ежели оное не будетъ таково, что бы насъ и наше состоянїе совершало, или дѣлало несовершеннѣйшими.

Если же, скажешъ ты, всякое дѣйствїе есть или доброе или худое: то слѣдовательно уже не будетъ дѣйствїя *безкачественнаго*. Но какъ мы, по свидѣтельству опыта, многїя предпринимаемъ такїя дѣйствїя, которыя ни насъ, ни состоянїе наше не совершаютъ, ни счастїя нашего не разрушаютъ, то по тому ни добрыя суть ни худыя; то не трудно разсудить, что могутъ еще быть и дѣйствїя безкачественныя. Ибо дѣйствїе безкачественное то называется, которое бываетъ ни доброе ни худое. Здѣсь слѣдующее примѣчать надлежитъ. Много ли есть такихъ людей, которые бы сдѣлать могли что нибудь такое, изъ чего бы ничего не выходило клонящагося или къ совершенству или къ несовершенству ихъ состоянїя. Ибо хотя весьма многїе, не вникающїе въ свои дѣйствїя, ничего, какъ имъ кажется, въ нѣкоторыхъ предприемлемыхъ ими дѣйствїяхъ не примѣтили такова, что бы къ

совершен-

совершенству ихъ состоянія или къ несовершенству клонилося: однако разсматривающіе прозорливымъ окомъ последствія своихъ деяній примечаютъ нечто отъ оныхъ происходящее, чего никто кроме самыхъ прозорливыхъ людей усмотреть не можетъ. Ето часто случается, что по темъ только действій последствіямъ, кои поражаютъ чувства, мы судимъ или о ихъ честности, или о худости. Но сіе напрасно такъ делаемъ. Каждое действіе бываетъ изъ простыхъ сложено, кои безконечное имеютъ сплетеніе, такъ что тотъ, кто съ отменнымъ примечаніемъ вникнетъ въ обстоятельства какого нибудь действія, въ разсуждении места и времени, явственно увидитъ сходствіе или несходствіе действія съ совершенствомъ нашимъ. Ибо не только то действіе порочнымъ почитать должно, которое безпосредственно человеку бываетъ вредно, н. п. ежели кто выпьетъ яду, или самъ себя умертвитъ. Но и то такъ же действіе должно почитать разрушающимъ совершенство наше, которое много уже летъ спустя намъ, или другимъ некоторой вредъ наноситъ, такъ же и то, которое хотя и не прямо разрушаетъ наше благополучіе, однако пряпятствуетъ намъ къ достиженію вышшихъ его степеней, или по крайней мере то делаетъ, что съ большею трудностію и несколько медлительнее достигаемъ благополучія. Не надобножъ оставить и того безъ примечанія, что некоторыя действія бываютъ такого свойства, что *каждое* изъ нихъ *порознь* можетъ насъ вредить или и совсемъ не можетъ. Но какъ те же самыя действія пріятностію некоторою прельщаютъ чувства, и человека къ частому ихъ повторенію толико побуждаютъ, что чемъ чаще повторять оне ихъ будетъ,

детъ,

детъ, тѣмъ большая къ предпріятію ихъ раждается въ немъ склонность: то сія склонность внутреннею ума развратностію, яко тлетворною питаемая снѣдію, до такого напослѣдокъ приводитъ его состоянія, что уже онъ и способовъ не находитъ избавить себя отъ такихъ бѣдствій. По разсмотрѣніи сего не трудно понять, что такое должно думать о дѣйствіяхъ, безкачественными называемыхъ. О семъ больше сказано будетъ въ послѣдствіи. Смотри Готшеда разсужденіе о источникѣ пороковъ человѣческихъ §. 5.

§. 14.

I. Для чего иное дѣйствіе есть доброе, а иное худое, причину довольную сыскивать надлежитъ во внутреннемъ онаго же дѣйствія естествѣ и слѣдствіяхъ. Ибо когда дѣйствіе чрезъ то дѣлается добрымъ, что наше состояніе внѣшнее или внутреннее дѣлаетъ лучшимъ (§. 12.): и чрезъ то бываетъ худымъ, что воономъ производитъ несовершенство (§. 12): то видно, что изъ совершенства или изъ несовершенства состоянія отъ дѣйствій происходящаго понимать должно, для чего дѣйствіе есть или доброе или худое, причину сему изъ внутренняго дѣйствій естества, и изъ ихъ слѣдствій опасныхъ или вожделѣнныхъ и радостныхъ понимать должно. То, изъ чего мы понимаемъ, для чего какая нибудь вещь бываетъ или не бываетъ, и для чего она бываетъ симъ а не инымъ образомъ, называется довольною причиною (§. 14. въ Мета.); и такъ причина довольная, для чего одно дѣйствіе

ствіе есть доброе, а другое худое, во внутреннемъ дѣйствія естествѣ и въ его слѣдствіяхъ находится.

Н. П. спрашиваешъ ты, для чего умѣренность есть нѣчто доброе? Отвѣтствую: по тому, что умѣренности свойство есть такое, что силы тѣла нашего не только не разрушаетъ, но еще хранитъ ихъ и умножаетъ: а по тому и самый нашъ умъ, поддерживаемый яко нѣкіими тѣла укрѣпленіями, приводитъ въ здравое и живое состояніе, и недопускаетъ наконецъ, что бы имѣніе, въ коемъ для благополучной жизни непремѣнно имѣемъ надобность, напрасно расточилось. Надлежитъ тебѣ быть слѣпу, или ты понимать долженъ, что здѣсь довольная причина тому, что умѣренность есть нѣчто доброе, берется изъ самаго естества умѣренности, и изъ щастливѣйшихъ ея произшествій. То же самое бываетъ, когда хотимъ представить другимъ предъ очи гнусность неумѣренности. Не для того ли называемъ мы ее худою, и избѣганія достойною, что она тѣлесныя силы и соки истощаетъ, что все свѣтило разума помрачаетъ, въ слабость приводитъ разсудокъ, и человѣка до крайняго недостатка доводитъ, напослѣдокъ ко всемъ побуждая его безчиніямъ, ничего инаго въ умѣ не оставляетъ, кромѣ огорченій, болѣзнованій, мученій, и безчисленныхъ совѣсти язвъ и угрызеній. Что изрядно утверждаетъ Святый Павелъ къ Еф. Гл. 15. ст. 18. совѣтуя удалятся пьянства, для того что оно блудъ раждаетъ.

II. Дѣйствіе доброе само по себѣ есть доброе, и худое само по себѣ худое. Мы объявили, что дѣйствіе само по себѣ доброе есть то, которое довольную причину того, по чему оно

есть доброе, и худое, въ себѣ и въ естествѣ своемъ, и въ послѣдствїяхъ отъ него происходящихъ имѣетъ. А какъ въ естествѣ и въ слѣдствїяхъ добраго или худаго дѣйствїя примѣчается довольная причина, по чему оно хорошо или худо (пол. 1.); то и слѣдуетъ что дѣйствїе доброе само по себѣ есть доброе, и худое само по себѣ есть худое.

III. Дѣйствїе доброе по необходимости есть доброе, а худое дѣйствїе неминуемо есть худое. Ибо когда довольная причина того, по чему дѣйствїе доброе или худое есть, во внутреннемъ дѣйствїя естествѣ, или, по мнѣнїю Волфїя, въ существенныхъ его ограниченностяхъ находится (пол. 1), а что довольную своего бытїя причину имѣетъ въ существѣ какой либо вещи, то бываетъ, какъ говорятъ, по необходимости (Онтол. §. 33. пол. 11.); то слѣдуетъ, что дѣйствїе доброе по свойству своему есть доброе, а худое по свойству же своему есть худое.

Представь себѣ, что дѣйствїе доброе не по свойству своему есть доброе, и худое не по свойству своему худое, то изъ сего будетъ слѣдовать, что дѣйствїе доброе могло бы быть и худымъ, а худое могло бы быть и добрымъ (ибо то, что не по свойству своему есть таковымъ, можетъ быть инаковымъ, или, какъ иначе говорится, противоположенное оному есть возможное (§. 54. въ Мета). Слѣдственно должно будетъ заключить, что богопочитанїе и богослуженїе, самохраненїе, умѣренность, цѣломудрїе, искренность, къ друзьямъ благопрїятность могли бы быть нѣчто худое: и на противъ того богохульство, клятвопреступленїе, воровство,

насилїе,

насилїе, убїйство, и прочїя наисквернѣйшїя беззаконїя могли бы быть нѣчто доброе. А какъ такимъ образомъ говорить и утверждать есть нелѣпое и нечестивое дѣло, то безъ сомнѣнїя заключить должно, что дѣйствїе доброе есть по свойству своему доброе, а худое дѣйствїе по свойству своему есть худое.

Не подумай изъ сего, чтобъ въ семъ мѣстѣ разумѣлось нѣчто называемое отъ Спинозы необходимою нуждою. Его какъ изъ всей Философїи, такъ наипаче изъ науки нравственной изключено и отвергнуто. По условной необходимости дѣйствїя отъ своихъ причинъ происходятъ, какъ мы въ дѣлахъ своихъ наипаче примѣчаемъ. Но есть ли это необходимо, чтобъ слѣдуя добродѣтели и здравому разсудку наслаждались мы спокойствїемъ духа; кто изъ смертныхъ когда нибудь могъ воспрепятствовать, чтобъ отъ убїйства, отъ клятвопреступленїя, отъ невоздержности и сладострастїя, или терзанїя совѣсти, или другїя огорченїя съ душевнымъ безпокойствїемъ соединенныя не происходили?

§. 15.

Доброта и худость дѣйствїй человѣческихъ называется *нравственностїю* тѣхъ же самыхъ дѣйствїй. И когда довольная причина, по чему дѣйствїя свободныя или суть добрыя или худыя, во внутреннемъ дѣйствїй естествѣ и въ послѣдствїяхъ ихъ же самыхъ заключается, то сїе называется *нравственностїю предметною*, понеже причина не внѣ дѣйствїя въ какомъ либо подлежащемъ повелѣвающемъ оное или запрещающемъ изыскивается, но въ самомъ дѣйствїи, или въ томъ самомъ предметѣ, ко-

 торой

торой яко нѣчто доброе повелѣвается, или яко нѣчто худое запрещается.

§. 16.

И такъ ты изъ всего нами доказаннаго видишъ, что мы не можемъ не пристать ко мнѣнїю нравственность предмѣтную защищающихъ.

Сїе о предмѣтной нравственности мнѣнїе причиною было пагубныхъ возмущенїй и весьма жаркихъ споровъ въ наши времена: да они и по сїе время еще не утишились, и вражды отъ сего спора произшедшїя не всѣ еще, какъ видно, по самомъ примиренїи окончались. Сказать не можно, сколь многими, и сколь суетными словопренїями сїе ученїе нѣкоторые обезобразили, и сколь посрамительно слова, худо выразумленныя, многихъ умы привели въ несостоянїе. Дѣло здѣсь происходитъ о причинѣ, для чего дѣйствїя свободныя суть добрыя или худыя. Ученые люди различно о семъ разсуждаютъ. Одни причину, по чему всякое дѣйствїе есть доброе или худое, выводятъ изъ самаго дѣйствїя источника, и изъ самыхъ его произведенїй, и говорятъ, что будто бы Богъ нѣкоторыя дѣйствїя повелѣлъ или запретилъ для того, что они сами въ себѣ и въ своемъ естествѣ добрыя суть или худыя: а не для того суть добрыя или худыя, что Богъ ихъ повелѣлъ или запретилъ. Другїе думаютъ инако, и не вѣрятъ, что бы Богъ нѣкоторыя дѣйствїя повелѣлъ или запретилъ для того, что они сами въ себѣ того достойны: но для того только, говорятъ, они добры и худы, что Богъ ихъ или запретилъ или повелѣлъ. Къ первымъ принадлежатъ

Схола-

Схоластики, утверждающіе, что нѣкоторыя дѣйствія предварительно закону или волѣ Божіей суть худыя или добрыя. О таковомъ мнѣніи хотя нѣкоторые нравственности предмѣтныя защитники и думаютъ, что оно не очень понятно и не сродно: однако же иные явственнѣе истолковать оное за долгъ сочли, положивъ раздѣленіе между волею Божіею *созидательною*, или *распорядительною*; и между волею Божіею *попелительною* или *законодательною*. То есть, они говорятъ, что Схоластиковъ мысль была такая, что нѣкоторыя дѣйствія худыми или добрыми были еще прежде, нежели Богъ положительнымъ закономъ предписалъ или запретилъ оныя. Ко мнѣнію Схоластиковъ присталъ Гроцій, коему по томъ слѣдовали многіе и Богословы и Философы; изъ нихъ достопамятны суть слѣдующіе: Вельтемій славной нѣкогда Іенскій Философъ, Егеръ, Гохстетеръ, Гебенштрейтъ, Фертшей, Верисдорфъ, Клавзингій, Лейбницъ, Волфъ, Канзій, Ганшъ, Кехлеръ, и другіе.

Схоластикамъ и Гроцію не хотѣлъ слѣдовать Пуфендорфъ. Онъ внутреннюю свободныхъ дѣйствій доброту или худость отвергнулъ, думая, что причину того, для чего иное дѣйствіе есть доброе, иное же худое, изыскивать издобно въ одной волѣ Божіей. Пуфендорфово мнѣніе подтвердили какъ иные многіе, такъ особливо славные вѣка нашего мужи Буддей, Лангій, Валхій, Зиммерманъ, кои, предположивъ нравственность произвольную, утверждаютъ, что убійство, если могу сказать, по тому есть нѣчто худое и гнусное, понеже самъ Богъ оное закономъ запретилъ. И причинъ тому приводятъ не мало, коими думаютъ утвердить свое мнѣніе.

§. 17.

Изъ вышереченнаго слѣдуютъ сіи положенія:

I. Со всякимъ дѣйствіемъ, по свойству его, соединяются побужденія желать онаго или отвращаться. Ибо когда со всякимъ дѣйствіемъ, по естественному союзу, такія соединяются слѣдствія, кои наше состояніе совершеннѣйшимъ или несовершеннѣйшимъ дѣлаютъ (§. 11), и они суть или добрыя или худыя (§. 12); а добро въ какой либо вещи нами признанное служитъ побужденіемъ желать вещи оныя, и худое такъ же въ вещи нами примѣчаемое служитъ намъ побужденіемъ отвращаться отъ оныя (§. 230 въ Мета.); то по сему и должно заключить, что со всякимъ дѣйствіемъ, по естественному союзу, соединяются побужденія желать онаго или отвращаться.

Такъ н: п: съ умѣренностію, по свойственной союзности, различная соединяются благая: удовольствіе духа, здоровье тѣла, соблюденіе чести и имѣнія, и оныхъ умноженіе. Ежели сія благая съ умѣреностію соединненная нами познаваются, то они насъ такъ какъ побужденія поощряютъ почитать умѣренность и желать оныя. Съ неумѣренностію на противъ того, коль великая соединена суть злая! н. п. угрызеніе совѣсти, отчаяніе, слабость здоровья, тяжкія болѣзни, крайнее убожество, безславіе и прочая. Ежели оная злая точнѣе и подробнѣе мы разсматриваемъ, то оныя производятъ въ сердцѣ нашемъ то, что должны мы проклинать невоздержность, и по тому бываютъ побужденіями отвращаться отъ оныя.

II. Такъ ты изъ сего теперь видишъ, что такое, утверждаемое Философами, значитъ: что дѣйствіе доброе само по себѣ есть желательно, а дѣйствіе худое само по себѣ есть отвратительно. Ибо когда во всякомъ дѣйствіи добромъ скрываются побужденія желать онаго, и въ худомъ дѣйствіи такъ же побужденія имѣть къ нему отвращеніе (пол. I.): то всякое доброе дѣйствіе есть такого свойства, что можетъ насъ склонять къ себѣ, да и въ самомъ дѣлѣ склоняетъ, если явственнѣе усматривается въ немъ добро; напротивъ того во всякомъ худомъ дѣйствіи есть нѣчто такое, что какъ только усмотрѣно будетъ человѣкомъ за худое, то и не можетъ не быть оставлено съ презрѣніемъ.

Я довольно удивлялся слыша, что нѣкоторые для того только отвергали сіе положеніе, что опытъ всякому со всемъ другое доказываетъ. Ибо они говорятъ, что всѣ съ превеликою охотою стремятся на дѣйствія прямо худыя, гнусныя и вредныя: а дѣйствій, могущихъ безъ сомнѣнія быть имъ полезными, удаляются и отвращаются. Я смѣло отвѣтствую на сіе. Не спорю, что многіе отъ добрыхъ дѣйствій отвращаются, а худыхъ желаютъ. Однако сіе справедливости въ нашемъ положеніи не отвергаетъ. Ибо мы не говоримъ, что всегда желаемы бываютъ дѣйствія добрыя: но только утверждать смѣемъ, что они имѣютъ нѣчто такое, что бы возбудило въ насъ удивительную къ нимъ любовь, ежели бы только нами было лучше видимо, что они суть желательны. А что они не всегда желаемы бываютъ, то вѣрная тому причина есть та, что во всѣхъ есть нѣкоторое пря-

мому разсужденїю препятствующее предразсужденїе, которое ослѣпляетъ разумъ истинный такъ, что онъ прямой въ дѣйствїи доброты и изящности усматривать не можетъ.

ГЛАВА II.

О обязательствѣ.

§. 18.

По разсмотрѣнїи такимъ образомъ различныхъ человѣческихъ дѣйствїй, приступаемъ теперь къ истолкованїю спасительныхъ законовъ, могущихъ человѣку во всѣхъ его дѣлахъ руководствовать. А какъ не можно знать точно, коликая въ словѣ, *законъ*, сила и важность заключается, пока прежде не узнаемъ, что такое есть *обязательство*, душею законовъ вообще почитаемое: то напередъ и будемъ говорить о томъ, что можетъ къ лучшему обязательства познанїю служить, а по томъ приступимъ и ко описанїю закона.

§. 19.

Значенїе сего слова, *обязательство*, весьма обширно. Всякой безъ сомнѣнїя знаетъ, что значатъ сїи слова, *вязать* и *обвязывать*, ежели ихъ взять въ собственномъ смыслѣ. Мы обыкновенно развязавшееся связуемъ, и тѣмъ самимъ не даемъ ему раскидываться далѣе.

§. 20.

§. 20.

Есть во всяком человѢкѢ то, что онъ можетъ жить такъ, какъ хочетъ, о семъ и собственное признанїе и опытъ увѢряетъ всякаго. А что бы умъ своевольно блудящій удержать въ границахъ, и желаемаго за позволенное не почесть; то нужно обязательство, да и такое при томъ, которое уму человѢческому, яко духовному, приличествовать можетъ. Ибо душа, обитающая въ тѢлѢ, не можетъ быть связана и опутана такъ, какъ вѢтьвь виноградная, разными въ низъ и въ верьхъ сгибами растущая: но если есть какое на душу нашу обязательство, какъ и въ самомъ дѢлѢ есть, то конечно оно не инаково быть должно, какъ только отъ поощряющихъ, и къ творенїю возбуждающихъ причинъ происходящее. А понеже къ предпринятїю или къ желанїю чего либо умъ нашъ убѢдить и принудить ничто иное не можетъ, какъ одно только добра представленїе: равнымъ образомъ къ отвращенїю и удаленїю отъ худа одно только представленїе худа побудить насъ сильно (§. 230. въ Мета.), то слѢдуетъ, что тотъ только и *обязываетъ* насъ, кто причины побуждающїя волю нашу желать добра, и отвращаться отъ зла съ дѢйствїями прїятїя и отвращенїя нашего достойными соединяетъ, или иначе сказать, тотъ, кто человѢка нѢкоторымъ побужденїемъ убѢждаетъ къ тому, что бы онъ свои дѢйствїя и нравы съ нѢкоторымъ сообразовалъ правиломъ.

§. 21.

§. 21.

Такъ теперь и явствуетъ, почему Вольфъ, Кехлеръ, Гейнекцій, и другіе *дѣйствительное обязательство* описываютъ чрезъ связь побужденій съ дѣйствіями пріятія или отверженія достойными. Ибо *побужденія* не что иное суть, какъ представленія добра или худа волю нашу или къ желанію перваго, или къ отвращенію отъ послѣдняго преклоняющія.

§. 22.

Сіе дѣйствительнаго обязательства описаніе, Вольфіемъ учиненное, тѣмъ охотнѣе пріемлемъ, чемъ извѣстнѣе намъ, что вся сила и важность въ ономъ заключается.

Дабы лучше все сіе разумѣть, что о обязательствѣ, о его произведеніяхъ и о видахъ предписывается, или предписываемо быть должно, я это въ новоизданной моей Философіи на стр. 170 довольно и подробно изъяснилъ. А чтобъ сіе описаніе еще дѣйствительнѣе намъ понять, то приведу нѣкоторые особенные случаи, по моему разсужденію, къ изъясненію сего описанія весьма пристойные. Разсуди о пятой заповѣди въ сихъ словахъ состоящей: *чти отца твоего и матерь*. Съ сею заповѣдію, или съ симъ повелѣніемъ Богъ соединяетъ побужденія. Ибо представляетъ и предлагаетъ почитающимъ родителей нѣкоторое благо, убѣждающее ихъ къ повиновенію. Какое же это благо? долговременная жизнь, и безъ всѣхъ злоключеній щастіе. Когда сія превосходная благая присоединяетъ Богъ къ закону своему, то дѣтей тѣмъ и обязываетъ къ повиновенію ихъ родителямъ.

§. 23.

Изъ сего описанія слѣдующія происходятъ положенія.

I. Чемъ большія и чемъ сильнѣйшія съ дѣйствіями пріятія или отвращенія достойными соединяются побужденія, тѣмъ сильнѣйшее ростетъ и обязательство.

Н. П. обязанъ военачальникъ, учиненный отъ Государя главнокомандующимъ надъ всею арміею, быть на войнѣ храбрымъ, и не робѣть въ опасностяхъ, которымъ жизнь свою подверженную видитъ. Къ сему возбуждаетъ и поощряетъ его представленіе вѣрности, въ которой онъ клялся своему Государю. Сіе есть первое побужденіе; а къ нему если присоединятся другія, н. п. представленіе славы и почестей отъ войны получаемыхъ, награжденій такъ же отъ Государя обѣщанныхъ, и отъ бѣдствующаго отечества: то при множествѣ побужденій растетъ конечно и обязательство.

II. Ежели новыя къ принятію или къ оставленію какого либо дѣйствія присовокупляются побужденія, то новое оттуду возстаетъ и обязательство; и если разныя стекаются побужденія, то разныя такъ же въ дѣйствіи раждаются и обязательства.

Представь себѣ, что Кай Тицію обѣщаетъ въ назначенной срокъ долгъ свой заплатить. Кай обязанъ обѣщаніе свое исполнить, и слово свое сдержать вѣрно. Ибо ежели онъ не такъ поступитъ, то безчисленныя оттуда бѣды, какъ то досада, худое мнѣніе и недовѣрка произойдутъ; когда все сіе представляетъ себѣ Кай, то возбуждается и убѣждается къ заплатѣ долга, и къ

испол-

исполненію своего обѣщанія. Представь же опять, что Кай подъ клятвою обѣщалъ въ извѣстной срокъ заплатить долгъ свой, то новыя въ немъ уже возстают побужденія убѣждающія его сдержать данное слово, т. е. представленіе мстительнаго правосудія Божія, безчестіе, и срамота клятвопреступленіемъ наносимыя. Такъ и здѣсь новое востаетъ обязательство.

III. Часто случается, что многія побужденія между собою будучи противны себѣ взаимно противорѣчатъ. Когда сіе бываетъ, то называется побужденій *сшибкою* или *сраженіемъ*. А изъ сей побужденій сшибки такъ же происходитъ сшибка и въ обязательствахъ.

Примѣръ сшибки побужденій находимъ мы въ М. Аттиліѣ Регулѣ Консулѣ Римскомъ. Онъ какъ въ Африкѣ хитростью обманутый попался въ плѣнъ, подъ клятвой посланъ былъ въ Римской Сенатъ съ тѣмъ, чтобъ, ежели Карфагеніямъ не отданы будутъ нѣкоторые изъ знатныхъ плѣнники, самъ онъ въ Карфагенъ возвратился. А какъ онъ прибылъ въ Римъ, то съ обѣихъ сторонъ разными колебался причинами, и остаться въ Римѣ, и въ Карфагенъ возвратиться. Съ одной стороны представлялъ онъ себѣ пользу, ежели нарушитъ клятву Карфагенянамъ отъ него данную. Остаться дома съ любезною женою и съ дѣтьми, имѣть Консульское достоинство, свергнуть съ себя иго рабства, кто все сіе не назоветъ полезнымъ? Съ другой стороны представлялъ онъ себѣ гнусность и мерзость клятвопреступленія, и что имя его на вѣки останется безчестнымъ, ежели онъ не возвратится. Циц. о должн. Кн. 3. Гл. 26.

IV. Никто не можетъ обязываемъ быть не имѣя разума и воли. Ибо когда обязательство есть связь побужденій съ дѣйствіями желанія или отвращенія достойными (§. 21.), то, чтобъ быть обязану, должно склоняему и привлекаему быть къ произведенію дѣйствія, или къ оставленію онаго побужденіями.

Кто долженъ склоняться побужденіями къ дѣйствіямъ, тотъ долженъ представленіями добра или худа къ дѣланію или къ недѣланію быть возбуждаемъ (§. 20.). А какъ представленіе добра или худа не можетъ приличествовать тому, кто не имѣетъ разума (§. 205. въ Мета.); слѣдовательно никто не можетъ и обязываемъ быть, кромѣ имѣющаго разумъ. Кто долженъ обязываемъ быть, тотъ долженъ побужденіями къ дѣланію быть склоняемъ (§. 21.), слово сіе, *дѣлать*, предполагаетъ желаніе дѣлать. И такъ тотъ, котораго надлежитъ обязать къ дѣланію чего либо, долженъ имѣть въ себѣ желаніе дѣлать оное. Убо тотъ, кто обязывается, долженъ неотмѣнно имѣть волю.

V. Чемъ большее бываетъ въ разумѣ познаніе, тѣмъ большая раждается способность къ обязательству.

Н. П. *Богословъ* небесныя истины, и повелѣнія Божія точнѣе и подробнѣе зная, нежели простой народъ, большее имѣетъ обязательство къ богопочитанію и ко благочестію, нежели тѣ, коимъ таинства вѣры не столько свѣдомы. По чему Спаситель знающимъ его волю, а не исполняющимъ оныя большими угрожаетъ казнями. Матѳ. Гл. 27.

VI. А какъ бѣсноватые, младенцы, живоптные, и люди между звѣрьми въ лѣсахъ воспитанные не имѣютъ силы разума; то легко судить можно, что обязательство ихъ не касается.

VII. На невозможное нѣтъ, и быть не можетъ обязательства. Сколько кто насъ обязываетъ, столько соединяетъ побужденія съ дѣйствіемъ или исполненія или неисполненія достойнымъ. Убо кто насъ обязываетъ, тотъ желаетъ, чтобъ исполненіе дѣйствія или неисполненіе самымъ дѣломъ совершилося. А какъ ничего дѣломъ произвесть не можно, если что само собою невозможно (§. 23. въ Мета.), то и не трудно понимать, что ни исполненіе ни неисполненіе дѣйствія не совершается при невозможности. Слѣдственно на невозможное нѣтъ обязательства.

Сію теорему многіе такимъ образомъ выражаютъ: *сверьхъ возможности или выше силъ ни кто не обязывается.* Много есть и такихъ, кои не правильно пріемля положеніе сіе тѣмъ самимъ оправдають себя въ злости или въ невѣжествѣ своемъ. Многіе понятіемъ о невозможности будучи обмануты, при повелѣніяхъ дѣлать имъ доброе отговариваются слабостію силъ своихъ. По чему здѣсь остерегаться надобно. 1) чтобъ того не почитать невозможнымъ, что сопряжено только съ трудностью, и что съ великимъ напряженіемъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ пріобрѣтается. Довольно, толькобъ ты захотѣлъ и постарался, найдется въ тебѣ силъ къ совершенію того, что тебѣ казалось прежде невозможнымъ. Я поставлю здѣсь въ примѣръ человѣка посвятившаго себя Богословскому ученію. Онъ

Грече-

Греческаго и Еврейскаго языковъ, на которыхъ изображается благовѣстіе спасенія нашего, весьма знать обязанъ. Но онъ жалуется на слабость памяти своей, и говоритъ, что онъ не въ силахъ учинить того, что отъ него требуется: однако ложъ часто здѣсь подозрѣвается. Нужно было ему прилѣжаніе и особливое раченіе, и чрезъ непрестанное упражненіе долженствовалъ онъ изощрять свою память, и умъ очистить отъ грубости. То же самое обыкновенно бываетъ и тогда, какъ людей честному и добродѣтельному по Хрїстовымъ заповѣдямъ житію учить надобно. 2) Смотри, чтобъ по безсилію или слабости, которой самъ ты причиною, не вздумалъ съ себя свергнуть иго обязательства. Адамъ данныя ему свыше силы весьма беззаконно истощилъ, и для того совершеннаго Богу повиновенія оказывать вовсе неспособнымъ сдѣлался; не уже ли по сему онъ и освободилъ себя отъ обязательства во оказаніи совершеннаго Богу повиновенія? По истинѣ ни чемъ не болѣе, какъ расточительной мотъ, до крайняго убожества дошедшій, отъ обязательства платить долгъ заимодавцамъ освобождается, или пьяной слуга отъ обязательства служить своему господину уволяется.

VIII. Изъ сего явствуетъ, что нѣтъ на то обязательства, что выше нашихъ силъ, но только на дѣйствія намъ возможныя, хотя бы мы ихъ предпринимать хотѣли или нѣтъ. Ибо когда къ невозможному никто не обязывается (пол. VII.); то слѣдуетъ, что и къ тѣмъ дѣйствіямъ никто обязываемъ быть не можетъ, коихъ исполненіе и неисполненіе не въ нашихъ состоитъ силахъ; по чему и обязательство такихъ только нашихъ дѣйствій касается, кои можемъ производить или нѣтъ.

IX. И нѣтъ и быть не можетъ обязательства на естественныя дѣйствїя, а только на свободныя. Ибо когда естественное дѣйствїе есть такое, которое не въ нашей состоитъ силѣ (§. 6.), а къ дѣйствїямъ не въ нашей состоящимъ силѣ никто не можетъ быть обязанъ (пол. VII.), то видно, что на дѣйствїя естественныя нѣтъ и быть не можетъ обязательства. Какъ дѣйствїемъ свободнымъ называется то, которое въ нашей состоитъ власти (§. 6.), а къ тому только обязываемся, что мы сдѣлать въ состоянїи (пол. VII.), то и обязательство бываетъ только на дѣйствїя свободныя.

Весьмабъ было нелѣпо, еслибъ кто ково хотѣлъ обязывать къ остановленїю переварки въ желудкѣ, или къ варенїю пищи. Ибо сїи дѣйствїя естественныя не зависятъ отъ чьего либо повелѣнїя, или отъ нашего произволенїя. А къ богопочитанїю, къ удовлетворенїю другимъ за нанесенный имъ вредъ, *къ избѣжанїю оклеветанїй*, человѣкъ можетъ быть обязанъ: понеже все сїе по произволенїю человѣка можетъ быть или учинено или отмѣнено.

§. 24.

Нравственною необходимостїю называется то, когда противное нравственнымъ образомъ невозможное бываетъ. *Нравственно* невозможнымъ называется то, что хотя въ себѣ и не заключаетъ противорѣчїя, но скрываетъ несходственность въ томъ или другомъ подлежащемъ для вмѣшивающихся того подлежащаго нравственныхъ совершенствъ (§. 20. въ Мета.).

Сїи

Сіи познанія въ Метафизикѣ изъясненныя по тому я здѣсь привожу, понеже страдательнаго обязательства разумѣть пота не можно, пока не узнано прежде будетъ, что есть *необходимость нраственная*. Я здѣсь полагаю примѣръ для изъясненія: представь себѣ, что Кай Философіи превосходство, достоинство, и удивительную онаго пользу живѣе и точнѣе усматриваетъ: тогда Кай представленіями толикихъ пользъ, изъ Философіи почерпаемыхъ, подвигнутъ и побужденъ будучи не можетъ не любить и не желать Философіи. И такъ онъ любитъ оную и желаетъ по нравственной необходимости. По тому что, пока Кай представляетъ себѣ пользы Философіи, и красоты ея, пота противоположное ненависть т. е. и презрѣніе къ Философіи есть Каю нѣчто невозможное. Сіе само по себѣ противорѣчія не заключаетъ, чтобъ Кай ненавидѣлъ и презиралъ Философію; а показываетъ однако нѣкоторое несходствіе въ Кайѣ по причинѣ вступающихъ воображеній, кои онъ себѣ представляетъ о пользѣ, красотѣ, превосходствѣ и достоинствѣ Философіи.

I. Необходимость нравственная тогда имѣетъ мѣсто, когда воля существа разумнаго побужденіями или представленіями добра или худа къ дѣланію или къ недѣланію побуждается.

Ибо когда воля существа разумнаго побужденіями или представленіями желать добра и удаляться зла склоняется: то не можетъ уже не слѣдовать въ волѣ склонность. Ибо ежели есть склоняющее нѣчто или побужденія, то быть непремѣнно надобно и склоняемому или желанію (§. 46 въ Мета.), и по тому сто

 слово,

слово, *не хотѣть чего*, имѣть не можетъ своего мѣста по тѣмъ привходящимъ представленіямъ, кои къ хотѣнію опредѣлительно склоняютъ нашу волю. Убо *не хотѣть*, при побужденіяхъ къ хотѣнію, нравственно есть невозможно (§. 230. въ Мета. пол. III.). И такъ хотѣніе при побужденіяхъ есть нравственнымъ образомъ необходимо.

Убо нравственная необходимость тогда имѣетъ свое мѣсто, когда воля существа разумнаго побужденіями или представленіями худа и добра склоняется что дѣлать или не дѣлать.

По тому воля, не по естественной необходимости, или по внѣшнему нѣкоторому насилію, что душѣ, какъ превосходнѣйшему духу, вовсе непристойно, но по необходимости нравственной, по пріятному то есть хотѣнія склоненію, бывающему изъ представленій или изъ побужденій къ добру или къ худу преклоняется. Однако таковыя побужденія не противны нашей вольности или свободѣ, и не отъемлютъ отъ насъ оныя (§. 268. въ Мета.).

II. Кто обязывается дѣлать что или не дѣлать, на того налагается нравственная необходимость дѣлать что или не дѣлать.

Ибо кто обязывается что нибудь дѣлать или нѣтъ, то съ сими его дѣйствіями соединяются и побужденія (§. 21.), или, какъ бы тоже сказать, его воля желать чего или не желать представленіями добра или худа опредѣлительно склоняется и побуждается (§. 230. въ Мета.). А какъ то состояніе, въ коемъ воля существа разумнаго или представленіями добра или худа

дѣлать

дѣлать что или не дѣлать побуждается и опредѣляется, называется *состоянїемъ нравственныя необходимости* (по опр.), то слѣдуетъ, что обязующемуся дѣлать что, или не дѣлать, налагается нравственная необходимость дѣлать или не дѣлать.

§. 25.

И такъ то состоянїе, въ коемъ кто бываетъ обязанъ, или *страдательное обязательство*, есть не что иное, какъ необходимость нравственная дѣлать что или не дѣлать.

Я знаю многихъ такимъ образомъ описывающихъ обязательство, да между ими и такихъ еще, кои отвергнули Вольфїево обязательства опредѣленїе, которымъ обязательство чрезъ связь побужденїй изъясняется. А естьлибъ они разсмотрѣли, что Волфїево опредѣленїе есть основанїемъ сего, коимъ обязательство опредѣляется чрезъ нравственную необходимость дѣлать что или не дѣлать, то бы подлинно тое о обязательствѣ понятїе, состоящее въ связи побужденїй, не столь много имъ смѣшно было. Легко изъ сего видно, что весь споръ состоитъ только въ словопрѣнїи; по тому что Волфїй дѣлаетъ опредѣленїе обязательству дѣйствительному, а противники его говорятъ о обязательствѣ страдательномъ, изъ дѣйствительнаго происходящемъ. И такъ видно, какимъ образомъ многихъ опредѣленїя о обязательствѣ можно согласить съ Волфїевымъ, да и самыхъ законоискусниковъ опредѣленїе, коимъ обязательство чрезъ *узы права* толкуется у нихъ, съ нашимъ опредѣленїемъ довольно входствуетъ. Ибо узы, ежели примѣнить ихъ

къ душѣ, въ нравственномъ только смыслѣ, а не въ собственномъ разумѣть должно. Чрезъ *самыя т. е.* побужденія, душѣ предлагаемыя, и съ дѣйствіемъ соединяемыя, убѣждается и связуется воля, какъ будто узами, чтобъ она влекомая пустыми желаніями изъ границъ своихъ не выходила, и на сію больше, нежели на противную склонялась сторону.

§. 26.

Всякъ кто обязывается, обязывается или по причинѣ надежды, или по причинѣ страха. Обязываемый къ творенію чего либо склоняется побужденіями или представленіями добра или худа (§. 21.), а къ творенію какого либо добра или худа представленіями побуждаемый нудится представленіями совершенствъ или несовершенствъ. Ибо въ познаніи добра содержится познаніе совершенства, и въ познаніи худа заключается познаніе несовершенства (§. 226. въ Мета.); кто нудится къ творенію чего либо представленіями совершенствъ или несовершенствъ, тотъ нудится къ творенію чего либо удовольствіемъ или скукою. Понеже удовольствіе раждается изъ представленія совершенства, и скука изъ чувствованія несовершенства (§. 219. въ Мета.). А какъ добро и худо обязующее и нудящее насъ къ творенію есть будущее (чрезъ опытъ), слѣдовательно обязуемый чрезъ удовольствіе происходящее изъ представленія будущаго добра, и чрезъ скуку раждающуюся изъ представленія будущаго худа, нудится къ творенію чего либо. Удовольствіе изъ представленія будущаго добра происходящее

щее называется *надеждою* (§. 251. въ Мета.), и скука происшекающая изъ представленія будущаго худа называется *страхомъ* (§. 253. въ Мета.). Слѣдственно обязываемый или чрезъ надежду или чрезъ страхъ обязывается.

И такъ теперь читатель видишь самъ, сколь удобно насъ ведетъ наше обязательства описаніе къ познанію обязательства учиненнаго Томазіемъ. Ибо знаемъ, что Томазій обязательство полагаетъ въ надеждѣ выгоды изъ добрыхъ нашихъ дѣйствій происходящей, и въ опасности невыгоды и бѣдъ за худыми слѣдующихъ дѣйствіями. Смотри его основаніе естест. права. и народ. Кн. I. Гл. 4. §. 61.

§. 27.

А какъ мы изъ сего, силу и свойство обязательства, вообще объ ономъ разсуждая, довольно знаемъ, слѣдуетъ теперь разные его виды или образы нѣсколько обстоятельнѣе разсмотрѣть.

§. 28.

По внутреннему свободныхъ дѣйствій свойству обязываемся мы или творить добрыя дѣла, или удаляться отъ худыхъ.

Ибо когда съ свободными дѣйствіями, по внутреннему ихъ же самихъ свойству, соединяются побужденія или хотѣть дѣлать добрыя дѣла, или не хотѣть худыхъ (§. 14.), побужденія же соединять съ чьими либо дѣйствіями пріятія или отвращенія достойными не что иное есть, какъ обязывать кого (§. 21.). Слѣдовательно по внутреннему свободныхъ

 дѣйствій

дѣйствій свойству обязываемся, какъ добрыя дѣла творить, такъ и худыхъ не дѣлать.

§. 29.

А изъ сего выходитъ *обязательство естественное*, которое есть не что иное, какъ когда можно разумѣть связь побужденій изъ самой нашей природы и изъ естества дѣйствій.

Такимъ образомъ отвращаться неумѣренности по внутреннему ея свойству, и по самой нашей существенности обязываемся; по тому что съ неумѣренностїю, по естественной связи, соединяются побужденія намъ ее ненавидѣть. Такъ же и къ храненїю чистоты, по естественному же обязательству, обязываемся, при многихъ наипаче побужденіяхъ, скрывающихся въ самомъ свойствѣ чистоты и въ сущности души или тѣла человѣческаго. Ибо представь себѣ н. п. что ты цѣломудрїя и должности разсторгнувъ узы во всѣ пустился неистовства, представь же по сему и тѣло твое какъ бы въ оковахъ содержимое: чемужъ изъ етова быть другому, какъ только тому, что соки содержащїе и продолжающїе нашу жизнь, по изможденїи силъ, истощеваются, и все духа къ правотѣ стремленїе и къ благу, какъ бы притупясь ослабѣваетъ. Умолчеваю о поврежденїи и о язвахъ совѣсти, не упоминаю такъ же о потерянїи имѣнїя, и добраго имени происходящаго отпуду, и о прочемъ. Вотъ побужденія обязующія всякаго какъ удаляться сладострастій такъ пещися и о чистотѣ. Сїи побужденія ясно видны тебѣ въ самомъ гнуснаго сладострастія естествѣ скрывающіяся.

§. 30.

§. 30.

Обязательство естественное есть необходимое. Понеже обязательство естественное такія съ дѣйствіями пріятія или отверженія достойными соединяетъ побужденія, которыя изъ самаго человѣческаго естества и сущности производятся (§. 29.); слѣдственно когда есть въ человѣкѣ и въ вещахъ съ сущностію естество, то надобно непремѣнно быть и естественному обязательству: и по тому статься не можетъ, чтобъ, пока человѣкъ человѣческое имѣетъ существо, тота и обязательство естественное мѣста не имѣло. И такъ естественное обязательство необходимо нужно, для того что сущность человѣка и вещей, на которой тое обязательство, какъ на основаніи, утверждается, есть необходимая (§. 28. пол. III. въ Мета.).

Отнюдъ не подумай, чтобъ сія теорема заключала въ себѣ что нибудь опасное, за тѣмъ что слово необходимый здѣсь встрѣчается. Мы здѣсь упоминаемъ не о роковой какой или слѣпой необходимости, но разумѣемъ здѣсь необходимость сходствующую съ разумомъ. Сія помянутой нашей теоремы слѣдующая есть сила и смыслъ: *Пока человѣкъ имѣетъ сей составъ, и существенность, и пока дѣйствія необходимою союзностью, по своему свойству, тѣ а не другія влекутъ за собою слѣдствія; тота и естественному обязательству быть необходимо нужно.* Н. п. пока человѣкъ есть человѣкомъ, и пока онъ сіе имѣетъ тѣло и сію душу, и пока такъ же пьянство злоключительныя съ собою соединенныя имѣетъ произшествія, т. е. что онымъ

тѣло повреждается, и силы ума приводятся въ слабость и прочая; то та не можетъ статься, чтобъ мы, по самому пьянства естеству, и по состоянію нашего ума не обязывалися уклоняться отъ онаго. Ибо положи, что сїе обязательство не есть необходимо нужное: то и выйдетъ все другое, и статься можетъ, что самыя пагубныя отъ пьянства послѣдствїя были бы побужденїями, волю нашу къ желанїю пьянства убѣждающими и склоняющими. А сїе, по самому воли человѣческой естеству, есть невозможное по § 230 въ Метафизикѣ.

Обязательство естественное называется еще *и внутреннимъ*: а естьли нѣкоторое существо внѣ насъ находящееся и отъ разума нашего отличное соединяетъ побужденїя съ дѣйствїями нашими, то изъ сего выходитъ обязательство, внѣшнее называемое *положительнымъ*. А какъ всякое существо внѣ насъ находящееся, и отъ разума нашего отличное, есть или *Богъ* или *вышшїй надъ нами человѣкъ*; то и разумѣется, что обязательство положительное по пристойности раздѣляется *на Божеское и на человѣческое*. Естьли существо внѣ насъ находящееся такъ обязываетъ насъ къ дѣйствїямъ, что, при своевольствѣ нашемъ и при непокорности нашей его власти, угроженїемъ наказанїй къ исполненїю своихъ повелѣнїй насъ преклоняетъ, то сїе называется *обязательствомъ совершеннымъ*. Н. п. мы совершенно обязываемся къ удовлетворенїю за вредъ другому нанесенный. А есть ли какое существо, коего власть мы надъ собою признаемъ, безъ принужденїя обязываетъ насъ къ добродѣтели, то сїе называется *обязательствомъ несовершеннымъ*. Н. п. взаимную ко всѣмъ оказывать любовь и благосклонность, благодѣтелевы щедроты и милости призна-

вать

вать съ благодарностiю, въ дружескихъ собранiяхъ быть ко всѣмъ съ учтивостiю ласкову. Понеже все это есть такое, къ чему насъ ни правительство, ни изъ вышшихъ кто принудить можетъ. Изрядно говоритъ въ разсужденiи своемъ о обязательствѣ нравственномъ Г. Кехлеръ, напечатанномъ въ Женевѣ 1723 года.

ГЛАВА III.

О законѣ естественномъ.

§. 31.

По подробномъ объясненiи всѣхъ принадлежностей, касающихся къ познанiю естества и свойственностей обязательства, уже весьма удобно будетъ намъ выразумѣть теперь, что есть *законъ*, и что есть *законъ естественный*.

§. 32.

Чрезъ законъ, вообще понимаемой, ничего другаго мы не разумѣемъ, какъ нѣкоторое правило или образецъ, съ которымъ мы дѣйствiя свободныя сообразовать и установлять обязываемся.

Правиломъ же мы здѣсь называемъ какое либо предложенiе дѣлать что или не дѣлать намъ повелѣвающее, Н. п. сiе предложенiе, *чти отца твоего и матерь твою*, есть правило, понеже предписываетъ, что намъ дѣлать надобно. И какъ это правило съ силою обязательства имѣетъ свое соединенiе,

то

то оно по справедливости и называется закономъ. Многїе закону дѣлаютъ такое опредѣленїе: *законъ есть опредѣленїе высшаго обязующее низшаго.*

§. 33.

А какъ обязательство отъ закона не можетъ быть отдѣляемо (§. 32.), то слѣдуетъ, что отъ разныхъ обязательства источниковъ разные законовъ виды проистекаютъ: и по тому выходитъ, что иной законъ есть *Божеской*, а иной *человѣческой*, иной *естественной*, а иной наконецъ *положительной.*

§. 34.

Естьли о естественномъ обязательствѣ въ §. 29. нами сказанное разсмотришъ, то легко уразумѣешъ, въ чемъ состоитъ законъ естественный.

Законъ т. е. естества тѣмъ отъ другихъ закона видовъ распознавается, что обязательную силу отъ самаго вещей и людей естества имѣетъ. Н. п. сїе предложенїе, *живи умѣренно*, есть законъ естественный. Ибо какъ умѣренности, такъ тѣла твоего и души естество самое подаетъ побужденїя, или обязываетъ насъ ее любить, по тому что она такова есть свойства, что и къ сохраненїю тѣла, и къ совершенїю силъ душевныхъ весьма способствуетъ. А есть ли не будешъ жить умѣренно, то отъ жизни неумѣренной происходящїе вреды противъ воли твоей возчувствуешъ неминуемо.

§. 35.

§. 35.

Ежели обязательства начальникЪ БогЪ, то называется *Божескій законъ*. ЕстьлижЪ человѣкЪ какой обязываетЪ ково кЪ расположенію свободныхЪ дѣйствій такимЪ а не инакимЪ образомЪ, то сто называется *закономъ человѣческимъ*.

§. 36.

ИзЪ опредѣленій недавно представленныхЪ о законѣ вообще понимаемомЪ, и о законѣ естественномЪ слѣдующія выходятЪ положенія.

I. Ни какой законЪ закономЪ быть не можетЪ, ежели силы обязательной имѣть самЪ вЪ себѣ не будетЪ.

II. И по тому со всякимЪ закономЪ должествуетЪ соединено быть то, чтобЪ мыслямЪ тѣхЪ, на коихЪ налагается законЪ, вЪ точности были представлены или вредЪ изЪ худыхЪ, или польза сЪ выгодами изЪ добрыхЪ дѣйствій происходящіе. Ибо вЪ томЪ состоитЪ обязательство, чтобЪ мы побужденіями другихЪ кЪ творенію добра привлекаемы и отЪ дѣланія худова были отвлекаемы (§. 21.). Иные же побужденіями склоняются и убѣждаются, ежели добро или худо ясно вЪ мысляхЪ себѣ представятЪ (§. 230. вЪ Мета.).

III. ИзЪ сего, по необходимому слѣдствію, выходитЪ, что законЪ того только обязывать можетЪ, кто обЪ ономЪ извѣщенЪ, и кому онЪ преподанЪ.

IV. А какЪ различность законовЪ зависитЪ отЪ различности обязательства (§. 33.). слѣдственно

ственно при совершенномъ обязательствѣ быть долженъ и законъ истинный, и преимущественнымъ называемый. Законъ т. е. особенно такъ имянуемый есть тотъ, къ исполненію котораго могутъ насъ со стороны другіе силою принудить. По чему законъ такой нѣкоторые называютъ закономъ понуждающимъ, или закономъ нужды.

Сему противополагается совѣтъ, которой служитъ правиломъ что дѣлать отъ другова мнѣ предложеннымъ, къ исполненію котораго правило мнѣ предписавшій силою внѣшнею принудить меня не можетъ. Н. п. естьли владѣтель во время войны повелитъ гражданамъ взять для защищенія отечества оружіе, то онъ имѣетъ силу принудить къ тому гражданъ. И сіе называется закономъ понуждающимъ. А естьли пріятель многіе открывая мнѣ причины старается склонить меня наукѣ правъ учиться, то, хотябъ я и не послушался ево наставленій, онъ меня къ повиновенію принудить не можетъ.

V. Когда законъ естественный силу обязательства отъ самаго дѣйствій и вещей свойства заимствуетъ (§. 34.); а по самому вещей и дѣйствій свойству обязываемся или дѣлать добрыя дѣла, или удаляться отъ худыхъ (§. 28.); то слѣдуетъ, что законъ естественный на семъ основанъ предложеніи: *дѣлай то, что хорошо, а что худо, удаляйся, и тое оставляй.*

Сіе есть всеобщее нѣкоторое правило, съ которымъ всѣ свободныя дѣйствія должны соуравниваться: и по тому *преимущественнымъ естественный законъ* называется, понеже изъ естественнаго

наиближай-

наиближайшимъ образомъ проистекаетъ обязательства. Можно назвать его *и первымъ естества закономъ*, понеже всѣ прочїя предложенїя, особеннѣе изъясняющїя дѣлать что или не дѣлать, сему какъ бы подчинены и чрезъ оной доказываются. Сїи н. п. реченїя: *живи умѣренно, каждому воздавай къ нему принадлежащее, плати за обиды*: изъ всего предложенїя, полагаемаго какъ бы за основанїе, силу и важность свою всѣ заимствуютъ.

VI. Изъ сего видно, что не худо нѣкоторые законъ естества сими изъясняютъ словами: *то дѣлать надобно, что насъ и состоянїе наше совершеннѣйшими дѣлаетъ: и того напротивъ съ отвращенїемъ удалятся, что насъ и состоянїе наше дѣлаетъ несовершеннѣйшими*. Ибо добро не иное что есть, какъ только то, что и состоянїе наше и насъ дѣлаетъ совершеннѣйшими (§. 226. въ Мета.). И худое не что другое есть, какъ только то, что намъ и состоянїю нашему причиняетъ несовершенство? Хотя симъ оброзомъ скажешь: *дѣлай добро и удаляйся худа*. Или такъ сїе предложенїе еще выговоришь: *дѣлай то, что тебя и состоянїе твое приводитъ въ совершенство: оставляй же напротивъ то, что тебѣ и состоянїю твоему причиняетъ несовершенство*. Съ перемѣною только словъ однихъ выговаривается тожъ самое.

VII. Основанїемъ закона естественнаго есть самое естество. Ибо изъ сего законъ естественный заимствуетъ силу обязывать (§. 34).

VIII. Естественный законъ посредствомъ разума намъ дѣлается свѣдомъ: которой по справедливости учителемъ закона называется.

 Ибо

Ибо когда законъ естественный повелѣваетъ дѣлать доброе, и запрещаетъ худое (пол. VI): то слѣдуетъ, что законъ естественный чрезъ то намъ дѣлается свѣдомъ, чрезъ что мы познаемъ добро и худо: изъ сего мы познаемъ, *если* перемѣны происходящїе изъ дѣйствїй и союзность въ дѣйствїяхъ съ послѣдствїями ихъ разсматриваемъ (§. 10). А какъ сего не инако мы какъ помощїю только разума достигнуть можемъ (§. 212 въ Мета.); то и разумѣется, что разумъ справедливо называется учителемъ естественнаго закона, и чрезъ него только единственно дѣлается намъ свѣдомо сїе предложенїе: *дѣлай то, что тебя и твое состоянїе совершаетъ, и оставляй то, что тебѣ и твоему состоянїю причиняетъ несовершенство.*

И такъ когда разумъ изучаетъ насъ, какїя дѣйствїя добрыя и какїя худыя, можно разумѣть, для чего нѣкоторые естественный законъ называютъ *гласомъ разума.*

IX. Видишъ отсюду, что всѣ руководству и правительству разума послѣдующїе вмѣсто закона имѣютъ разумъ, и по тому не имѣютъ много нужды въ особенномъ законѣ къ творенїю добра возбуждать ихъ могущемъ.

X. Законъ естественный есть непремѣнный и необходимо нужный. Ибо естественное обязательство есть непремѣнное и необходимое (§. 30.). Убо законъ естественный на естественномъ утверждающїйся обязательствѣ (§ 34.) равно долженъ быть необходимо нуженъ и непремѣняемъ.

XI. Законъ естественный есть вѣчный. Ибо все то есть вѣчно, что необходимо нужно. О семъ пространнѣе мы показали въ Онтологіи. А чтобъ явственнѣе и удобнѣе узнать сіи теоремы, то здѣсь малое нѣчто представить мнѣ разсудилось. Положи, что естественный законъ можетъ быть премѣняемъ: положи что онъ и необходимъ: то изъ того не выйдетъ ли сего предложенія: *дѣлай и то, что худо, т. е. что тебя и состояніе твое дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ: удаляйся и того, что есть добро.* Такимъ образомъ воля человѣческая имѣть будетъ повелѣніе желать худова, и отвращаться доброва. А сіе самое есть не что иное, какъ человѣка дѣлать не человѣкомъ (§. 230. въ Мета.). Чтожъ, скажешь ты, естьлибъ Богу угодно было такъ сотворить человѣка, чтобъ онъ желалъ злое, а отъ добра отвращался? Я знаю, что мнѣ на сію отвѣтствовать. Но какъ мнѣ многословить здѣсь несвободно, то припомни, что выше сказано о внутренней какова либо дѣйствія или гнусности, или добротѣ, и что въ Онтологіи о необходимости сущностей пространнѣе упомянуто.

XII. Законъ естественный весьма далеко простирается, и его обязательная сила всѣхъ людей, ктобъ такой ни былъ, безъ изключенія касается: и всѣ свободныя дѣйствія безъ всякой времени и мѣста выключки онымъ ограничиваются. Ибо естественной законъ съ самою человѣческою существенностію столь тѣсно сопряженъ, что безъ истребленія человѣческой существенности истребленъ онъ быть не можетъ. Убо ктобъ только ни былъ, и пока чело-

вѣкъ есть человѣкомъ, не можетъ не быть ему подверженнымъ.

Другїе о семъ такъ говорятъ: *законъ естественный есть всеобщїй*, понеже до всѣхъ людей онъ касается; онъ есть и *уравнительный*, понеже всѣ ему свободныя дѣйствїя соуравниваются, и имъ всѣ управляются. По чему безбожники должны своего невѣжества и дерзости стыдиться, когда естества законы разрушить желаютъ, или отъ обязательной ихъ силы сдѣлать себя свободными думаютъ. Пусть прежде людьми быть престанутъ, и тогда уже на конецъ пусть себя сами увѣряютъ, что они отъ узъ законныхъ свободились.

XIII. Изъ сего всѣмъ весьма довольно явственно, что всѣ тѣ *сходственно съ естествомъ живутъ*, кои живутъ храня законъ естественный. Ибо тотъ съ закономъ естества живетъ сходственно, кто желаетъ добра и отвращается отъ худа. Того требуетъ самое воли человѣческой свойство (§. 230. въ Мета.). А какъ законъ естественный ничего другаго намъ не предписываетъ, какъ только чтобъ мы силились постигать добро, и удаляться зла (§. 36. пол. V.). Убо или тѣ только сходственно живутъ съ природою, кои законъ естественной наблюдаютъ, или никто.

XIV. Богъ есть закона естественнаго податель. Ибо когда всего того, что въ свѣтѣ ни находится, да и самаго человѣческаго бытїя есть Богъ виновникомъ, какъ у насъ въ естественной Богословїи уже доказано, то онъ же безсумнительно и обязательства и закона на естественныхъ основанїяхъ утвержденнаго есть верьховный основатель.

XV.

XV. Убо по справедливости законъ естественный называется божественнымъ. Ибо если тотъ законъ называется божественнымъ, въ которомъ есть Богъ начальникомъ (§. 35), слѣдственно законъ естественный есть божественный.

XVI. Что изъ сего происходитъ? то, что всѣ свои дѣянія по волѣ Всевышняго производящіе и съ закономъ естественнымъ и съ самою природою, и съ разумомъ живутъ сходственно. Отсюду сія рѣчь вошла во употребленіе: *гласъ естества есть гласъ Божій*. И сей гласъ Божій, какъ по непоколебимѣйшей святости своей, такъ и по внутренней дѣйствій гнусности или добротѣ остается навсегда въ своей силѣ такъ одинаковъ, что Богъ своего, дѣлать добро и удаляться зла, свыше впечатлѣннаго въ души человѣческія повелѣнія никогда не отмѣнитъ, и отмѣнить не можетъ. Многіе ето называютъ увольненіемъ. Ето напротивъ тово не рѣдко бываетъ въ законахъ положительныхъ, гдѣ сила обязательства не отъ естества дѣйствій или людей дѣйствующихъ, но отъ свободной воли и произволенія законодателя зависитъ.

Однако мнѣ наконецъ остается здѣсь сказать, да и сіе тѣмъ, кои слушая предложеніе сіе: *дѣлай то, что тебя совершаетъ*. въ такомъ смыслѣ слова сіи пріемлютъ, что будто о собственной только пользѣ всякому попеченіе имѣть оныя совѣтуютъ. Поди, говорятъ они, съ твоимъ естественнымъ закономъ, которой къ пользѣ только собственной всѣмъ все обращать хочетъ, а къ пользѣ другихъ или къ славѣ имени Божіяго вовсе ничего. Однако

они, если ниже сего отъ насъ представленное увидятъ, что ничье, ктобъ изъ человѣческаго рода онъ ни былъ, состоянїе сдѣлаться совершеннѣйшимъ не можетъ, если не будетъ онъ богочтецъ, естьли не будетъ къ распространенїю славы Божїей весьма усерденъ, ежели на конецъ о пользѣ тѣхъ, съ коими онъ общежительствуетъ, помышлять за долгъ себѣ щитать не будетъ; то, буде имѣютъ они смыслъ, легко уразумѣютъ, коль ихъ гнусно заблужденїе. Ибо всѣ вообще должности какъ въ разсужденїи Бога, такъ и въ разсужденїи другихъ въ сихъ содержатся словахъ: *дѣлай то, что тебя совершаетъ.* А это самое изъ нижеслѣдующаго явственно намъ откроется.

ГЛАВА IV.

О наказанїяхъ и о награжденїяхъ.

§. 37.

Когда мы предложили все то, что о законахъ, а особливо о законѣ естественномъ примѣчанїя достойно; то слѣдуетъ намъ упомянуть о наказанїяхъ и о награжденїяхъ. Ибо обыкновенно бываетъ, что закону повинующїися нѣкоторыми благими наслаждаются: преступающїеже оный не малыхъ золъ участны бываютъ, и либо щастїя, либо чести, либо стяжанїя и спокойствїя лишаются. Зло, которое законодатель съ худыми дѣйствїями для того соединяетъ, чтобъ дѣйствїй тѣхъ не производить, называется *наказанїемъ.* А то добро, которое

съ похвальнымъ дѣйствїемъ для того сопряжено, чтобъ къ исполненїю того дѣйствїя духъ болѣе былъ возбуждаемъ и поощряемъ, *награжденїемъ* называется.

Гроцїй наказанїе такъ описываетъ: *есть зло страданїя за зло дѣйствїя.* Н. п. когда воинъ за воровство или за отлучку отъ знаменъ наказуется батожьемъ или плетьми, тогда онъ зло претерпѣваетъ, и то для того, чтобъ впредь отъ дурныхъ оныхъ дѣйствїй удержать его страхомъ, сїе зло уязвляющее его тѣло и изъ худаго его дѣйствїя произшедшее называется *наказанїемъ*.

§. 38.

Есть нѣкоторыя злая, изъ худыхъ дѣйствїй по естественной необходимости происходящїя, коихъ избѣжать никакъ неможно, (§. 10), называются оныя *естественными наказанїями*. Благая же изъ похвальныхъ дѣйствїй, по необходимому слѣдствїю раждающїяся, *естественными награжденїями* называются. Симъ наказанїямъ и награжденїямъ не непристойно противополагаются тѣ наказанїя или награжденїя, кои *положительными* называются, и отъ произволенїя законодателя зависятъ.

Н. п. блудъ по словамъ С. Павла, естественною нѣкоею необходимостїю изъ пьянства, и изъ невоздержной жизни происходящїй, естественнымъ бываетъ за невоздержность наказанїемъ: а веселое оное духа удовольствїе, отъ добродѣтельной жизни происходящее, бываетъ награжденїемъ естественнымъ.

§. 39.

Изъ сихъ опредѣленій явственнѣе разумѣть можешь сіи положенія:

За всѣми дѣйствіями по себѣ добрыми и честными, неразрѣшаемымъ союзомъ, слѣдуютъ естественныя награжденія: а всѣ по себѣ худыя дѣйствія суть такова свойства, что естественныя наказанія отдѣлены отъ нихъ быть не могутъ.

Кто болѣе узнаешъ, ежели о дѣйствіяхъ по себѣ добрыхъ или худыхъ выше нами сказанное приведешъ на память. Кто н. п. отъ пьянства похмелье и неваренїе желудка отдѣлить можетъ? Кто бы такой сіи естественно соединенныя злая, т. е. сластолюбивую жизнь, дряхлость тѣла, и совѣсти терзанія могъ взаимно отдѣлить? Напротивъ того кто можетъ расторгнуть естественной тотъ союзъ, которымъ добродѣтель и спокойствіе духа соединены находятся?

II. Всѣ естественныя наказанія суть наказанія Божескія: и всѣ награжденія, изъ честныхъ дѣйствій естественною связью производимыя, начало свое отъ Бога же имѣютъ. О семъ тѣмъ меньше сумнѣваться будешъ, чемъ тебѣ извѣстнѣе, что свойство разума и тѣла человѣческаго, и всеобщая всѣхъ вещей связь отъ негожъ зависимость имѣютъ.

Кто н. п. такъ соорудилъ тѣло, чтобъ силы его роскошью, нѣгою, и похотѣніями не могли не прийти въ слабость, въ безсиліе и въ крайность изможденія? Кто такъ устроилъ душу, чтобъ она, при усердномъ исполненіи добродѣтелей, неминуемымъ нѣкоторымъ, и вѣру превышающимъ удоволь-

ствія чувствіемъ не наполнялася? и чтобъ напротивъ того она, въ порокахъ погрузясь, мученіями и беззаконій чувствіями, какъбы Фурій адскихъ сженіемъ, не терзалася и не мучилася? Кто, говорю, все сіе, есть ли не онъ устроилъ?

III. Сему же наградъ и наказаній естественному послѣдствію благоволилъ Всевышній человѣколюбецъ быть въ человѣкѣ для того, чтобъ онъ чувствовалъ обязанность или уклоняться отъ худыхъ дѣйствій, или производить честныя и похвальныя. Ибо наказанія и награжденія естественныя связалъ онъ съ дѣйствіями худыми или добрыми, яко побужденія и поощренія, волю къ творенію добра преклоняющія или отъ худа ее отвлекающія. А въ томъ и понятіе обязательства содержится (§. 21).

Есть ли н. п. тотъ, кто отъ пьянства дряхлость въ тѣлѣ, слабость въ членахъ, и помраченіе въ смыслѣ чувствуетъ, захочетъ довольную тому найти причину, для чего ево тѣло и душа такъ жестоко мучатся, то онъ найдетъ, что таковыми злоключеніями, яко вѣрнѣйшими наставниками, къ осторожной и похвальной жизни онъ побуждается? Чрезъ удовольствіе же, раждающееся обыкновенно изъ честныхъ дѣлъ, чувствительныя примѣтитъ побужденія, преклоняющія ево со дня на день болѣе къ творенію честнѣйшихъ и превосходнѣйшихъ дѣяній.

Видишъ ты, о чемъ я, какъ бы мимоходомъ говорю, сколь попечительный о пользахъ человѣческихъ совѣтникъ естество? видишъ, какъ изрядно и рачительно о человѣческомъ состояніи промыслилъ Всевышній творецъ. Сколь бы многіе усмотрѣть могли, что добро или что худо, естьлибъ онъ съ худыми дѣйствіями не соединилъ нѣкоторыхъ

рыхъ невыгодъ и бѣдствій? Сколь бы многіе по нѣкоторой ума необузданности, и по слѣпому стремленію, впали во всякія безчинства, естьлибъ не боялись естественныхъ наказаній, коими, какъ будто уздою, благоволилъ онъ отъ гнусности удержать мысль человѣческую? Сколь бы многіе въ упражненіяхъ добродѣтельныхъ ослабѣвали, естьлибъ безчисленными пользами, съ добродѣтелію неразрывно соединенными, внутреннимъ духа спокойствіемъ, яко неотлучными добрыхъ дѣйствій спутниками, не были ко онымъ возбуждаемы.

Кромѣ естественныхъ отъ дѣйствій человѣческихъ послѣдствій нѣтъ сумнѣнія, чтобъ щастливыя или нещастливыя приключенія за Божескія же награжденія или наказанія не могли быть почитаемы. Это за тѣмъ бываетъ, что Богъ отъ вѣка высочайшимъ разумѣніемъ своимъ сей міръ обемлющій, такъ же причины вещей, ихъ связь и послѣдствія нынѣ созерцающій, установилъ удивительной порядокъ причинъ и произшествій отъ сихъ причинъ, яко отъ сѣмянъ, раждающихся; онъ утвердилъ законы онаго порядка, по коимъ онъ міръ сей управляетъ. Изъ сего порядка причинъ и произшествій естественно связаннаго и сплетеннаго выходитъ понятіе *о щастіи*, которое по справедливости назвать можно такою причинъ съ произведеніями связью, которой, поелику она чуднымъ образомъ сплетена и запутана, никто изъ смертныхъ точно проникать не можетъ, и коя весьма премудро и предусмотрительно будучи составлена, ни перемѣниться ни уничтожиться не можетъ. Сіи нечаянные случаи такъ Богъ расположилъ, что съ закономъ сходственно живущіе обыкновенно желаемымъ пользуются щастіемъ; а напротивъ преступ-

ники сего закона нещастїями угнѣтаемы бываютъ. Такимъ образомъ, счастїе или несчастїе по достоинству въ числѣ Божескихъ казней или награжденїй почитаемо быть должно. Естественныя наказанїя справедливо ли могутъ почитаться наказанїями, о семъ споръ между учеными находится: но оный не инымъ чемъ какъ пустословїемъ только почитать можно.

ГЛАВА V.

О добродѣтели, о порокѣ, и о благополучїи человѣческомъ.

§. 40.

Дабы узнать, что такое есть *добродѣтель*, надлежитъ наиболѣе примѣчать, чтобъ дѣйствїя сообразныя съ естественнымъ закономъ отличить отъ навыка соображать дѣла съ естественнымъ закономъ. Ибо того добродѣтельнымъ почитать и называть еще не можно, которой одно только или два дѣйствїя, по предписанїю закона сдѣлаетъ: но добродѣтель требуетъ исправнаго навыкновенїя, постояннаго усердїя, и всегдашней ревности къ творенїю того, что закономъ повелѣвается. Ибо *добродѣтель* есть навыкъ располагать дѣйствїя сходственно съ закономъ естественнымъ: а *порокъ* напротивъ, или паче сказать, *порочность* есть навыкъ преступать законъ, или располагать дѣйствїя несходственно съ закономъ естественнымъ.

§. 41.

Какія въ сихъ опредѣленіяхъ содержатся предложенія, въ краткости здѣсь представляется.

I. Не всякая внѣшняя дѣйствій съ закономъ сходственность добродѣтелію почитаться должна. Ибо добродѣтель еще внутренней души способности и раченія къ дѣланію добра требуетъ.

II. И по сему отнюдъ наружной честности, въ наружномъ сходствіи съ закономъ состоящей, за одно не почитай съ добродѣтелью.

III. Добродѣтель такъ, какъ и порокъ, привычкою и постояннымъ упражненіемъ пріобрѣтается. Ибо навыкновеніе, или отмѣнная къ творенію способность, не инымъ чемъ, какъ только всегдашнимъ упражненіемъ снискивается.

IV. Добродѣтельной человѣкъ за тѣ всегда принимается дѣла, кои совершаютъ его состояніе. Ибо добродѣтель есть навыкъ производить дѣйствія сходственныя съ закономъ естества (§. 40.). А кто поступаетъ сходственно съ естественнымъ закономъ, тотъ дѣлаетъ то, что къ совершенію его состоянія служитъ (§. 36. пол. V.).

Можно и такое добродѣтели сдѣлать опредѣленіе: *добродѣтель есть всегдашняя и постоянная склонность, себя и состояніе свое дѣлать совершеннымъ.* Или еще такимъ образомъ описать: *добродѣтель есть навыкъ производить свои дѣйствія согласно съ волею Божіею.* Ибо законъ естества есть законъ Божій (§. 36. пол. XV.).

V.

V. Къ добродѣтели прилѣпившїйся дѣла свои свободно и охотно съ закономъ естества сообразуетъ. Ибо добродѣтель есть всегдашнее и постоянное усердїе добро дѣлать: и рачитель оныя имѣетъ нѣкоторую способность повиноваться закону. И по тому нѣтъ тутъ внѣшняго принужденїя духъ къ добру преклоняющаго: но мысль къ добродѣтели прилѣпленная естественною честныхъ дѣлъ добротою приманивается, и со удовольствїемъ къ творенїю добра склоняется.

VI. И такъ тѣ, которые отъ худыхъ дѣлъ отвращаться страхомъ только наказанїя понуждаются, не могутъ назваться точно добродѣтельными.

VII. Изъ сего разумѣется, что добродѣтель сама по себѣ бываетъ для насъ награжденїемъ. Ибо добродѣтель производитъ то, что мы поступаемъ сходственно съ закономъ (§. 40.); и по тому дѣлаемъ себя самихъ и состоянїе наше совершеннѣйшими (§. 36. пол. V.) А какъ то, что насъ и состоянїе наше дѣлаетъ совершеннѣйшими, есть добро (§. 230. въ Мета.): добро же изъ дѣлъ нами творимыхъ происходящее есть награжденїе (§. 28.); то добродѣтель и служитъ для насъ награжденїемъ, или, что тожъ самое значитъ, сама себѣ бываетъ наградою. Здѣсь должно объяснить *нравственную немощь*, которая бываетъ въ такомъ случаѣ, когда когонибудь недопущаетъ естественная нѣкоторая слабость по естественному поступать закону; а *слабость естественная* тогда имѣетъ мѣсто, когда оная нашими силами исправлена или отринута быть не можетъ.

Такимъ образомъ мы обыкновенно слабости естественной приписываемъ то, если кто по нѣкоему неразумїю, коего онъ никакъ избѣгнуть былъ несиленъ, своихъ должностей не наблюдаетъ. Н. п. если люди отъ самаго младенчества, вросшїе межъ звѣрьми, оставляютъ богопочитанїе. Ежелижъ невѣденїе справедливости и честности будетъ избѣжимо, то и видно тотчасъ бываетъ, что ложнымъ естественныя слабости покровомъ худыя дѣла прикрываются и извиняются. Смотри Карповїево разсужденїе о степеняхъ добродѣтели.

§. 42.

Какъ сообразованїе жизни съ естественнымъ закономъ весьма много споспѣшествуютъ къ совершенїю состоянїя души и тѣла (§. 36. пол. V); то изъ сего и явствуетъ, что по естественному поступающїй закону не можетъ не чувствовать въ себѣ наипрїятнѣйшаго удовольствїя: потому что удовольствїе отъ умноженїя совершенствъ нашихъ отдѣлено быть не можетъ. (§. 29. въ Мета.). Сїя духа веселость или удовольствїе отъ наблюденїя естественнаго закона происходящее, и утвержденное на добродѣтели производитъ то, что мы обыкновенно называемъ щастїемъ. Ибо *щастїе* не иное что есть, какъ состоянїе продолжительныя радости.

Что такое мы въ семъ мѣстѣ чрезъ *продолжительную радость* разумѣемъ, о томъ пространнѣе изъяснено нами въ Метафизикѣ (подъ § 210 пол. V). Кто оное разумѣетъ изъясненїе, тому не будетъ удивительно, что мы счастїе въ состоянїи

продолжительныя радости полагаемъ. Однакожъ если сыщутся такіе, коимъ мысль сія о щастіи не нравится, то прошу вникнуть нѣсколько въ то, что я здѣсь присовокуплю для объясненія. Счастіе человѣческое состоитъ въ болѣзни и скорби? или въ радости? Я не думаю, чтобъ кто сказалъ первое. И такъ остается утвердить, что счастіе въ состояніи радости полагаться долженствуетъ. О какой же ты здѣсь думаешъ радости? о скоротекущей ли? о краткой ли? и поползновенной? Напослѣдокъ о такой ли, какую обыкновенно имѣютъ сластолюбцы, и пьяные люди, кои пока въ безчестныхъ домахъ и трактирахъ время продолжаютъ, потуда чрезмѣрною восхищаются радостію, но вскорѣ послѣ того чувствуютъ происходящія отъ безумнаго онаго удовольствія причины раскаянія и болѣзнованія. Таковая радость, или лучше сказать, тѣнь радости не только не раждаетъ благополучія, но напротивъ того бѣдными и несчастнѣйшими дѣлаетъ всѣхъ тѣхъ, кои прихотямъ своимъ раболѣпствуютъ: слѣдственно и быть не можетъ прямо счастія, если оно со всегдашнею и съ постоянною радостію не соединяется.

Цицеронъ описываетъ *щастіе чрезъ множественное благъ сопокупленіе съ изключеніемъ всякихъ золъ.* Кн. 5. Вопр. Туск. А другіе въ наслажденіи благъ *счастіе* полагаютъ: но всѣ они съ нашимъ опредѣленіемъ въ однихъ только словахъ различествуютъ.

§. 43.

Несчастіе **есть состояніе продолжающейся скуки.**

Скуку скоропреходящую, и продолжительнымъ

нымъ удовольствїемъ награждаемую, не должно называть несчастїемъ.

§. 44.

О счастїи сїи примѣчай положенїя:

I. Кто состоянїе свое ежедневно дѣлаетъ совершеннѣйшимъ, тотъ не можетъ не наслаждаться щастїемъ. Ибо кто состоянїе свое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ, тотъ не можетъ не имѣть и душевной радости; (по тому что отъ совершенствъ, и отъ чувствованїя оныхъ, отдѣльно быть удовольствїе не можетъ §. 219. въ Мета.), и удовольствїе оттуду раждающееся не можетъ превратиться въ скуку; ибо нѣтъ тутъ причины производящей скуку, (по тому что совершенство къ совершенствамъ присовокупляется). И такъ явствуетъ, что дѣлающїй свое состоянїе ежедневно совершеннѣйшимъ, не можетъ не наслаждаться счастїемъ.

II. Кто хранитъ естественной законъ, тотъ счастїемъ пользуется. Ибо какъ наблюдатель естественнаго закона состоянїе свое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ (§. 36. пол. V.), то онъ долженъ и счастїемъ пользоваться.

III. Наблюдатель добродѣтели необходимо долженъ быть благополученъ. Ибо если тотъ, кто хранитъ законъ естественный, пользуется щастїемъ (пол. II.); а добродѣтели первое свойство состоитъ въ храненїи закона естественнаго (§. 40.), то ясно, что отъ добродѣтели и раждается щастїе и сохраняется.

IV. Изъ чего видно такъ же, что всякой порокъ есть къ щастїю препятствїемъ, и причиною бѣдности и злополучїя.

V. Кто живетъ съ разумомъ и съ волею Божїею сходственно, тотъ конечно и щастливъ бываетъ. Ибо какъ живущїй по закону естества щастливъ бываетъ (пол. II.), а естества законъ не другое что есть, какъ разумъ и Божеской законъ (пол. XV. §. 36.), то явствуетъ, что слѣдующїй разуму и волѣ Божеской нещастнымъ быть не можетъ.

VI. *Благо верьховное* (Философическое) и щастїе въ тѣснѣйшемъ состоятъ союзѣ, и одно отъ другаго отдѣлены быть не могутъ. Естьли кто такимъ образомъ жизнь свою расположитъ, что со дня на день дѣлать будетъ себя совершеннѣйшимъ, и въ совершенствахъ болѣе успѣвать, и далѣе простираться станетъ, то мы утверждаемъ, что онъ большаго и превосходнѣйшаго въ жизни сей блага нежели какъ оное достигнуть силами разума не можетъ: по чему и приписуемъ ему *благо верьховное*. А какъ то состоянїе, въ которомъ кто себя дѣлаетъ день ото дня совершеннѣйшимъ, отъ щастїя отдѣлено быть не можетъ (пол. I.), то и видно, что верьховное благо съ щастїемъ тѣснѣйшимъ сопряжено союзомъ.

О благѣ верьховномъ, которое Волфїй *въ безпрепятственномъ шествїи къ большимъ со дня на день совершенствамъ полагаетъ*, во всѣ времена Философы между собою спорили, хотя споры ихъ, какъ это часто случается, болѣе о словахъ, нежели о самомъ дѣлѣ происходили. Верьховное же зло называетъ тотъ же Волфїй *безпрепятственнымъ въ большїя со дня на день несовершенства простиранїемъ*.

ГЛАВА VI.

О совѢсти.

§. 45.

Ежели кто жизнь свою вести по закону естественному, а по тому и истиннымЪ наслаждаться щастїемЪ желаетЪ (§. 44. пол. 11.); тотЪ каждое предпринимаемое, или отлагаемое дѢйствїе, долженЪ тщательнѢе разсмотрѢть, сходно ли оно сЪ закономЪ или нѢтЪ. А етого безЪ помощи разума сдѢлать не возможно, которымЪ мы усматриваемЪ, что такое честно и что безчестно, и для того судимЪ, дѢлать ли что намЪ или не дѢлать. Сей судЪ о честности и нечестности дѢйствїй *совѢстїю* называется.

Н. п. если кто у неосторожныхЪ людей плутовскимЪ искуствомЪ выманилЪ деньги, или коварствомЪ и злостїю союзЪ между друзьями разорвалЪ, и разторгнулЪ прїятельское ихЪ обхожденїе; тотЪ, ежели разсуждаетЪ самЪ вЪ себѢ, хорошо ли онЪ ето сдѢлалЪ или худо, ощущаетЪ вЪ себѢ силу совѢсти. Волфїй очень тонко и подробно во всѢ образы и роды совѢсти разсужденїемЪ вошелЪ, изЪ которыхЪ главные только, кЪ намѢренїю нашему служащїя, представимЪ.

§. 46.

Когда мы еще до произведенїя нашего дѢйствїя разсуждаемЪ, предпринимать ли намЪ или оставить оное надобно; то такое разсужденїе

жденіе называемъ *предшествующею совѣстію.* А тожъ самое разсужденіе по совершенномъ уже дѣйствіи *послѣдующею совѣстію* имянуемъ.

Если предъ начинаніемъ чего нибудь о томъ только разсуждаемъ, хорошоль или худо предпріемлемое дѣйствіе, то разсужденіе такое называется *умозрительною совѣстію.* Ежелижъ изслѣдываемъ, надобноль производить дѣйствіе или нѣтъ, то сіе разсужденіе *дѣятельною совѣстію* имянуется.

§. 47.

Естьли разсужденіе о честности или нечестности дѣйствія намѣряемаго, или уже начатаго, чинимое будетъ справедливое, то и совѣсть бываетъ *справедливая* или *прямая*: а напротивъ сего бываетъ она *ложная* или *погрѣшительная*, ежели разсужденіе будетъ погрѣшительно. Ежели сомнѣваешся, хорошо ли дѣйствіе или худо, тогда совѣсть называется *сомнительною.* А причина производящая о томъ сомнѣніе, честно ли что, или нечестно, называется *разборчивостію* совѣсти.

Кто сіи понятія яснѣе разумѣть желаетъ, тотъ пусть просмотритъ предложенное нами въ Логикѣ о истинномъ и ложномъ разсужденіи, такъ же и о сомнительствѣ. Къ изъясненію вышепоказанныхъ описаній весьма, какъ кажется, способствуютъ слѣдующіе примѣры. Естьли кто думаетъ, что клятву хранить надобно такъ, какъ Регулъ у Цицерона: ежели кто такъ же судитъ, что, хотя бы онъ отъ всѣхъ людей могъ укрыться, однако ничего сребролюбивымъ, ничего коварнымъ,

ничего любострастнымъ и неумѣреннымъ образомъ дѣлать не надобно, то мы правдивую, или прямую ему приписываемъ совѣсть. А ежели кто, по примѣру Пиѳїя онаго Сиракузскаго Банкира, для своей корысти другаго обмануть, и хитростью его оплесть не только не грѣхомъ, но еще похвальнымъ и себѣ пристойнымъ почитаетъ дѣломъ: если опять кто лучше самъ одинъ, нежели съ другимъ кѣмъ царствовать желаетъ, побужденъ будучи видомъ пользы возмнитъ, что онъ можетъ умертвить своего брата по справедливости такъ, какъ училъ Ромулъ, то въ такомъ человѣкѣ не меньше ложной и погрѣшительной примѣтить можно совѣсти какъ и въ другомъ, которой желая грабежемъ другихъ свое прїумножить имѣнїе, почитаетъ безгрѣшнымъ дѣломъ къ тому употребить отраву, дабы искоренить настоящихъ наслѣдниковъ, и самому заступить ихъ мѣсто. Если какой отецъ замыслитъ измѣнить своему отечеству, и его сынъ о томъ провѣдавъ, сомнѣваться станетъ, дать ли знать о томъ правительству, или молчанїемъ прикрыть, то такая въ сынѣ совѣсть есть сомнительная. Ежели кто Павлово къ Коринѳянамъ посланїе прочтетъ, и найдетъ, что премудрость человѣческая называется тамъ буйствомъ, и увидитъ, что самые Философы отъ блаженства вѣчнаго исключаются; то Павловы слова производятъ въ немъ беспокойство, отъ котораго сомнѣваться начинаетъ, можетъ ли кто, не нарушая приличности, и не лишась спасенїя, обучаться Философїи. И такъ Павловы слова налагаютъ совѣсти разборчивость, которая духъ его беспокоитъ, какъ обыкновенно случается отъ камешка, которой попавшися въ башмакъ ногу третъ чувствительно, и тѣмъ наводитъ беспокойствїе и досаду.

§. 48.

§. 48.

Какъ Логика насъ учитъ, что справедливое разсужденiе бываетъ или *подлинное*, или *вѣроятнымъ* только *образомъ* справедливое (§. 156.), то и можно понять, что справедливая совѣсть бываетъ или *подлинная*, или *вѣроятная*.

Н. п. ежели кто по доказательствамъ за подлинно знаетъ, что въ договорахъ о какихъ либо вещахъ не надлежитъ употреблять никакого обмана; ежели онъ увѣренъ такъ же будетъ, что честному человѣку непристойно домогаться наслѣдствъ чрезъ коварныя услуги и ласкательства, то такая его совѣсть называется *подлинною*. А есть ли честной человѣкъ (о коемъ случаѣ Цицеронъ въ Кн. 3. о должн. въ Гл. 12. упоминаетъ) изъ Александрiи въ Родосъ привезъ великое множество ржи во время безхлѣбья и голоду у Родосскихъ жителей, и при великой у нихъ дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ: если онъ же знать будетъ, что многiе и другiе купцы отъ Александрiйской пристани поѣхали, и увидитъ на пути нагруженные хлѣбомъ корабли въ Родосъ поспѣшающiе, долженъ ли онъ о томъ извѣстить Родянъ, или, дабы свой хлѣбъ выгоднѣе продать, долженъ паче умолчать о томъ. Въ защищенiе молчанiя могли представиться слѣдующiя причины и обстоятельства.

1.) Я поступаю не коварно, говоритъ купецъ, нѣтъ пороковъ въ моей ржи, которые бы по праву гражданскому объявить мнѣ надлежало.

2.) Всякой продавецъ свое продать всегда желаетъ съ возможною выгодностiю.

3.) Я привезъ, продолжаетъ купецъ, выставилъ на продажу, и продаю мое не дороже другихъ, а можетъ быть и дешевле противъ того, какъ бываетъ больше хлѣба.

4.) Кому изъ етого обида? я не насильно беру деньги у купцовъ, и моихъ товаровъ имъ не навязываю, и прочая.

Изъ сихъ обстоятельствъ правдѣподобнымъ образомъ выводитъ онъ сїе заключенїе: и такъ можно, да и позволительно ему умолчать, о другихъ корабляхъ въ Родосъ ѣдущихъ.

§. 49.

Ежели кто, руководству разума послѣдуя, о дѣйствїяхъ или уже предпрїятыхъ или предпрїемлемыхъ производитъ такое разсужденїе, которое основывается на точномъ дѣйствїя познанїи, тогда его совѣсть называется *свободною*. Но если кто стремленїемъ страстей, какъ будто вихремъ будучи восторгнутъ, такъ будетъ судить, что коварнымъ онымъ совѣтникамъ чувствамъ паче, нежели разуму послѣдовать станетъ, тогда совѣсть обыкновенно *порабощенною* называется.

Естьлибъ кто Крассу далъ такую силу, чтобъ чрезъ отсѣченїе перстовъ могъ онъ вписанъ быть наслѣдникомъ, въ самомъ дѣлѣ не будучи такимъ, то бы онъ заплясалъ на народной площади отъ радости; поелику онъ приманкою чувствъ и сребролюбїемъ влекомъ будучи предпочелъ корысть честности, порабощенной послѣдуя совѣсти. А доброй и справедливой человѣкъ ничего не отнимётъ у другаго, дабы себѣ присвоить, и ето дѣлаетъ по предводительству свободной совѣсти, и по ея правилу.

§. 50.

§. 50.

Когда послѣдствующая совѣсть съ предшествующею сходствуетъ, тогда мы говоримъ, что *совѣсть насъ извиняетъ.* А естьли будетъ несходство между предшествующею совѣстію и послѣдующею, тогда уже насъ совѣсть *обличаетъ.*

Н. п. Іуда предъ предательствомъ Христа чаемую себѣ награду почиталъ за добрую и полезную; да еще и гораздо выше ее ставилъ, нежели милость и любовь своего Спасителя: по предпріятіи же гнуснаго онаго дѣйствія печальнѣйшимъ раскаянія чувствіемъ терзался, и какъ предательство, такъ и взятыя имъ сребреники почиталъ уже гнусными, вредными и проклятыми. Смотри межъ совѣстію предшествующею и послѣдствующею разнствіе, въ коемъ состоитъ совѣсти обличеніе. Когда Цицеронъ, по разорваніи заговора Катилинина, какъ самаго Катилину такъ его послѣдователей и сообщниковъ изъ города выгналъ; тогда онъ разсуждалъ, что онъ сдѣлалъ нѣчто такое, что спасительно было Республикѣ. По изгнаніи Катилины въ ссылку, хотя и видѣлъ, что подверженъ онъ былъ безчисленнымъ клеветамъ и ненависти; однако твердъ былъ въ своемъ мнѣніи, и щиталъ себя избавителемъ отечества. Чрезъ сіе совѣсть Туллія извиняла. О чемъ смотри рѣчь III. на Катилину.

§. 51.

Угрызеніе совѣсти есть та скука, которая изъ обличенія ея, или изъ несходства между предшествующею и послѣдствующею совѣстію происходитъ.

Неронъ, которой убїенїе матери своей за доброе, и предпрїятїя достойное почиталъ, по совершенїи гнуснаго сего злодѣянїя инако разсуждалъ, и имъ содѣянное проклиналъ. Отъ коего разсужденїя, или отъ разности между совѣстїю предшествующею и послѣдствующею, происходили въ немъ безпокойствїя душевныя, которыя читателямъ представляетъ Светонїй симъ образомъ: *хотя поздравленїями воинства, сената и народа онъ былъ подкрѣпляемъ, однакожъ совѣсть злодѣянїя ни въ то время, ни послѣ не могла быть ему сносна; часто онъ признавался, что видъ его матери, такъ же удары фурїй, и горящїе факелы несказанно его беспокоили.*

Изрядно такъ же и Саллустїй совѣсти грызенїе, коимъ Югуртинъ духъ былъ терзаемъ, описалъ симъ образомъ: ,,послѣ того Югурта ни одного ,,дня, и ни одной ночи не имѣлъ спокойной; ни на ,,мѣсто, ни на время, ниже на кого изъ смертныхъ ,,онъ не повѣрялся; гражданъ своихъ не меньше ,,какъ и непрїятелей страшился: все онъ осматри,,валъ вкругъ себя, и самой легкой шумъ въ ужасъ ,,его приводилъ; то на томъ, то на другомъ мѣстѣ, ,,часто не по царской чести, искалъ ночью себѣ ,,покоя. Иногда отъ сна вдругъ пробуждался, и схва,,тясь за оружїе шумъ причинялъ; столько то онъ ,,боязнїю такъ какъ сумазбродствомъ мучился,,. Войны Югур. Гл. 72.

§. 52.

Кто долговременною въ грѣхахъ привычкою и упражненїемъ такъ ожесточился, что уже не смотритъ болѣе на то, что дѣлаетъ, ниже изслѣдываетъ, хорошо ли то дѣло, которое

рое онъ дѣлаетъ или худо; но на все, къ чему только необузданная страсть его влечетъ, стремится, то такова человѣка совѣсть называется *спящею*, такъ, что *усыпленіе совѣсти* не иное что есть, какъ такое души человѣческой состояніе, въ коемъ она ниже мыслитъ о томъ, сходствуютъ ли чинимыя ею дѣйствія съ естественнымъ или Божескимъ закономъ, или нѣтъ.

Волфій во всеобщей дѣятельной своей Философіи въ §. 499. такъ пишетъ о сей матеріи: „*сномъ*, „говоритъ онъ, *совѣсти называется отсутствіе* „*предшествующей и последствующей совѣсти.*

Н. п. ежели кто пустившись во всѣ пороки и безчинія, такъ къ роскоши и ко всѣмъ утѣхамъ пріобыкнулъ, что блудодѣйствовать, пировать, и въ праздности время провождать, поелику онъ всю жизнь свою истощилъ въ похотяхъ, въ праздности и въ веселостяхъ, ему уже изъ привычки въ природу обратилось; то онъ гнусности своихъ дѣйствій не разбираетъ: а сіе самое и доказываетъ, что совѣсть его бываетъ спящею. Усыпленнымъ совѣстію тожъ самое приключается, что и пьяницамъ, о коихъ знаемъ, что они сошедши съ ума, и самыхъ чувствъ лишившись, не могутъ почти разпознавать одного отъ другаго, и ничего того не вѣдаютъ, что они надѣлали.

§. 53.

Ежели кто послѣ дремоты совѣсти прошлыя изслѣдываетъ дѣйствія, и разбираетъ содѣянная; то въ семъ случаѣ говоримъ, что у него *совѣсть просыпается.*

Н. п. когда братья Іосифовы во всѣхъ своихъ надобностяхъ имѣя недостатокъ величайшій, и гладомъ почти истаевая, поражены были воспоминаніемъ обиды, Іосифу отъ нихъ учиненной, то возчувствовали, сколь тягостенъ грѣхъ они учинили. Къ лучшему спящей и просыпающейся совѣсти познанію удивительно служитъ примѣръ Александра Великаго, которой безчувственно будучи пьянъ, и потому болѣе не обладая своимъ гнѣвомъ, пронзилъ въ бокъ копьемъ друга своего Клита, мало помышляя о гнусности своего дѣйствія, покуда пьянство умъ его какъ будто во мракѣ содержало. Вотъ спящей, *и дремлющей совѣсти изображеніе!* Но тотъ же самой Александръ выпрезвившись важность злодѣянія поздо уже началъ усматривать, и убійство, къ коему онъ прежде неразсудно устремился, по утоленіи стремленія, оценилъ тѣмъ, чего оно стоило. Курцій Кн. 8. Гл. 2.

§. 54.

Кто никакой изъ учиненнаго дѣйствія не чувствуетъ скуки, хотябъ строжайшимъ оное изслѣдывалъ образомъ, тотъ, какъ говорятъ, *совѣстію наслаждается спокойною.* Скорбь же, или болѣзнованіе за содѣяннымъ дѣйствіемъ послѣдующее, дѣлаетъ совѣсть волнующеюся или безпокойною.

§. 55.

Кто свободною наслаждается совѣстью, т. е. кто въ произвожденіи своихъ дѣйствій слѣдуетъ всегда руководству разума, и къ творенію зла, разумомъ отметаемаго, не приступаетъ; тотъ называется *совѣстнымъ.* А кто

стремле-

стремленіемъ страстей восхищенъ будучи хватается за то, что разумъ, по разсмотрѣніи всѣхъ дѣянія подробностей, за безчестное ему представляетъ, а не брежетъ о томъ, что разумъ усматриваетъ честнымъ и похвальнымъ, и что предпринимать ему совѣтуетъ; то такой человѣкъ называется *безсовѣстнымъ*. Ежели же кто зоботится стяжать правую и достовѣрную совѣсть; тотъ, какъ говорятъ, *совѣсть бережетъ и сохраняетъ*.

Н. п. что Регулъ въ сохраненіи вѣрности и должности своей былъ совѣстенъ, свидѣтельствуетъ его постоянство, съ коимъ онъ щиталъ себѣ за долгъ, устоять въ данной Карфатенянамъ клятвѣ, такъ, что ни коимъ образомъ, ни какими выгодами, ниже самою боязнію лютѣйшія смерти, которая долженствовала ему послѣдовать, отъ его намѣренія отторгнуть его было не можно. Онъ слѣдовалъ разуму, по наставленію котораго онъ зналъ, что клятву святѣйшимъ образомъ хранить надобно было, и все, что чувствамъ лестно казалось, презирать твердымъ и неколеблющимся духомъ. Напротивъ того Кесарь былъ безсовѣстенъ, которой, по свидѣтельству Цицерона, всѣ Божескія и человѣскія права нарушилъ для одного только начальства, которое онъ погрѣшительно въ мысли своей представилъ: больше онъ властолюбію и прихоти, нежели разуму и Республикѣ служилъ. Цицер. о долж. Кн. I. Гл. IX. Равнымъ образомъ переметчикъ оный, которой обещался отравить Пирра, естьлибъ ему дано было награжденіе, свидѣтельствуетъ чрезъ сіе, что онъ не имѣлъ никакой совѣсти. Циц. Кн. III. о долж. Гл. 22.

§. 56.

§. 56.

По представленіи разныхъ образцовъ совѣсти, и по подробномъ изъясненіи всѣхъ сюда принадлежащихъ понятій, весьма намъ вразумительны быть могутъ положенія утвержденныя на выше показанныхъ опредѣленіяхъ.

I. Гдѣ нѣтъ познанія о естественномъ законѣ, тамъ не можетъ имѣть и совѣсть своего мѣста. Гдѣ не имѣетъ никакого мѣста разсужденіе о честности дѣйствій или о ихъ худости, тамъ мѣста нѣтъ и совѣсти (§. 45.). Гдѣ нѣтъ нималаго о естественномъ законѣ познанія, тамъ не можетъ быть и разсужденіе о добротѣ дѣйствій или о ихъ худости. Ибо всякая дѣйствій доброта или худость по естественному разсматривается закону такъ, что все съ онымъ сходствующее называется обыкновенно честнымъ и похвальнымъ: а напротивъ гнуснымъ и порочнымъ все, что противно оному (§. 36. пол. VI.).

Другіе такъ о семъ разсуждаютъ: *совѣсть есть снесеніе закона съ дѣлами своими* (§. 45). А какъ законъ можетъ сноситься съ дѣлами, если онаго не будешъ вѣдать? Статься убо не можетъ, чтобъ совѣсть безъ познанія закона естественнаго мѣсто имѣла.

II. Безъ разума совѣсть быть не можетъ. Ибо какъ законъ естественный чрезъ разумъ намъ дѣлается свѣдомъ (§. 36. пол. VIII.), безъ познанія же закона естественнаго мѣста имѣть совѣсть не можетъ (пол. I.), то и ясно, что безъ разума совѣсть быть не можетъ.

III. Совѣсть не приличествуетъ безразумнымъ животнымъ, по тому что животныя разума не имѣютъ (§. 279. пол. въ Мета.), а безъ того не имѣетъ мѣста совѣсть.

IV. Єто статься можетъ, чтобы кто поступалъ противъ совѣсти, а имянно: ежели онъ перемѣняетъ разсужденїе свое о добротѣ или худости дѣйствїй. Ибо естьли кто прежде сего почиталъ что нибудь за доброе, а теперь тожъ самое, по случившимся нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до того ему несвѣдомымъ, за худое вмѣняетъ, и обратно: то видно, что мысль его стремившаяся нѣкогда къ добру теперь уже отвращается отъ онаго, и обратно. Ибо когда перемѣнилося познанїе худа и добра, то перемѣняется желанїе и отвращенїе (§. 230. въ Мета.). Кто убо поспоритъ, что человѣкъ можетъ то отметать, что прежде достойнымъ своего предпрїятїя щиталъ? и принимается за то, отъ чего прежде почиталъ себѣ за долгъ удаляться.

Многїя суть вещи, которыя заставляютъ насъ перемѣнять свое разсужденїе о добрѣ и о худѣ. Не рѣдко въ самой вещи нѣкоторыя по времени обстоятельства открываемъ, которыя заставляютъ насъ что нибудь, что за добро признавали прежде сего, почитать за зло, по открытїи сихъ обстоятельствъ.

Н. п. оказывать родителямъ повиновенїе почитаешъ ты за нѣчто доброе: но ежели родитель твой заставитъ тебя воровать, или сдѣлаться измѣнникомъ отечеству; то уже сїе повиновенїе, которое родителю оказывать почиталъ ты прежде за нужное, признаешь за нѣчто худое. Наипачежъ

чувства,

чувства, воображенїе и возмутительныя страсти отъ нихъ происходящїя, разсудокъ человѣческой души о добрѣ и худѣ перемѣнять обыкли. Отъ сего случается, что многїе люди, что прежде по предводительству разума безчестнымъ почитали, за тожъ самое по томъ принимаются восхищены будучи чувствъ, и душевныхъ волнованїй стремленїемъ, яко сильнымъ вихремъ. Многїе такъ же не невѣдаютъ, но за подлинно знаютъ, да и другимъ внушаютъ, что лестныя утѣхи пагубны бываютъ, и что въ похотяхъ крайняя гнусность находится. Однакожъ чувствами обольщены будучи, при случаѣ за то хватаются, что предъ тѣмъ охуждали, ниже избѣгаютъ отъ той утѣхи, отъ которой они другимъ убѣгать совѣтовали, такъ какъ отъ яду, но ей наигнуснѣйшимъ образомъ порабощаются. Можно здѣсь справиться съ тѣмъ, что мы въ Психологїи въ §. 298. о взаимномъ сопротивленїи разумнаго и чувственнаго желанїя предложили.

V. Пока мы слѣдуемъ разуму, или, по опредѣленїю свободной совѣсти, производимъ дѣйствїя (§. 49); потуда статься не можетъ, чтобъ по разсмотрѣнїи каждаго обстоятельства мы поступали противъ совѣсти. Ибо пока кто смущенїямъ разума, или совѣсти свободной слѣдуя, добро и худо познаетъ съ довольною ясностїю, и всѣ дѣйствїй обстоятельства прилѣжнѣе разсматриваетъ, потуда ни коимъ образомъ не можетъ воля наша желать того, что умъ подлинно признаетъ за худое, или отвращаться отъ того, что разумъ ей яко доброе представляетъ (§. 230. въ Мета.).

Ежели кто явственно и вѣрно знаетъ, что лгать, обманывать, воровать, гнусное есть дѣло,

тотъ

тотъ по истинѣ всякой лжи и всякаго воровства отвращаться станетъ, но до тѣхъ только поръ, пока въ немъ разумъ владычествуетъ, и пока силою страстей и чувствъ со своей степени, яко съ нѣкоего престола, не свергнется.

VI. Кто по совѣсти поступаетъ заблужденной, тотъ грѣшитъ. Ибо по заблужденной совѣсти поступающїй почитаетъ худое за доброе, а доброе за худое (по опред. заблужденїя). И по сему желанїемъ стремится на худое и исполняетъ оное, за тѣмъ что добромъ оное щитаетъ: и отъ сущаго отвращается добра, поелику худымъ оное признаваетъ. По сему онъ поступаетъ противъ закона естественнаго предписывающаго дѣлать доброе, а отъ худаго отвращаться повелѣвающаго (§. 16 пол. V). Кто противъ закона поступаетъ, тотъ грѣшитъ: слѣдовательно грѣшатъ и всѣ тѣ, которые по заблужденной совѣсти поступаютъ.

Ежели идолопоклонники деревяннымъ или каменнымъ образамъ оказываютъ Божескую почесть, то они погрѣшенїемъ совѣсти побуждаются къ тому, чтобы молиться и приносить жертвы идоламъ. А какъ такое богопочитанїе есть нечестивое, и непозволенное, то явствуетъ, что язычники навеличайшимъ связуютъ себя беззаконїемъ, когда щитаютъ самое худое, гнусное и омерзительное за доброе, и предпрїятїя достойное.

VII. Кто поступаетъ противъ заблужденной совѣсти, тотъ такъ же грѣшитъ. Ибо кто поступаетъ противъ совѣсти, хотя бы она была правая и истинная, хотя ложная, то онъ предпринимаетъ или по прихоти, или

по

по чаянїю корысти какой, или по другимъ какимъ причинамъ такое дѣло, которое худымъ быть судилъ, а то пренебрегаетъ. которое почитаетъ добрымъ. Ясно тебѣ и безъ моего напоминанїя, коль великой въ етомъ порокъ состоитъ: особливо ежели разсмотришъ, что такой человѣкъ знаючи и доброволно то преступаетъ, о чемъ онъ мнилъ, что оно закона опредѣленїемъ предписывается.

Ежели язычникъ изваянїямъ идольскимъ не воздаетъ той почести, которую воздавать идоламъ за долгъ почитаетъ, то онъ грѣшитъ: и ето не для того только, что не чтитъ идоловъ, но для того, что пренебрегаетъ дѣлать то, что за доброе поставляетъ. Ибо сїе показываетъ и легкомыслїе, и злость ума. Ежели Дїонисїй, уроженецъ Сиракузской, идоловъ, какъ и вѣроятно, за истинныхъ почиталъ боговъ, то конечно сдѣлалъ противъ совѣсти, хотя и заблужденныя, а для сего и грѣшилъ, когда мѣднымъ божескимъ истуканамъ насмѣялся, и сдиралъ съ нихъ украшенїя. О семъ Валерїй Максимъ пространнѣе повѣствуетъ въ Кн. I. Гл. I. о благочестїи.

VIII. Изъ сего ты видишъ, коль нужно къ человѣческому щастїю, въ вещахъ желанїя или отвращенїя достойныхъ, разумъ напаять истиннымъ добра и зла познанїемъ, ниже заблужденїями, и предразсудками съ прямаго пути совращаться.

Ибо тѣ, кои управляются заблужденїями въ дѣйствїяхъ, погрѣшаютъ не минуемо, хотя бы они предпринимали какое дѣйствїе, хотя бы оставляли (пол. VI. и VII).

IX. Кто съ сомнѣнїемъ совѣсти что либо предпрїемлетъ, тотъ конечно согрѣшаетъ.

Ибо

Ибо пока совѣсть сомнительна бываетъ, потуда начинающій дѣло не знаетъ подлинно, надобно ли предпринимать оное, или оставить, и честное ли оно, или нечестно. И такъ ты представь себѣ, что сей человѣкъ дѣйствіе предпринимаетъ, хотя и сумнится о добротѣ дѣйствія или худости его, то не будетъ ли онъ считать за одно, какъ доброту, такъ и худость дѣйствія? и не станетъ ли помышлять самъ съ собою такимъ образомъ: хотя бы доброе было начинаемое мною дѣйствіе, хотя худое, но я ево исполню; симъ образомъ поступая не ясно ли онъ покажетъ, что онъ хочетъ поступить противъ закона, и согрѣшить. А кто согрѣшить хочетъ, тотъ уже и согрѣшаетъ; потому что законъ насъ обязуетъ, чтобъ мы не только дѣлали, но и хотѣли дѣлать добрыя дѣла. И такъ кто предпринимаетъ такое дѣло, о коемъ подлинно не знаетъ, къ добрымъ или къ худымъ причислить оное дѣйствіямъ; тотъ грѣшитъ, и показываетъ намѣреніе оскорбить Верьховнаго Законодателя.

Н. п. ежели кто подложныя деньги по невѣденію возметъ за настоящія, а послѣ о томъ узнаетъ, и будетъ сомнѣваться, колеблясь мыслями въ разныя стороны, сходно ли съ честностію, и позволительно ли сею же монетою, яко настоящею, долгъ свой платить заимодавцамъ; однакожъ при всемъ томъ платитъ: то сей человѣкъ великой на себя грѣхъ пріемлетъ. Весьма изрядно о семъ Цицеронъ въ Кн. I. Гл. 9. О должн. ,,И такъ, говоритъ, по- ,,хвальны тѣ нравоучители, кои запрещаютъ дѣ- ,,лать все то, о чемъ сомниться можно, справед-

ливо ли

„ливо ли оно или несправедливо„. Прочти Стейнерово разсужденіе о обязательствѣ сомнительныя совѣсти.

X. Изъ чего видно, что совѣстной человѣкъ не можетъ ни за что приняться, о чемъ сомнѣвается, хорошоль оно или худо. Ибо онъ совѣсти свободной держится (§. 55.); и потому дѣйствія свои съ правиломъ и опредѣленіемъ разума соображаетъ: ничего онъ не дѣлаетъ кромѣ того, что разумъ ему добрымъ представляетъ, ничего такъ же не отметаетъ, кромѣ того, что разумъ оставить ему совѣтуетъ. Противноежъ случается тѣмъ, кои съ колеблющеюся мыслію дѣлать что нибудь начинаютъ, почитая дѣйствіе достойнымъ предпріятія, хотя бы оно съ закономъ было сходственно, хотя несходственно.

XI. И такъ ето весьма полезно для душевнаго спокойствія, чтобъ вывесть совѣсть изъ сумнѣнія: а сего не иначе какъ чрезъ умствованіе или доказательство достигнуть можно. Ибо умствованіе, какъ мы уже въ Логикѣ упомянули, есть главное къ точному вещей познанію вспоможеніе (§. 159.).

Н. п. ежели духъ, противными причинами на разныя стороны преклоняемый, опредѣлить точно не можетъ, позволительно ли плясаніе, то весьма нужно, чтобъ онъ всѣ тѣ внутреннія причины, кои къ защищенію того или другаго мнѣнія, или обоихъ совокупно приводятся, разсмотрѣлъ, свѣсилъ, и доказательствъ силою себя удостовѣрилъ.

XII. Какъ колебанія совѣсти дѣлаютъ ее сумнительною (§. 47.), то къ истребленію оныхъ весьма полезны бываютъ доказательства.

XIII. Кто по прямой и несомнѣнной совѣсти что нибудь дѣлаетъ, тотъ не имѣетъ причины опасаться ея обличеній. Ибо кто по прямой и по несомнѣнной совѣсти что нибудь дѣлаетъ, тотъ все само по себѣ доброе не только почитаетъ за доброе, но и еще заподлинно знаетъ, что оное точно таково находится (§. 48.). Не можетъ убо статься, чтобъ онъ перемѣнилъ свое о добрѣ и о худѣ разсужденіе: а потому и разсужденіе, по исполненіи уже дѣйствія, положенное разнствовать съ тѣмъ не будетъ, которое предъ начинаніемъ дѣйствія было. Что самое и доказываетъ явственно, что такому человѣку обличеніе совѣсти отъ несходственности разсужденій предъ дѣйствіемъ и по совершеніи онаго происходящее быть не долженствуетъ (§. 50.).

Представь себѣ, что судья, которой правосудіе равномѣрно наблюдаетъ, вора или разбойника въ темницу заключить повелѣлъ. Сей судья дѣлаетъ то, о чемъ заподлинно вѣдаетъ, что оное для общества полезно и спасительно. Представь же опять, что воръ или разбойникъ тотъ въ темницѣ будучи зарѣзался или задавился: подумаешь ли ты, чтобы въ семъ случаѣ судью совѣсть обличать стала? не надѣюсь. Ибо послѣдствующая судьи совѣсть отъ предидущей не будетъ разнствовать.

XIV. Изъ сего видно, что по прямой и по несомнѣнной поступающій совѣсти не долженъ страшиться ея обличеній. Ибо когда угрызенія совѣсти изъ ея же обличеній раждаются (§. 5'.): обличеніе же оныя въ томъ, кто поступаетъ по правой и по несомнѣнной совѣсти, мѣста имѣть не можетъ (пол. XIII.); то не

трудно разумѣть, что поступающему по чистой и несомнѣнной совѣсти не надобно страшиться ея угрызеній.

XV. Обличеніе и угрызеніе совѣсти дѣлают нещастнымъ человѣка. Ибо во всякомъ обличеніи, и во угрызеніяхъ совѣсти, безчисленныя и самыя возмутительныя возстаютъ движенія, дабы духъ его мучить и терзать болѣзнованіями (§. 51.). А какъ то состояніе, въ коемъ духъ боязнію смятенный скуку или изнеможеніе въ себѣ чувствуетъ, составляетъ понятіе о *нещастіи*; то и не можно сомнѣваться, чтобы обличеніе, и за нимъ слѣдующія совѣсти грызенія не дѣлали человѣка несчастнымъ.

ГЛАВА VII.

О вмѣненіи.

§. 57.

Когда мы кому дѣйствіе какое нибудь вмѣняемъ, тогда мы его объявляемъ свободною причиною и виновникомъ онаго дѣйствія. И по тому слово *вмѣнять*, если взять его вообще, не иное что значитъ, какъ объявить, что такой-то особѣ, яко виновнику, принадлежитъ дѣйствіе, и съ онымъ соединенная казнь, или награда.

Н. п. ежели кто имѣніе свое, коимъ онъ честно могъ пользоваться, прожилъ роскошью, и похотливостію; то такому моту и самое расточеніе

имѣнїя, и всѣ изъ онаго происходящїя невыгоды, какъ то нищета, посрамленїе, отчаянїе и прочая, яко виновнику, приписываются. Такимъ образомъ справедливо вмѣнить можно Дїонисїю пагубную судьбину, такъ же печальнѣйшую и несчастнѣйшую смерть Дїонова сына. Корнелїй о немъ написалъ слѣдующее: ,,Дїонисїй приказалъ Дїонова сына вос-,,питывать такимъ образомъ, что бы былъ онъ из-,,балованъ, и приобыкнулъ къ безчисленнѣйшимъ во-,,жделѣнїямъ. Ибо какъ былъ онъ еще не въ зрѣлыхъ ,,лѣтахъ, то приводили къ нему блудницъ, кушанья ,,и вино предлагали ему въ величайшемъ множествѣ ,,такъ, что вытрезвиться ему недоставало времени. ,,По возвращенїи же отца его въ отечество, не могъ ,,онъ понести перемѣны въ своемъ состоянїи: по-,,елику опредѣлены были къ нему новые пристав-,,ники, удерживать его отъ прежняго поведенїя; и ,,для того съ верхняго жилья бросился на низъ, и ,,погибъ бѣдственно,,. Дїон. Гл. 4.

§. 58.

Когда узнали мы теперь, что значитъ вмѣненїе, то можемъ разумѣть и слѣдующїя положенїя.

I. Никакое дѣйствїе, кромѣ свободнаго, вмѣняемо быть не можетъ. Ибо естьли надлежитъ вмѣнять какое либо дѣйствїе, то требуется, чтобъ свободный виновникъ производилъ оное (§. 57). Виновникъ же дѣйствїя свободный быть не можетъ, какъ только тотъ, кто свободно дѣлаетъ. (по опре.). Почему и никакое дѣйствїе, кромѣ только свободнаго, вмѣняемо быть ни кому не можетъ.

II. И такъ никакое дѣйствїе вмѣняемо быть не можетъ, если оно не состоитъ въ нашей волѣ. По тому что всякое свободное дѣйствїе должно состоять въ нашей власти (§. 6.).

III. Чемъ свободнѣе бываетъ дѣйствїе, тѣмъ больше дѣйствующему и вмѣняется оное.

IV. И такъ всякаго вмѣненїя основанїемъ бываетъ *свободность*, и сколько свободность послабляется, или стѣсняется, столько и вмѣненїе, или больше, или меньше мѣста имѣетъ.

V. Изъ сего выходитъ, что дѣйствїя *естественными* называемыя человѣку вмѣняемы быть не могутъ. Ибо какъ естественныя дѣйствїя не въ нашей власти состоятъ (§. 6.), то оныхъ къ свободнымъ и причислять не надобно.

Н. п. естьли легкое твое съ трудностью, и не инако какъ съ нѣкїимъ звукомъ дышать будетъ; то сїе легкаго дѣйствїе само по себѣ есть такое, что оно тебѣ вмѣняться не можетъ. А ежели неумѣренностїю и сластолюбїемъ силу дыханїя въ легкомъ ты разслабилъ, то сїя слабость легкаго, и всѣ родящїяся отъ оной болѣзни, тебѣ по справедливости вмѣняются. Ибо въ твоей это волѣ состояло, чтобъ жить умѣренно, и отъ любовныхъ дѣлъ уклоняться.

VI. Бѣшеныхъ, сумасшедшихъ, лунатиковъ, крѣпко спящихъ, и младенцевъ, дѣйствїя вмѣняемы имъ быть не могутъ; по тому что оныя къ свободнымъ не принадлежатъ дѣйствїямъ (§. 6. пол. V.), которыя требуютъ разума, а въ сумасшедшихъ и младенцахъ ни мало онаго не находится.

VII. Нельзя такъ же намъ вмѣнять невозможнаго. Ибо невозможное не въ нашей состоитъ власти: а по тому отъ свободы не зависитъ.

А чтобъ ты могъ разумѣть, что невозможнымъ почитать должно, то припомни, что въ Метафизикѣ въ §. 18. и 19. и выше въ §. 23. пол. VII. о семъ сказано. Есть нѣкоторыя невозможности такія, кои вовсе превосходятъ человѣческія силы: какъ н. п. знать всѣхъ народовъ языки. Другія же суть такія невозможныя вещи, кои быть могутъ, и силъ человѣческихъ не превышаютъ: но бываютъ невозможными въ разсужденіи силъ нѣкоторыхъ людей. Н. п. младенцу философической и математической науки незнанія вмѣнять не можно, для того что его силы неспособны еще къ понятію наукъ оныхъ.

VIII. Такимъ образомъ явствуетъ, можно ли и до какой степени можно вмѣнять то, что по немощи, и по недостатку силъ учинено быть не можетъ. Ежели слабость силъ, и неспособность къ дѣйствію отъ твоей свободной зависитъ воли, то конечно то, что ты сдѣлать долженствовалъ, по для истощенныхъ отъ самаго тебя силъ не могъ исполнить, тебѣ вмѣняется.

Ежели н. п. пьяница слуга чрезъ пьянство сдѣлался неспособнымъ къ отправленію своихъ должностей; то извѣстно, что опущеніе трудовъ ему по справедливости вмѣнять надобно: потому что могъ онъ отъ пьянства уклоняться. Ежели опять кто пресыщеніемъ и пьянствомъ истощилъ крѣпость и живость памяти своей такъ, что къ наукамъ, а

особливо къ изученію языковъ неспособенъ сдѣлался, то по справедливости ему вмѣнены будутъ и слабость памяти, и произшедшее отъ оной невѣжество.

IX. Изъ сего такъ же опредѣлить можно, какія имянно дѣйствія отъ невѣжества и заблужденія происходящія могутъ быть вмѣняемы.

X. Ежели невѣжество, или заблужденіе чрезъ твои усилія минуемы быть могли, то удобно понять можно, что все отъ невѣжества, и заблужденія происходящее тебѣ самому вмѣняется. По тому что въ твоей было волѣ не заблуждаться, и невѣжествомъ не обманываться: и естьлибъ хотѣлъ ты, могъ бы сего избѣгнуть. И такъ это понятно тебѣ, что полная твоя воля есть причиною и невѣжества твоего и погрѣшенія.

Невѣжество сіе называется *минуемымъ*. Н. п. если кто желая именоваться наукъ духовныхъ ученикомъ, пять лѣтъ или болѣе пробудетъ въ училищахъ, но знать не будетъ и начальныхъ вѣры нашей основаній, то очень видно, что онъ могъ бы избѣгнуть сего невѣжества: по чему и пусть онъ самъ себѣ вмѣняетъ всѣ неудобства, отъ сего незнанія происходящія.

XI. А все то, что происходитъ отъ невѣжества, или заблужденія, называемаго неминуемымъ, вмѣняемо быть никакъ не можетъ. По тому что не льзя было сего невѣжества избѣгнуть, и заблужденіе не въ твоей было власти.

Н. п. вспоминаетъ Гарпагъ, что сынъ его отъ Астіага Царя Мидійскаго былъ заколотъ, и, по разсѣченіи

сѣченія его въ куски, отчасти въ жаркомъ, отчасти въ похлебкахъ, изрядно приправленныхъ, для яди ему предложенъ. Онъ наѣлся его по невѣденію; и по тому сего ему дѣянія и вмѣнять было не можно, для того что невѣроятно было, что бы онъ могъ избѣгнуть сего заблужденія. Сенека о гнѣвѣ Гл. 15. Кн. 3. Естьли опять на войнѣ, во время сраженія съ непріятелями, сынъ своего отца, на непріятельской сторонѣ находящатося, застрѣлитъ пулею; то сыну вмѣнять сего убійства не можно по его невѣденію, коего не могъ онъ избѣгнуть.

XII. Понеже чувствованія, или познанія, помощію чувствъ въ насъ производимыя, не въ нашей состоятъ власти (§. 45. пол. V. въ Мета.), то видно, что чувствованія намъ вмѣняемы быть не могутъ (пол. VII.)

Представь себѣ, что ты нечаяннымъ громовымъ ударомъ такъ сильно пораженъ, что ты отъ сего и слуха лишился; то глухота сія вмѣниться тебѣ не можетъ. Если такъ же беременная женщина, взглянувши нечаянно на какое нибудь чудовище, такъ испугается, что выкинетъ младенца, то сіе ей вмѣнено быть не можетъ, что младенецъ оный не могъ жизнію наслаждаться.

XIII. Случается нерѣдко, что чувствованію или понятію, естлибъ только мы захотѣли, моглибъ воспрепятствовать. Въ такомъ случаѣ чувствованіе, съ происходящимъ изъ него добромъ или худомъ, вмѣнено быть можетъ.

Ежели кто на представленную ему соблазнительную картину смотритъ, и глазъ своихъ отъ нея не отвращаетъ, хотя бы онъ и могъ сіе учинить; то явствуетъ, что такому человѣку всѣ

скаредныя мысли, и отъ нихъ родящіяся похоти, вмѣняемы быть должны.

XIV. По елику воображеніе не всегда бываетъ во власти нашей (§. 189. въ Мета.), но противъ нашего произволенія часто оно мысль нашу возмущаетъ: то видно, что и воображенія не всегда вмѣнять намъ можно. Воображенія раждаются отъ чувствованій, да они и сами не другое что суть, какъ продолжительныя чувствованія (§. 189.); то чему дивиться, если тѣ воображенія часто на умъ приходятъ, кои отъ необходимыхъ чувствованій начало имѣютъ.

Н. п. ежели мы въ богомысліи, или въ молитвахъ къ Богу нами возсылаемыхъ упражняемся, то нерѣдко случается, что мысль наша такими беспокоится воображеніями, каковыхъ намъ прежде никогда на умъ не приходило.

XV. А какъ бываютъ иногда такія времена, въ кои мы, если только захотимъ, можемъ воспрепятствовать чувствованіямъ (§. 185 въ Мета. пол. IV.), то явствуетъ, что иногда можно остановить и воображеніе, и что, если мы оному не противимся, то оное вмѣняться намъ долженствуетъ.

Н. п. если кто Романовъ прилѣжно почиталъ, и нашелъ въ нихъ разныя любовныя приключенія, пространно описанныя; то не долженъ ли онъ себѣ того приписать, ежели онъ почувствуетъ, что мысль его скверными беспокоится воображеніями, и любовнымъ жаромъ воспламеняется.

XVI. Изъ сего судить можно, когда сновидѣнія по справедливости намъ вмѣняться должны. Ибо сны не что иное суть, какъ воображенія

женія (§. 192. въ Мета.), о коихъ мы сказали, что въ нашей они тогда состоятъ власти, когда мы имѣли силу чувствованіямъ воспрепятствовать. А тожъ самое сказать можно и о сновидѣніяхъ.

Читатели любовныхъ книгъ, и блудными повседневно воображеніями забавляющіися, пусть себѣ вмѣняютъ то, что просыпаются въ нечистотѣ и оскверненіи.

XVII. Когда всѣ страсти изъ смятныхъ чувствъ, и воображенія представленій раждаются (§. 233. въ Мета.), то можно разсудить, когда и какимъ образомъ вмѣняемо намъ быть можетъ то, что стремленіемъ страстей нашихъ восхищены будучи мы дѣлаемъ.

XVIII. Чемъ кто медлительнѣе о начатіи какого нибудь дѣйствія разсуждалъ, и чемъ прилѣжнѣе всѣ онаго обстоятельства разсматриваетъ; тѣмъ болѣе и дѣйствіе, и происходящія отъ него послѣдованія ему вмѣняемы быть могутъ. Ибо дѣйствіе бываетъ произвольнѣе, если мы до начатія его разсуждаемъ, нежели то, къ которому съ жаромъ приступаемъ и съ стремленіемъ. А чемъ свободнѣе, или произвольнѣе есть дѣйствіе, тѣмъ больше оно намъ вмѣнятся можетъ (§. 58 пол. III.)

Естьли кто гнѣвомъ распалившись, многими того, съ кѣмъ ссорится, отягоститъ укоризнами, то грѣшитъ онъ правда, но извинительнѣе передъ тѣмъ, которой сочиняетъ ругательную книгу на соперниковъ своихъ, и которой, повторивъ многократно ея чтеніе, старается оную выпечатать, и въ свѣтъ издать. Ибо онъ должайшее имѣлъ время къ разсужденію, нежели тотъ, кто распалившись

духа

духа горячностїю, и гнѣвомъ, яко вихремъ восхищенъ, язвитъ ругательствами другаго.

XIX. Естьли дѣйствїе кѣмъ либо другимъ производимое, или упускаемое тебѣ вмѣняться долженствуетъ, то оному надобно быть такому, чтобъ оно отъ твоего происходило произволенїя. Ибо дабы тебѣ что нибудь вмѣнялося, то къ сему требуется, что бы того, что тебѣ вмѣняется, свободною ты былъ причиною (§. 57.).

XX. Отсюда выходятъ сїи послѣдствїя:

1) Естьли ты кого или награжденїями, или обѣщанїями, или приказанїемъ, и увѣщанїями склонилъ къ какому нибудь дѣйствїю, то тебѣ оное вмѣняется.

2) Естьли не воспрепятствуешь дѣйствїю другова, коему ты и могъ, и долженъ былъ воспрепятствовать, тебѣ такъ же оное вмѣняется.

3) Естьли подашъ согласїе на дѣйствїе другова, какъ бы то ни было, то тебѣ оное вмѣняется.

4) Если хотя намѣками, хотя инымъ какимъ знакомъ дашъ другому знать, что ты хочешъ, или по крайней мѣрѣ не отвращаешся дѣйствїя чьего нибудь, то и оное тебѣ вмѣняться долженствуетъ.

5) Ежели наконецъ о начинанїи дѣйствїя чьего либо будучи вопрошенъ молчишъ, безъ всякой вида твоего перемѣны, вмѣсто того, что чрезъ представленїе могъ бы оному воспрепятствовать: то чрезъ сїе показываешъ, что ты на оное

дѣйствїе не несогласенъ, и для того тебѣ оное вмѣняется. Справся здѣсь съ тѣмъ, что сказано нами о причинѣ нравственной въ Онтологїи.

Сїи предложенїя однимъ я изъясню примѣромъ: знаешъ ты н. п. что прїятель твой Семпронїй хочетъ измѣнить отечеству; однакожъ не препятствуешъ ему въ мерзскомъ его умыслѣ, а напротивъ того словами, или намѣками, или и молчанїемъ довольно изъясняешъ, что оная измѣна тебѣ непротивна; такъ не всѣ ли бѣды, отъ злодѣянїя толикаго произойти имѣющїя, тебѣ вмѣниться долженствуютъ? Не ты ли причиною толь многихъ расхищенїй, пожаровъ, и иныхъ злоключенїй, каковыя обыкновенно отъ войны и отъ внутреннихъ возмущенїй раждаются?

§. 59.

Остаются еще нѣкоторыя понятїя, сюда принадлежащїя, кои мы изъяснимъ вкратцѣ. Часто случается, что люди то иногда дѣлаютъ, чего бы дѣлать имъ не надлежало, а то опускаютъ, что имъ дѣлать надобно было; и то не по намѣренїю, или съ умыслу, но или по невѣденїю, или нерадѣнїю, котораго могли бы они миновать, еслибъ только силъ своихъ, коими къ исправленїю своей должности довольно снабдѣны были, по надлежащему употребить захотѣли. И въ такомъ случаѣ приписываемъ имъ *винность*.

Н. п. ежели врачъ, недовольно еще во врачебной наукѣ искусившїйся, больному, котораго усердно вылѣчить желаетъ, подастъ лѣкарство, не

только

только болѣзнь неуменьшающее, но еще и умножающее оную, то врачу вина вмѣняется.

§. 60.

Случается опять, что нѣкоторые съ умысла, и съ нарочнаго намѣренія часто предпринимаютъ то, что опустить бы надлежало; а то напротивъ опускаютъ, что исполнить обязаны были; въ которомъ случаѣ говорится, что они коварно поступаютъ.

Н. п. ежели кто знаючи продастъ другому лошадь, за бо̀льшую, нежели какъ она стоила, цѣну, и выхвалитъ ее, яко добрую и бодрую, вмѣсто того, что она нездорова, и иные многіе имѣетъ пороки; то *поступаетъ онъ коварно.* Смотри примѣръ коварства въ Цицеронѣ О должн. Кн. III. Гл. 16.

I. И такъ винность и коварство между собою въ томъ разнствуютъ, что въ винности хотя не право дѣлается, и отъ правила бываетъ уклоненіе, но не по намѣренію и умыслу, а только по невѣденію, или по небреженію: въ коварствѣжъ примѣчается произволеніе, и намѣреніе сдѣлать что нибудь неправедно.

Естьли кто изъ учителей надлежащаго обучать наукамъ способа не знаетъ, и учитъ тому, чего лучше бы не вѣдать, каковъ былъ Енгельбрехтъ учитель Максимиліановъ; или когда достодолжнаго раченія къ наставленію умовъ не употребляетъ, и для сего часто дѣлаетъ учениковъ своихъ глупѣйшими, нежели какихъ онъ ихъ принялъ: то надлежитъ сказать о такомъ учителѣ, что

нажилъ

нажилъ себѣ *винность*. Ежели же кто по зависти, или по другой какой причинѣ, прямой и ближайшей путь къ обученїю скрываетъ, и по нарочному намѣренїю, губитъ умы юношей ему ввѣренныхъ; то учитель таковый коварно поступаетъ.

II. Винность человѣку по справедливости вмѣняется: ибо какъ дѣйствїя отъ невѣденїя, называемаго *минуемымъ*, или отъ нерадѣнїя происходящїя вмѣняться долженствуютъ (пол. X.), то и винность также справедливо вмѣняется (§. 50).

Врачу по справедливости больнаго смерть вмѣняется, если онъ лѣкарствами, по невѣденїю, не къ стати употребленными, не только ей воспрепятствовалъ, но и ускорилъ еще оную.

III. А еще гораздо больше должно вмѣняться коварство; по тому что оно есть умышленное дѣйствїе, и съ разсудкомъ предприятое (§. 60); а дѣйствїе съ разсудкомъ, и съ нарочнымъ принятое умысломъ наиболѣе вмѣненїя достойно (§. 58, пол. XVIII.).

ДѢЯТЕЛЬ-

ДѢЯТЕЛЬНЫЯ ФИЛОСОФІИ

ЧАСТЬ II.

О ПРАВѢ ЕСТЕСТВЕННОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

§. 62.

Чрезъ право естественное, та значится наука, въ которой естественные законы, или опредѣленія разума о предприниманіи или избѣжаніи вещей толкуются, и преподаются порядкомъ систематическимъ (§. 3. пол. IV.).

Нѣтъ намъ причины видимую въ семъ выраженіи, *право естественное*, сомнительность съ великимъ удалять раченіемъ. Нѣкоторые самой естественной законъ за одно считаютъ съ правомъ естественнымъ. Оттуда произошли сіи обыкновенныя реченія; *ето сходно съ правомъ естественнымъ: ето противно оному*, и прочая. Такъ же: *право естественное есть непремѣняемое, вѣчное*. Однакожъ сіи слова, по большой части, такимъ образомъ употребляются учеными, что они чрезъ оныя означаютъ науку самую, или ту систему, въ которой, впечатлѣнные отъ естества законы, ясно и доказательно намъ толкуются. Въ такомъ

то

то смыслѣ Гейнекцій описываетъ *право естественное* чрезъ совокупленіе законовъ, отъ самаго Творца, посредствомъ разума, человѣческому роду откровенныхъ. А естьли о правѣ естественномъ *подлежательно*, т. е. какъ о знаніи, которымъ разумъ того или другаго человѣка украшенъ, разсуждать станемъ, то уже оно *естественнымъ законовѣдѣніемъ* называется, которое Гейнекцій описываетъ такъ: что оно есть дѣятельной навыкъ, познавать волю Верьховнаго Законоположника, посредствомъ праваго разума, и сообразоваться ей во всяхъ встрѣчающихся дѣлахъ. Смотри право естественное и народное стр. 10. Читай также Кехлера о правѣ естественномъ. §. 753.

§. 63.

Чтобъ лучше познать свойство права естественнаго, то нѣсколькія здѣсь присовокупимъ положенія.

I. Понеже естественное право есть естественныхъ законовъ знаніе (§. 62.), то естественные законы въ естественномъ правѣ должны быть доказываемы (по силѣ опредѣленія, которое знанію дается).

II. Какъ доказательство того наиболѣе требуетъ, чтобъ полагались прежде основанія, на которыхъ бы положенія требующія доказательства утверждать было можно (§. 167. въ Логикѣ), то явствуетъ, что въ правѣ естественномъ должно полагать основанія, изъ которыхъ бы естественные законы, или предписанія разума, о предприниманіи или объ оставленіи дѣйствій, могли выводиться.

III. Естественной убо законъ, или предложенïе, которое намъ, съ самаго начала, посредствомъ разума извѣщается, есть источникъ и начало, изъ коего прочïе законы силу свою и истину заимствуютъ.

IV. И такъ основанïемъ естественнаго права поставляется сïе предложенïе, *преимущественно* называемое естественнымъ закономъ: *дѣлай то, что тебя и состоянïе твое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ; а то оставляй, что тебя, и состоянïе твое дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ.* Или что тоже самое значитъ: *дѣлай то, что тебя дѣлаетъ счастливѣйшимъ, и удаляйся отъ того, что тебя дѣлаетъ несчастнѣйшимъ* (§. 36. пол. VI.).

V. Сïе предложенïе изъ самаго человѣческаго естества прïемлетъ свое начало (§. 34.). Отъ чего и произошло, что многïе самое человѣческое естество началомъ естественнаго права назвали.

VI. Когда предложенïе сïе: *дѣлай то, что тебя и прочая* намъ чрезъ разумъ дѣлается свѣдомо (§. 36. пол. VIII.), то неудивительно, что нѣкоторые изъ ученыхъ разумъ почли началомъ естественнаго права.

VII. Какъ мы выше доказали, что сïе предложенïе: *дѣлай то, что, и прочая*, есть Божеской законъ, и съ Божïею наиболѣе согласуетъ волею (§. 36. пол. XV), то по сему видно, что мы непротивно мыслимъ тѣмъ, кои волю Божïю основанïемъ и источникомъ естественныхъ законовъ, а по тому и началомъ естественнаго права полагаютъ.

VIII.

VIII. Сïе предложенïе: *дѣлай то, что тебя и проч.* есть истинное и совершенное естественнаго права начало. Ибо оно утверждается на самомъ естествѣ человѣческомъ, и нѣтъ ни одного закона, чрезъ разумъ свѣдомаго, которой бы въ семъ не заключался предложенïи: *дѣлай то, что тебя и прочая;* да и ни единая должность людей, или гражданъ, на мысль притти не можетъ, которая бы изъ сего перваго закона не проистекала.

IX. Притомъ сïе основанïе довольно ясно и безсумнительно. За тѣмъ что не только ученымъ, но и всякому имѣющему общïй смыслъ удобно вразумительно, что значитъ предложенïе сïе: дѣлай то, что тебя дѣлаетъ счастливымъ.

X. Изъ сего напослѣдокъ и то понимать можно, чемъ естественное право распознавается отъ гражданскаго. Естественному праву здравый насъ научаетъ разумъ (§. 36. пол. XV.), и оно обязуетъ весь родъ человѣческïй (§. 36. пол. XII.). Гражданское же право изъ писменныхъ увѣдомленïй познаваемъ и толкуемъ; да и предки наши въ предписанïи гражданскихъ законовъ не другое имѣли намѣренïе, какъ только благоденствïе, и пользу общества, и каждаго гражданства.

XI. Право естественное изъясняетъ и преподаетъ намъ законы непремѣнные и Божескïе (§. 36. пол. X.), чего для нѣкоторые знанïе въ естественныхъ правахъ называютъ Божественнымъ правовѣденïемъ.

Теперь одно только остается намъ сказать, а именно то, что принадлежитъ до избѣжанïя пустыхъ

стыхъ словопрѣній о правѣ естественномъ. Многіе къ естественному праву относятъ тѣ только законы, къ наблюденію коихъ можемъ понуждаемы быть постороннею нѣкоею силою. Такіе законы суть: н. п. *никого не обидь, всякому воздай ему принадлежащее, убытокъ другому причиненный вознаграждать старайся.* Сіи законы, собственно такъ называемыми законами, или еще законами необходимости именуются. Самое же право естественное, въ коемъ сіи законы изъясняются, называется *правомъ понудительнымъ,* или *внѣшнимъ естества правомъ*, по елику онаго употребленіе видно бываетъ болѣе въ наружномъ общежитіи естественномъ. И понудительное то право изъясняетъ только тѣ должности, которыя въ разсужденіи другихъ исполнить должно. О чемъ смотри у Кехлера о правѣ естественномъ §. 751. и слѣдующіе. Мы нѣсколько въ пространнѣйшемъ смыслѣ беремъ законы естественные, въ правѣ естества намъ изъясняемые: и подъ оными всѣ поступки нравственныя, кои разумъ намъ предписываетъ, разумѣемъ; то есть какъ тѣ, къ храненію коихъ можемъ понуждены быть внѣшнею нѣкоею силою; такъ и тѣ, къ коимъ обязываемся по внутреннему побужденію, н. п. *беречь здоровье, совершать душу, о чести и о благосостояніи стараться, Бога почитать, и на него единаго возлагать все упованіе.* Къ таковымъ дѣламъ кто тебя понудитъ?

ГЛАВА I.

О должностяхъ къ Богу относящихся.

§. 64.

Должностью называется всякое то дѣйствіе, къ которому мы закономъ обязываемся, или, коего законъ отъ насъ требуетъ.

§. 65.

Всѣ тѣ дѣйствїя, коихъ отъ насъ естественный законъ или разумъ, въ разсужденїи Бога, требуетъ, составляютъ *наши къ Богу должности.*

§. 66.

И такъ теперь разсмотримъ, какїя тѣ суть дѣйствїя, кои разумъ тебѣ, въ разсужденїи Бога, исполнять предписываетъ. Я счелъ за полезное, всѣ таковыя дѣйствїя вмѣстить въ краткихъ положенїяхъ.

I. Къ прославленїю совершенствъ Божественныхъ естественный законъ, или разумъ насъ обязуетъ. Богъ сей свѣтъ для того и соорудилъ, чтобъ совершенства его славились (§. 367. въ Мета.).

И такъ онъ благоволитъ, чтобъ совершенства его прославлялись. Святаяжъ его воля есть законъ естественный (§. 36. пол. XV.). Убо естественный законъ того требуетъ, чтобъ божїи совершенства славились.

II. Прославлять Бога мы обязанность имѣемъ. Когда слава Божїя есть сопряженїе всѣхъ его совершенствъ (§. 308. въ Мета.), то слѣдуетъ, что прославленїе имени Божїя, или въ томъ состоитъ, когда его совершенства приращенїе получаютъ, или въ томъ, когда оныя болѣе человѣческому роду открываются. Первое быть не можетъ, понеже Богъ есть всесовершенъ (по опред.), а потому и ничего не можно какъ прибавить къ его совершенствамъ, такъ и убавить отъ оныхъ. Слѣдственно сла-

вы Божїя распространенїе состоитъ въ прославленїи совершенствъ его. А какъ къ прославленїю Божїихъ совершенствъ естественнымъ мы обязаны закономъ (пол. I.), то и къ разпространенїю славы его естественный насъ законъ обязываетъ.

III. Убо всякой человѣкъ долженъ чрезъ дѣйствїя свои возвѣщать, что онъ Бога почитаетъ таковымъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. существомъ всесовершеннѣйшимъ, милостивѣйшимъ, премудрѣйшимъ, правосуднѣйшимъ, святѣйшимъ и прочая.

IV. Тогда мы нашими дѣлами прямо изъявляемъ, что Бога чтемъ такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, когда наши дѣйствїя такъ располагаемъ, что къ онымъ побужденїями намъ служатъ самыя свойства Божїя, т. е. сжели размышленїемъ о совершенствахъ Божїихъ побуждаемся къ творенїю чего нибудь, которое размышленїе бываетъ причиною тому, для чего мы такъ, а не инако поступаемъ.

V. Въ таковыхъ дѣйствїяхъ, къ коимъ человѣкъ понуждается разсматриванїемъ совершенствъ, состоитъ *Богопочитанїе*. И *Богопочитанїе* тогда мы изъявляемъ, когда дѣйствїя наши такъ устроямъ, что довольная причина, побуждающая насъ къ предпрїятїю оныхъ, содержится въ созерцанїи совершенствъ Божественныхъ.

VI. Изъ сего выходитъ, что естественнымъ закономъ мы обязуемся къ Богопочитанїю. Ибо естественной законъ обязуетъ насъ къ прославленїю Божїя имени (пол. III.), а потому и къ объявленїю чрезъ наши дѣянїя, что

что мы его почитаемъ такимъ, каковъ онъ подлинно находится, т. е. существомъ всесовершеннѣйшимъ (пол. III.). А какъ наконецъ тогда мы дѣяніями нашими изъявляемъ, что мы Бога почитаемъ существомъ всесовершеннѣйшимъ, когда къ дѣяніямъ нашимъ побужденія изъ Божескихъ совершенствъ почерпаемъ (пол. IV.). Въ чемъ единственно и состоитъ Богопочитаніе (пол. V.). То явствуетъ, что самой разумъ обязуетъ насъ къ Богопочитанію.

Весьма нужно, къ подробному познанію должностей, кои мы отправлять въ разсужденіи Бога обязаны, яснѣе истолковать, что значитъ *прославленіе имени Божіяго*, и что такое есть *Богопочитаніе*. Ибо на сихъ познаніяхъ, такъ какъ на нѣкіихъ подпорахъ, все о должностяхъ къ Богу ученіе утверждается. А чтобъ всю удалить темность, то слѣдующіе представлю примѣры. Для чего о тѣхъ учителяхъ, кои другимъ къ Богопочитанію руководствуютъ, говоримъ, что они *имя Божіе прославляютъ*? не для того ли, что они слушающимъ ихъ, Божіи совершенства и чудныя его творенія возвѣщаютъ? Для чего говорится, что небо, земля, звѣзды, и вся связь міра сего, повѣдаютъ славу Божію? не для того ли, что во всецѣломъ семъ мірѣ, яко на откровеннѣйшемъ позорищѣ, представляется ясно очамъ нашимъ богатство, и величество Божія благости, могущества, благоустроенія и премудрости? Изъ сего ты видишъ, какимъ образомъ *славу Божію помрачать можно*. Кто такія предпринимаетъ дѣла, коими онъ объявляетъ, что онъ Бога таковымъ не почитаетъ, каковъ онъ подлинно есть, тотъ *Божію помрачаетъ славу*. Н. п. когда кто клятву преступаетъ, то онъ тѣмъ самимъ

мимъ изъявляетъ, что или онъ не вѣруетъ въ Бога никакого, или его не почитаетъ правосуднѣйшимъ и всевѣдущимъ Божествомъ. Кто въ несчастіяхъ излишне малодушествуетъ, или въ Божіей себѣ помощи отчаевается, тотъ не явственно ли доказуетъ, что онъ вѣритъ, будто Богъ или не хочетъ, или не можетъ ему подать помощь. И тѣмъ самимъ не обьявляетъ ли онъ, что не чтетъ онъ Бога всемощнѣйшимъ, и благоутробнѣйшимъ Божествомъ. А его и значитъ, помрачать славу Божію.

Чтобы определеніе Богопочитанія вразумительнѣе тебѣ было, предложу сей примѣръ. Представь себѣ, что ты благопріятной имѣешъ случай вредить твоему врагу и ему учинить досаду, однакожъ не вредишъ, но еще больше ему благодѣтельствуешъ; должны непремѣнно въ семъ случаѣ быть причины, побуждающія тебя не мстить, да еще и благотворить врагу твоему. Ежели ты такъ поступаешъ для того, чтобъ показать себя благороднаго духа человѣкомъ, или чтобъ со врагомъ примириться, или что по природѣ ты боязливъ и кротокъ, то хотя при всемъ етомъ ничего еще худаго ты не дѣлаешъ, однакожъ я не нахожу еще, чтобъ въ тебѣ было Богопочитаніе. Еслижъ для того ты своему врагу не отмщеваешъ, что Божію въ томъ волю знаешъ, чтобъ всѣхъ людей хранилось благосостояніе; и что разсуждаешъ притомъ, что Богъ и тебѣ, и всѣмъ другимъ, величайшимъ своего величества оскорбителямъ, безчисленныя ежедневно изливаетъ свои благодѣянія, тогда уже ты, созерцаніемъ свойствъ Божіихъ будучи побуждаемъ, поступаешъ. И въ таковыхъ то дѣйствіяхъ заключается Богопочитаніе. Я еще другой присовокуплю примѣръ: тѣ, которые во многочисленныхъ

ныхъ упражняются молитвахъ, или по привычкѣ, или чтобъ показать себя святошами, или чтобъ наконецъ изъявить свое краснорѣчїе и многоглаголанїе, сїи говорю я, люди не изъявляютъ въ своихъ молитвахъ Богопочитанїя. Ежели какїе люди для того молятся, что Богъ по безконечной своей благости желаетъ, и по неограниченному своему могуществу можетъ имъ ниспослать свою помощь; то они истинными Богопочитателями почтены быть могутъ. Ибо не молилися бы они, еслибъ Божїими совершенствами, благостїю т. е. и могуществомъ къ молитвѣ поощрены не были.

Если дѣйствїя, коихъ причиною есть Божїихъ совершенствъ познанїе, наружныя бываютъ, и показываются чрезъ воздѣванїе рукъ, чрезъ голосъ, и чрезъ тѣлодвиженїя; то сто есть внѣшнее Богопочитанїе.

VII. Естественнымъ закономъ обязуемся мы къ снисканїю достовѣрнаго и истиннаго Богопочитанїя. Ибо когда къ Богопочитанїю обязываетъ насъ естественной законъ (пол. IV.); почитать же Бога инако не можемъ, какъ если къ дѣланїю чего нибудь познанїемъ совершенствъ Божїихъ понуждаемы будемъ (пол. V.): слѣдственно къ снисканїю Богопознанїя естественнымъ мы обязуемся закономъ. Сїе познанїе должно быть истинное. Иначежъ Богъ не такимъ бы отъ насъ былъ почитаемъ, каковъ онъ есть подлинно, и сто непремѣнно требуется къ Богопочитанїю (пол. III.). Оно также должно быть достовѣрное. Ибо сумнительное и со страхомъ заблужденїя сопряженное познанїе не будетъ имѣть силы устроять дѣла наши по надлежащему, и производить Богопочитанїе.

VIII. Бога мы беспредѣльно любить должны. Нельзя тому статься, чтобъ тотъ, кто Бога и совершенства его познаетъ по надлежащему, наиприятнѣйшимъ удовольствiй чувствованiемъ не наслаждался (§. 219. въ Мета.). Удовольствiежъ сiе изъ созерцанiя Божескихъ совершенствъ происходящее называется *любовiю* (§. 238. въ Мета.). Убо съ истиннымъ и явственнымъ совершенствъ Божественныхъ познанiемъ нераздѣлимо и любовь къ Богу сопрягается. Слѣдовательно, когда мы обязаны къ Богопознанiю (пол. VII.), то конечно и любовь, да еще и высочайшую изъявлять ему долженствуемъ: потому что всѣ, какiе только помыслить можно, совершенства въ немъ находятся. Чего для и удовольствiе, изъ чрезвычайныхъ совершенствъ его познанiя раждающееся, долженствуетъ быть чрезвычайноежъ.

IX. Должны мы благоговѣть, или паче сказать, бояться Господа. Если кого мы любимъ, то со всякимъ раченiемъ остерегаемся всего того, что не нравится тому, кого мы любимъ (§. 239. въ Мета.). Сiежъ раченiе, чтобъ не дѣлать ничего того, что Богу нравиться не можетъ, и чтобъ не упускать ничего, что ему угодно, называется *благоговѣнiе* или *страхъ Божiй*. Убо когда любовiю къ Богу мы обязаны (пол. VIII.), то слѣдуетъ, что и благоговѣть къ нему, или его бояться, естественный законъ насъ обязуетъ.

Любовь и благоговѣнiе происходитъ наипаче изъ сего: 1) если духъ разсуждаетъ, что Богъ есть всемилостивѣйшiй, и что какъ о всѣхъ вообще, такъ и о всякомъ частно человѣкѣ благоутроб-

ное принимаетЪ попеченіе: 2) ежели оный Божественныя святости познаніемЪ напитанЪ, и со вниманіемЪ помышлять будетЪ о власти Божіей, все содержащей, и всѣмЪ управляющей. Сіе то благоговѣніе, изЪ усерднѣйшаго раченія угождать милосерднѣйшему Богу происходящее, называется *сыновнею Богобоязливостію*. Ибо сыновняя любовь требуетЪ того, чтобЪ они повиновалися своимЪ родителямЪ, отЪ коихЪ жизнь, и благосостояніе свое имѣютЪ, и это не для наказаній или побоевЪ; но только для того, что бесчисленными отЪ нихЪ благодѣяніями одарены были. Ежели же кто такЪ боится Бога, какЪ обыкновенно рабЪ страшится наказаній своего господина, которой отчету отЪ него требуетЪ, то таковый *страхЪ* называется *рабскимЪ*. И сего рода страхЪ хотя и вовсе того недостоинЪ, чтобЪ признавать его за Богопочитаніе, однако для пользы общества, и для его безопасности, не ненужно усмирять людей дерзскихЪ и жестокосердныхЪ, и рабскою Богобоязливостію понуждать ихЪ кЪ должности.

X. Всю надежду на Бога возлагать должно. ИзЪ естественной Богословіи мы научились, что БогЪ такЪ о дѣлахЪ человѣческихЪ промышляетЪ, что и соблюдаетЪ все, и благоволитЪ все наклонять кЪ благосостоянію всѣхЪ, а паче разумныхЪ тварей. Если же все сіе по надлежащему разсмотрѣть и изслѣдовать, то не можетЪ не произойти вЪ душѣ нашей надежда, не на слабомЪ утвержденная основаніи, но твердая и постоянная, и отЪ всякаго мысли колеблющаго сомнѣнія удаленная о томЪ, что БогЪ такимЪ образомЪ все располагаетЪ, что не сыщется ничего такого, чего бы недоставало

ставало ко пріобрѣтенію и сохраненію истиннаго намъ блаженства. А какъ сія надежда называется упованіемъ (§. 257 въ Мета.), то слѣдуетъ, что послику мы обязаны точнѣе высматривать какъ Бога и его совершенства, такъ и премудрое сего міра управленіе (пол. VII.); то и наше упованіе на его только единаго возлагать долженствуемъ.

На Бога же уповать никто не можетъ, какъ только тотъ, кто 1) заподлинно знать будетъ, что Богъ вѣдаетъ какъ всѣ бѣдствія его угнѣтающія, такъ и вспоможенія, въ коихъ онъ надобность имѣетъ: 2) кто ясно усматриваетъ, что безпредѣльная Божія сила какъ всѣ бѣдствія удалить или облегчить, такъ и всякія благая ниспослать можетъ: наконецъ кто 3) твердо о томъ увѣренъ, что Богъ будучи благоутробнѣйшій желаетъ, чтобъ каждаго благосостояніе не только хранилось, не еще и увеличивалось. Изъ чего ты видишъ, что источниками упованія, на Бога возлагаемаго, справедливо почитаются вѣденіе, мудрость, могущество, и благость Божія. Кто вѣдаетъ, въ чемъ я недостаточенъ, кто умѣетъ все располагать къ моей пользѣ, кто можетъ даровать все для меня полезное, наконецъ кто желаетъ мнѣ всякаго благополучія, отъ того не долженъ ли я всякой помощи надѣяться? Не долженъ ли я на него, безъ всякаго сомнѣнія и боязни, возлагать все свое упованіе?

Упованіе сіе, которое намъ самый разумъ на Бога возлагать велитъ, двухъ ради причинъ ослабѣваетъ въ душѣ человѣческой. Первое ей препятствіе отъ того происходитъ, что тѣ, кои непорочнѣйшую жизнь ведутъ, всякимъ часто злоключеніямъ подвержены бываютъ, ни малѣйшихъ, какъ думаютъ,

маютъ, во утѣшеніе, Божіей къ нимъ милости знаковъ не имѣя: напротивъ же того всякой негоднѣйшій человѣкъ часто живетъ благополучнѣйшимъ образомъ. Другоежъ ей препятствіе, чтобъ многіе люди не ожидали отъ Бога помощи съ пристойнымъ упованіемъ, бываетъ наипаче то, что совѣстію своихъ злодѣяній возмущены и устрашены будучи находятъ себя недостойными никакого вспоможенія и благодати Божіей, и боятся всякихъ золъ отъ правосудія мстящаго за злодѣянія. А то самое, сказать невозможно, коль сильно бываетъ къ ослабленію духа и къ умаленію упованія. Весьма нужно къ ободренію унылыхъ сердецъ, и къ возбужденію въ оныхъ упованія отнять два оныя препятствія; а какъ силы разума сдѣлать етого не могутъ, то въ етомъ случаѣ Философія долженствуетъ искать себѣ помощи въ Христіанскомъ благочестіи.

XI. Поелику возлагаемое на Бога упованіе раждается изъ явственнаго и достовѣрнаго о премудрости, промыслѣ, и благости Божіей познанія (пол. X.); то видно, что отъ упованія не можно отдѣлить такого души состоянія, въ которомъ она волѣ Божіей подвергается, и съ терпѣніемъ и съ умѣренностію все сноситъ, что ей ни можетъ приключиться. Ибо если душа знаетъ, что безъ Божія промысла ничего въ свѣтѣ не бываетъ, если она разсматриваетъ, что всѣ человѣческія дѣла Божіею премудростію управляются, и такимъ образомъ все устроевается, что оно къ благополучію человѣческому клонится, то статься не можетъ, чтобъ она вышедъ изъ бури на тишину въ Божіей не успокоилася волѣ, и чтобы опредѣленію и власти Всевышняго не

отдалась

отдалась совершенно. Сей плодъ рачительно вызнаннаго провидѣнія Божія бываетъ чрезвычайно пріятенъ, и къ человѣческому благополучію преизобильно способствуетъ.

XII. И такъ ты видишь, что разумъ учитъ всякаго Божіей предаваться волѣ. Ибо учитъ онъ уповать только на единаго Бога (пол. X.); а отъ сего упованія то души состояніе, въ коемъ она Божіей препоручаетъ себя волѣ, отдѣлено быть не можетъ (пол. XI.)

XIII. Отсюда выходитъ новой родъ Богопочитанія въ *молитвахъ* состоящій. Ибо если кто знаетъ, что Богу злоключенія каждаго изъ насъ угнѣтающія свѣдомы, что онъ можетъ отъ нихъ его избавить, и что наконецъ желаетъ избавленія ему отъ вредныхъ вещей, и на такихъ размышленіяхъ, яко на подпорахъ нѣкіихъ основываясь уповаетъ, что Господь все къ его благосостоянію потребное ниспослетъ непремѣнно (пол. X.), то не можно сему статься, чтобъ человѣкъ внутреннимъ нѣкіимъ желаніемъ не былъ подвигнутъ получить себѣ Божественную помощь. Сіе души желаніе, коимъ она стремится къ Божеской помощи, называется *внутреннимъ Богопризываніемъ*. Изъ сего видно, что мы равнымъ образомъ какъ на Бога уповать обязаны, такъ и призывать его себѣ на помощь долженствуемъ.

Сіе внутреннее души призываніе изъ вышереченнаго необходимо слѣдующее, если рѣчами изустно произносимыми означается и изъясняется, *моленіемъ* или *молитвою* называется. О надобности и пользѣ молитвъ различныя и не безполезныя

мыя происходятъ разсужденія, кои всѣ здѣсь предлагать не нужно. И для сего нѣсколькія учинимъ примѣчанія.

1.) Въ разсужденіи Бога, внѣшнее призываніе или молитвы не нужныбъ казались, затѣмъ что Богъ испытующій сокровенность сердецъ человѣческихъ какъ бѣдствія насъ угнѣтающія, такъ и помощь намъ потребную весьма явственно усматриваетъ.

2.) Но какъ, по тѣснѣйшему тѣла съ душею сопряженію, усердному Божіей помощи желанію внутреннему спутствуютъ и глаголы внѣшніе, особливо если нѣтъ препятствія къ наружному оныхъ произношенію, то отъ сего происходитъ, что молитвы отъ бѣдствій чувствованія, и отъ усерднаго Божіей помощи желанія не безъ затрудненія отдѣляются. Это тогда наипаче бываетъ видно, когда въ наступающую ввергнувшись бѣду съ усердіемъ себѣ помощи желаемъ. Не противъ ли воли нашей тогда величайшимъ воплемъ желаніе Божіей помощи изъявляемъ?

3.) Если мы изустными рѣчами Божіей помощи желаніе изъявляемъ, то прочіе о нашемъ на Бога уповаціи извѣщаются, и ясно видятъ, что мы Бога за такого почитаемъ, каковымъ онъ подлинно есть, т. е. за милосерднѣйшаго, премудрѣйшаго и всемогущаго, а чрезъ сіе и они возбуждаются къ такому же Богопоклоненію, и слава Божія удивительнымъ образомъ разпространяется. Еще не ненужное къ вышереченному присовокупляю, а имянно, что внѣшнія молитвословія чувствамъ и воображенію возмущать мысли препятствуютъ.

Ибо

Ибо тогда, какъ мы рѣчи наши слышимъ, и вникаемъ въ оныя, дѣлается то, что о другихъ вещахъ, чувствамъ предлежащихъ, имѣемъ меньше *свѣдѣнія*, потому что отъ сильнаго чувствованія слабое померцаетъ и прогоняется (§. 185. пол. III. въ Мета.).

4.) Если молитвами любовь къ Богу отъ разсматриванія благодѣяній его возбужденную, или, что тоже значитъ, благодарное наше сердце засвидѣтельствуемъ, то молитвы таковыя называются *благодареніемъ*, которое отъ истиннаго Божіей благости познанія не болѣе можетъ быть отлучено, какъ удовольствіе души отъ чувствованія совершенствъ отдѣлено бываетъ.

ГЛАВА II.

О должностяхъ человѣка въ разсужденіи себя самаго.

§. 67.

Должности, коими человѣкъ обязанъ себѣ самому, лучше понять можемъ, если разсмотримъ его

1.) *Въ разсужденіи его души, или ума*;
2.) *Въ разсужденіи тѣла, и членовъ* опое составляющихъ;
3.) *Въ разсужденіи внѣшняго состоянія*, къ коему принадлежатъ *имѣніе, честь, и счастіе*.

§. 68.

§. 68.

И такъ должности человѣка въ разсужденіи его самаго раздѣляются трояким образомъ. Однѣ касаются до его *души*, другія до *тѣла*, третьи наконецъ до внѣшняго состоянія.

§. 69.

Понеже душа несравненно превосходнѣе тѣла, то отъ должностей къ душѣ принадлежащихъ и начинаемъ по справедливости. А какъ душа человѣческая снабдѣна могуществомъ знать и хотѣть, или, какъ говаривали древніе, разумомъ и волею (по основанію Психологіи), то отсюду двоякаго рода и должности выходятъ, изъ коихъ однѣ потребны разуму, а другія волѣ.

§. 70.

Прежде, нежели сіи роды должностей покажемъ, за нужное считаемъ предложить нѣкоторыя о должностяхъ человѣка въ разсужденіи его самаго положенія, которыя послужатъ къ удобнѣйшему разумѣнію всего того, что особенно или о просвѣщеніи ума, или о попеченіи тѣла, о храненіи чести, и о соблюденіи имѣнія говорить намъ будетъ надобно.

I. Всякъ, кто хочетъ соблюсти должности до себя самаго касающіяся, долженъ о томъ стараться, чтобы совершать себя день ото дня болѣе.

II. И для сего пусть онъ всѣ силы употребитъ къ тому, чтобъ и себя, и все свое

добро обстоятельнѣе вызнать. Ибо ежели онъ не будетъ извѣстенъ, коликаго попеченїя и удобренїя требуетъ отъ него и душа его и тѣло; какими умъ его снабдѣнъ силами, и чрезъ какїе способы тѣло и душа человѣческая могутъ въ лучшее состоянїе и въ совершенство приходить: то я не знаю, какъ онъ можетъ соблюдать свои должности.

III. Отмѣнной осторожности и прозорливости потребно, чтобъ должностей, кои должны быть совокупны, не раздѣлять одну отъ другой: чтобы т. е. или тѣлу работствуя о душѣ не имѣли небреженїя, или помышляя о душѣ единственно, не оставили вовсе о тѣлѣ попеченїе: или не были жадны къ чести и имѣнїю пренебрегая между тѣмъ здоровье тѣла, и ума удобренїе и совершенїе. Сказать не можно, сколь великой изъ несчастнаго сего должностей раздѣленїя вредъ происходитъ. Ибо ежели кто, такъ сказать на примѣръ, въ собранїи единственно богатства упражняется, а на то не взираетъ, какъ объ немъ всякой думаетъ, то не должно ли его почитать расдушнымъ? Если кто надъ книгами денноощно сохнетъ, чтобъ разумъ только просвѣтить, и многоразличною ученостїю блистаетъ предъ равными, а о сохраненїи здоровья своего ни мало не думалъ, то такова не самоубїйцею ли называть должно?

IV. Весьма часто случается, что когда всѣхъ должностей, къ наблюденїю коихъ естественнымъ закономъ обязываемся, исполнить не можемъ, для случающейся нѣкоторой сшибки и сраженїя. При такомъ случаѣ то предпочесть

почесть надобно другому, къ чему больше мы обязаны. О чемъ выше доказано въ главѣ о обязательствѣ.

Такимъ образомъ должности къ душѣ принадлежащія въ ошибкѣ должны предпочесться должностямъ до тѣла принадлежащимъ: а сіи послѣднія важнѣе быть долженствуютъ, нежели тѣ, кои обязаны мы исполнять въ разсужденіи имѣнія.

ГЛАВА III.

О должностяхъ въ разсужденіи души.

§. 71.

По предложеніи всего того, что вообще о должностяхъ касающихся до насъ самихъ сказать за нужное показалося, теперь покажемъ особенно, какія должности въ разсужденіи *ума* или *мысленнаго могущества* наблюдать надобно.

§. 72.

И такъ въ немногихъ положеніяхъ намѣренъ я заключить то, чемъ мы въ разсужденіи ума обязаны.

I. Когда естественной повелѣваетъ намъ законъ, чтобъ себя и свое состояніе дѣлали мы совершеннѣйшимъ (§. 32.), то слѣдуетъ сму и того требовать, чтобъ мы со всевозможнымъ стараніемъ исправляли и совершали мысленное свое могущество.

II. И такъ первой въ наблюденіи къ разуму принадлежащихъ должностей законъ да будетъ сей: *совершай мысленное могущество всѣми возможными способами.*

III. И такъ помышляй о пріобрѣтеніи яснаго вещей или истинъ познанія, и всякое невѣжество со тщаніемъ отгоняй отъ души твоей.

IV. Болѣе же всего почитай для себя за долгъ, чтобъ умъ явственнымъ о *добрѣ* и *худѣ* напаять познаніемъ. Ибо если сего познанія душа твоя лишена будетъ, то въ избраніи добра и въ избѣжаніи отъ худа не можетъ она не поползнуться, и не быть обманута. Когда темны и смѣшены бываютъ такимъ образомъ понятія о добрѣ и худости, то не можетъ статься, чтобъ съ прямаго къ истинному благополучію пути она не сбилася, и вмѣсто Юноны за облака не ухватилась.

Безконечное тѣхъ вещей есть множество, которыя знать можно. А силы разумѣнія, коими снабдѣна душа человѣческая, столь тѣсными ограничена предѣлами, что изъ толикаго различія и множества вещей, коихъ знаніемъ постигнуть можно, едва нѣсколькія постигаетъ человѣкъ, большая же часть познаваемыхъ истинъ весьма смятно и темно понимается. И такъ когда естественнымъ закономъ къ познанію истинъ всякъ обязывается, а всѣхъ оныхъ намъ познать не можно, то нуженъ бываетъ сей вопросъ: какія имянно правила при познаніи истинъ наблюдать должно? Мы достопамятнѣйшія изъ оныхъ здѣсь сокращенно предложимъ.

1) *Напряженное* или *основательное* истинъ познаніе всегда предпочитаться долженствуетъ

растяжен-

растяженному или пространному познанію, т. е. когда всѣхъ вещей познанія малыми, какъ чуствуемъ, нашими силами намъ приобрѣсть не можно, то не столько должно беспокоится о томъ, чтобъ перенять *многое*, сколько о томъ, чтобъ то, что перенимаемъ, *хорошо*, *яистинно*, и *основательно* знали. Ибо лучше знать не многое обстоятельно, нежели многое смятно и не порядочно.

2) Изъ многоразличныхъ вещей, кои перенимаемы быть могутъ, первѣе и паче всего всякому учиться долженъ, что всего нужнѣе. Ибо въ просвѣщеніи ума всегда *нужное* предпочитать надобно *полезному*. Н: п: если кто въ Академіи обучаться станетъ Богословіи, то слѣдуя разуму онъ паче всего о томъ стараться долженъ, чтобъ разумѣть С. писаніе на Еврейскомъ и Греческомъ языкахъ написанное, и чтобъ основательно знать главныя пункты Христіанской вѣры, и проч. Ибо сіе необходимо нужно Богослову. Но ежели тотъ же ученикъ захочетъ, чтобъ ему толкованы были правила гражданскаго права, или употребитъ много времени на изученіе врачебной науки, то онъ правда въ *полезныхъ* упражняется дѣлахъ, но которыхъ однакожъ *нужными* почесть для нево не можно.

3) Въ порядкѣ ученія *полезное* должно предпочитать *пріятному*, н: п: учащійся правамъ не сходно поступаетъ съ разумомъ, если на танцованіе, или на манѣжное искуство, или на полированіе стеколъ, или наконецъ на рисованіе употребитъ больше времени, нежели на изученіе Францускаго языка, или исторіи. Ибо онъ пріятное предпочитаетъ полезному.

Сказать почти не можно, сколь полезно къ истинному разума и сердца просвѣщенію держаться

сихъ правилъ, и поступать по онымъ. Премногїе въ Академїю такъ какъ бы для купли наукъ полезныхъ стекающїися сїи законы преступаютъ, и для сего они успѣхи въ ученїи своемъ весьма останавливаютъ. Многїе полезному, множайшїе прїятному, рѣдкїежъ самонужному учиться помышляютъ.

§. 73.

Что о способѣ совершать разумъ сказать бы слѣдовало, о томъ въ Этикѣ ниже сего пространнѣе предложено будетъ.

ГЛАВА IV.

О должностяхъ къ волѣ относящихся.

§. 74.

Должностьми къ волѣ относящимися называются тѣ дѣйствїя, къ коимъ человѣкъ въ разсужденїи собственной своей воли имѣетъ обязательство.

§. 75.

Главныя правила, кои при должностяхъ къ волѣ относящихся наблюдать должно, въ сихъ заключаются положенїяхъ.

I. Волю человѣческую всевозможнымъ образомъ совершать должно. Сїе предложенїе на общемъ ономъ естественнато права основанїи утверждается: *дѣлай то, что тебя и состоянїе твое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ* (§. 32.).

II. Понеже воля человѣческая тогда только

ко совершается, когда такъ управляется, и преклоняется, что всегда стремится къ тому, что прямо есть добро; то слѣдственно и стараться долженъ всякъ о томъ, чтобъ ее склонить къ желанїю истиннаго блата, и къ отвращенїю отъ истиннаго зла.

III. Воля такъ направляема быть долженствуетъ, чтобъ въ избранїи многихъ благъ того всегда желала, и предпочитала прочимъ, которое есть самое лучшее и превосходнѣйшее.

IV. Страсти или сильнѣйшїя духа возмущенїя со всевозможнымъ тщанїемъ обуздовать и укрощать должно, и дѣлать то, чтобъ повелѣвалъ разумъ, а похотѣнїе ему повиновалося. Страсти начало свое берутъ отъ смятныхъ добра и худа воображенїй (§. 232. въ Мета.). И такъ кто предводительству оныхъ слѣдуетъ, тотъ удобно видомъ правоты прельщается, и худое избираетъ вмѣсто добраго, и себя чрезъ то дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ: а это противно (§. 32.) Изъ чего явствуетъ, что страсти обуздавать должно.

§. 76.

О особливѣйшемъ способѣ, какъ волю исправлять и обуздывать страсти, сообщимъ мы въ наставленїяхъ Этики.

ГЛАВА V.

О должностяхъ къ тѣлу принадлежащихъ.

§. 77.

Чрезъ должности до тѣла касающїеся разумѣемъ

мѣемъ мы всѣ тѣ дѣйствія, къ предпринятію которыхъ въ разсужденіи тѣла нашего естественный законъ насъ обязываетъ.

§. 78.

Должности до тѣла принадлежащія весьма способно въ слѣдующихъ заключаются положеніяхъ.

I. Со всевозможною прилѣжностію жизнь твою храни, и уклоняйся отъ всего того, что вредно тебѣ покажется. Сей законъ столь глубоко въ душѣ человѣка всякаго, да и въ природѣ всѣхъ животныхъ впечатлѣнъ, что раченіе о сохраненіи жизни каждому изъ насъ съ животными есть общее. Къ сему еще и то присовокупить можно, что никто разума въ совершенство приводить, и воли исправлять не можетъ, (а къ обѣимъ симъ дѣламъ естественный законъ насъ обязуетъ); если жизнь не сохранится, и тѣло не будетъ имѣть своихъ силъ и крѣпости.

II. И такъ всѣхъ безразсудныхъ убѣгай опасностей. Я нарочно и съ намѣреніемъ придаю сіе слово *безрассудныхъ*. Ибо не всегда наше состояніе требуетъ, чтобъ мы избѣгали всѣхъ опасностей, которымъ часто жизнь подвергать должны или для защищенія нашего отечества, или для отогнанія наглаго нападчика, или для другихъ довольно пристойныхъ причинъ.

III. Изъ сего слѣдуетъ, что ничто такъ разуму, а слѣдственно и закону естественному не противно, какъ самоубійство, когда кто дѣлая себѣ насиліе предваряетъ свою судьбину, а не ожидаетъ оныя.

IV.

IV. Надобно стараться, чтоб ты был здоров, и чтоб не поврежденным и одинаким наслаждался тѣла благосостоянїем. Ибо закон естественный хранить жизнь повелѣвает (пол. 1), а сїе быть не может, если не будешь хранить здоровья. Естественный так же закон повелѣвает, раченїе имѣть о продолженїи и о умноженїи душевных и тѣлесных совершенств (§. 32). Совершенство же тѣла наиболѣе состоит в добром здравїи и бодрости. Ибо совершенство, в общем смыслѣ взятое, не в согласїи ли и сходственности вещей различных состоит? А здравїе тѣла есть такое его состоянїе, в коем всѣ члены к исполненїю должностей свыше им назначенных бывают между собою способны и согласны.

Из сего можно разумѣть, что такое есть *болѣзнь*. Когда члены тѣла в таком находятся состоянїи, что к исполненїю должностей своих не бывают способны, то такое состоянїе называется *болѣзнїю*. Описанїе здоровья и болѣзни сим изъясним примѣром: ежели н: п: желудок твой принятую пищу хорошо варит, если он в соки и в кровь ее обращает, то желудок твой здоров. Ибо все что находится в желудкѣ, к тому клонится, чтоб онаго варенїе исправно происходило. Если кто подагрою так болен, и к постелѣ привязан будет, что не возможет и за порог выйти, то такїя ноги в болѣзненном находятся состоянїи. Ибо все в ногах положѣнному от природы концу противится. Потому что их конец есть тот, чтоб помощїю их с мѣста на мѣсто могли мы двигаться.

V. Не только о томъ помышлять должно, чтобъ тѣло было и крѣпко и здорово, но чтобъ живностію и красотою нѣкоторою блистало. Ибо по гласу естественнаго закона столько должны мы приобрѣтать себѣ совершенствъ, сколько имѣть ихъ можемъ (§. 32). А когда тѣло бываетъ поворотливо и благолѣпно, то больше видно во ономъ совершенства, нежели когда бы оно крѣпко только было и здорово. И такъ кромѣ здоровья еще о живности тѣла и о благолѣпіи его помышлять тебѣ нужно.

VI. Понеже все вообще тѣло въ здоровьѣ хранить должно (пол. IV.) то слѣдуетъ и всѣ члены онаго беречь отъ поврежденія, и соблюдать въ цѣлости.

VII. Какъ законъ естественный всякаго обязуетъ соблюдать здоровье тѣла (пол. IV); такъ тотъ же самой законъ обязывать будетъ человѣка ко употребленію способовъ и вспоможеній, коими бодрость и силы въ тѣлѣ укрѣпляются.

VIII. Между средствами къ сохраненію въ здоровьѣ тѣла за первое надобно почесть *пищу* и *питье*, коими какъ будто подпорами нѣкіими вся тѣла связь подкрѣпляется.

IX. Естественнымъ убо закономъ обязуемся употреблять столько пищи и питья, сколько къ удовлетворенію естества требованіямъ, и ко укрѣпленію тѣлесныхъ силъ можетъ быть довольно.

X. А какъ многіе суть роды кушаній, изъ которыхъ иныя не только тѣла здоровью не полезны но и вредны еще, и его силы разслабляютъ:

слабляютъ: то смотрѣть надобно, чтобъ пищу и питїе для себя такїя только избирать, которые нашему здоровью служатъ, и отъ излишнихъ приправъ, которыя по большой части нѣкимъ видомъ прїятности обольщаютъ, убѣгать со тщанїемъ.

XI. Въ употребленїи пищи и питья смотрѣть наконецъ должно на обстоятельства внѣшняго нашего состоянїя, т. е. На достоинство и имѣнїе; которыя какъ бываютъ не одинаковы, то не одинакое и содержанїе имѣть надобно. Къ совершенству человѣческому все относить надобно (§. 32). Совершенство же человѣческое требуетъ согласїя и сходственности внутренняго и внѣшняго состоянїя, такъ же настоящаго, прошедшаго и будущаго. Таковоежъ согласїе мѣста имѣть не можетъ, когда пища и питїе не будутъ съ достаткомъ и съ достоинствомъ всякаго сходствовать. Почему не пристойнобъ было, еслибъ богатыя и знатныя особы простымъ и дешевымъ столомъ, какой обыкновенно бываетъ у бѣдныхъ и нискихъ людей, довольствоваться стали такъ, чтобъ жажду съ гладомъ утолить только помышляли, а о благопристойности очень мало попеченїя имѣли.

XII. Не только же пищу и питье ко укрѣпленїю здоровья относить должно, но поелику и одежда тѣло покрывающая, и покои нами обитаемые къ прогнанїю излишней стужи и холода, и къ отвращенїю ихъ отъ тѣлесныхъ членовъ много споспѣшествуютъ; то и явствуетъ, что всякому о томъ стараться надобно, чтобъ имѣть домъ и одѣянїе къ збереженїю

здоровья

здоровья способныя, и сходныя съ достоинствомъ и имѣнїемъ.

XIII. Сверьхъ сего въ сохраненїи здоровья принимать надобно въ разсужденїе и *сонъ* такъ, чтобы онъ былъ ни излишенъ, ниже недостаточенъ. Ибо какъ умѣренное сна и покоя употребленїе силы тѣлесныя возобновляетъ, такъ отъ излишества онаго великая раждается въ членахъ слабость и поврежденїе.

XIV. Поелику содержанїе къ сохраненїю тѣла и къ соблюденїю здоровья весьма много служитъ (пол. XI.), слѣдовательно всякъ долженъ предпринимать такїя дѣйствїя, какими можетъ себѣ спискать пропитанїе.

XV. Дѣйствїя къ пропитанїю намъ служащїя *трудомъ* называются.

XVI. Изъ чего видно, что всякъ къ трудамъ обязывается закономъ естественнымъ. Къ сему и то присовокупить должно, что тѣло чрезъ труды приводится въ движенїе, отъ котораго получаетъ оно твердость и силу. Если же тѣло безъ сего движенїя пребудетъ, и закосневать станетъ въ покоѣ, то не можетъ статься, чтобъ, по поврежденїи крови, и по разслабленїи тѣлесной крѣпости, вся питательная сила не испортилась; такъ точно, какъ случается съ водою, которая безъ движенїя гнїетъ только, и червьями наполняется.

Къ сему еще три вещи присовокупить должно: 1.) Видно изъ сего, что тотъ въ лѣности и праздности закоснѣваетъ, кто оставляетъ тѣ дѣйствїя, коими пропитанїе приобрѣтается. 2) Что о пищѣ и питьѣ мы упомянули, т. е. что надобно брать

въ

въ разсужденіе внѣшнее состояніе, имѣніе и достоинство, тожъ самое можно сказать и о трудѣ, которой такъ предпринимать должно, чтобъ благопристойность наблюдалась. 3) Въ трудѣ должно наблюдать умѣренность, дабы излишнимъ силъ напряженіемъ не истощить оныхъ.

XVII. Когда всѣ тѣла члены отъ насильственнаго поврежденія охранять должно (пол. VI.), то наипаче тѣ части тѣла, коими мы чувствуемъ, какъ то глаза, уши, носъ хранить, и въ лучшее приводить состояніе мы обязаны. Ибо сколько душа превосходнѣе есть тѣла, столько чувствъ орудія, кои удивительную пользу уму нашему подаютъ, превосходнѣе суть другихъ членовъ тѣло наше составляющихъ.

XVIII. Какъ жизнь и здравіе хранить надобно, такъ всѣхъ болѣзней, если можно, нужно беречься, и отдалять отъ себя оныя: ежелижъ онѣ вкрадутся въ тѣло, то силу ихъ полезными лѣкарствами уменьшать и сокрушать слѣдуетъ. Вотъ всѣ почти должности принадлежащія до тѣла. Что о умѣренности и трезвенности иные сочли бы здѣсь упомянуть за пристойное, то мы изъяснимъ ниже сего въ Этикѣ.

ГЛАВА VI.

О должностяхъ человѣка въ разсужденіи внѣшняго его состоянія.

§. 79.

Къ внѣшнему человѣка состоянію относимъ 1) *имѣніе*, 2) *чести*, 3) *счастіе*. Троякія

кїя отсюда происходятъ должности, кои человѣкъ наблюдать долженъ. Одни принадлежатъ до его имѣнїя, другїя до чести, а инныя наконецъ до счастїя. И такъ начнемъ отъ богатства или имѣнїя.

§. 80.

Все, что принадлежитъ къ питанїю и одѣянїю тѣла, все что требуется къ необходимостямъ, къ выгодамъ, и прїятностямъ жизни, все, говорю, сїе кратко называется *имѣнїемъ* или *богатствомъ*. И по сему имѣнїе не что есть иное, какъ приборъ всѣхъ тѣхъ вещей, въ коихъ человѣкъ имѣетъ надобность къ провожденїю жизни, къ благопристойности и увеселенїю.

§. 81.

Изъ сего описанїя явствуетъ, что трояк аго рода есть имѣнїе. Одно принадлежитъ къ исполненїю настоящихъ нуждъ въ жизни, и къ провожденїю житїя; другое же имѣнїе на тотъ конецъ собирается, чтобъ употреблять оное на будущїя нужды. Иное наконецъ имѣнїе служитъ къ увеселенїю, выгодамъ, и къ благопристойности.

§. 82.

По надлежащемъ сихъ понятїй объясненїи удобно уже разумѣть можно будетъ положенїя, по которымъ всякъ свои дѣйствїя, въ разсужденїи домашняго порядка и имѣнїя располагать и управлять долженствуетъ.

I.

I. Къ снисканію имѣнія и къ соблюденію снисканнаго имѣемъ мы обязанность. Ибо когда жизнь нашу хранить долженствуемъ (§. 78 пол. 1); то и о вещахъ къ провожденію житія потребныхъ имѣть попеченіе намъ слѣдуетъ. А какъ вещи тѣ называются имѣніемъ (§. 80); то къ снисканію и збереженію онаго имѣемъ мы обязанность.

II. Понеже во всѣхъ человѣческихъ состояніяхъ искать надобно согласія, которое отъ человѣческаго совершенства отдѣлено быть не можетъ (§. 32.); то не только о такомъ имѣніи помышлять должно, которое принадлежитъ до повседневнаго употребленія, но о выгодѣ и о благопристойности должно старатся.

III. Какъ различныя имѣнія, по статьямъ своимъ расписанныя, различную доставляютъ намъ пользу, иныя большую, другіяжъ меньшую; такъ и въ приобрѣтеніи оныхъ различно мы поступать должны.

IV. Самую большую часть нашихъ попеченій требуетъ нужда настоящая и вседневное пропитаніе. Ибо всего прежде, о чемъ никто не сумнѣвается, о продолженіи жизни, нежели о выгодахъ ея и о благопристойности старатся надобно.

V. Ежели ты столько нажилъ имѣнія, сколько къ нужному пропитанію, и къ утоленію вседневнаго голода и жажды потребно, то помышляй уже и о будущихъ жизни твоей надобностяхъ, и до сего не допускай, чтобъ по истощеніи всего принужденъ ты былъ истаевать голодомъ.

VI. Наконецъ если ты и настоящимъ и будущимъ удовлетворилъ надобностямъ, тогда уже и о томъ помышляй, чтобъ тебѣ жить выгодно и благопристойно.

§. 83.

Ежели кто больше досталъ себѣ имѣнія, нежели сколько онаго къ удовлетворенію нуждамъ житейскимъ, и для благопристойности потребно, то оное уже называется *богатствомъ*, или *изобиліемъ*. Ежели же имѣніе такое будетъ, что его на вседневное пропитаніе, такъ же на будущія въ жизни нужды, и на благопристойности только лишъ достанетъ, то такое имущество *достаткомъ* называется. Ежели наконецъ у кого столько сыщется стяжанія, что оно къ пропитанію только вседневному будетъ довольно, то оное *посредственнымъ* можно назвать *достаткомъ*. А если не найдется и того, что на настоящія въ жизни надобности требуется, то сіе называется *скудостію* или *недостаткомъ*.

§. 84.

Изъ вышереченнаго видѣть можно:

I. Что не должно тотчасъ называть того скуднымъ, кто не богатъ, ниже того почитать богатымъ, кто только что нескуденъ.

II. Изъ тогожъ еще разумѣется, что имѣнія не для его собственно, но для нуждъ, и для выгодъ житейскихъ желать надобно. Ибо тѣ вещи, въ которыхъ мы имѣемъ надобность

ность къ провожденію жизни, и къ благопристойности, суть необходимо для насъ нужны.

III. Поелику трудъ есть главное къ снисканію пропитанія средство (§. 78 пол. XV), то къ приобрѣтенію имѣнія пищу намъ доставляющаго трудъ потребенъ бываетъ. И такъ когда къ снисканію имѣнія мы имѣемъ обязанность (§. 82 пол. I); то явствуетъ, что и трудиться мы обязаны равнымъ образомъ.

§. 85.

Во внѣшнемъ нашемъ состояніи и *честь* вмѣщается. А *честь* не иное что есть, какъ другихъ людей о совершенствахъ нашихъ разсужденіе.

Н. п. Если Тицій думаетъ, и почитаетъ, что Кай и въ ученіи и въ добродѣтели есть отмѣнной человѣкъ, то Каію честь приписывается, а Тицій разсуждающій о Каіевой добродѣтели и объ искусствѣ, почитаетъ Каія.

§. 86.

Изъ опредѣленія чести сіи происходятъ положенія:

I. Честь, яко на основаніи, утверждается на совершенствахъ нашихъ.

II. Понеже всѣ совершенства, о которыхъ другіе судятъ, суть или истинныя, или мнимыя (§. 221. въ Мета.), то всякая честь или есть истинная или мнимая. Первая утверждается на истинныхъ, другая же на мнимыхъ совершенствахъ; та состоитъ въ истин-

 номъ

номъ и основательномъ о нашихъ совершенствахъ разсужденіи; а сія не направомъ и погрѣшительномъ.

III. Истинная честь ни отъ кого намъ приписана быть не можетъ, кромѣ того, кто довольно знаетъ наши совершенства. Ибо кто и какъ о совершенствахъ нашихъ можетъ разсуждать, если они ему несвѣдомы.

IV. Чего ради приписуемую намъ отъ честныхъ и благоразумныхъ людей честь гораздо выше должны почитать, нежели происходящую отъ подлыхъ и невѣждъ.

V. Честь не столько въ нашихъ рукахъ состоитъ, чтобъ мы отъ другихъ могли насильно ее исторгнуть. Ибо кто мыслями другихъ такъ повелѣваетъ, чтобъ тѣхъ, отъ коихъ хочетъ себѣ чести, принудить могъ думать о немъ хорошо и почтительно?

VI. Почему древніе справедливо говорятъ: что честь есть почитающаго а не почитаемаго.

VII. Хотя и неможно принудить внѣшнею силою другихъ къ изъявленію намъ чести (пол. V.), однако жить добродѣтельно, и наши совершенства явно извѣщать, и глазамъ другихъ представлять можемъ.

VIII. Не всякія совершенства честь намъ доставляютъ, но только тѣ, кои собственно суть наши, т. е. нашими силами, нашимъ трудомъ и тщаніемъ приобрѣтаются.

Почему знатность породы и слава предковъ сама по себѣ не дѣлаетъ намъ чести, но та только знатность уваженіе заслуживаетъ, которая приобрѣтена нашею добродѣтелію и отмѣнными заслугами.

IX.

IX. Дабы можно было знать, какїе люди достойны чести, или о чьихъ имянно добродѣтеляхъ мыслить надобно съ почтенїемъ, то вошло въ обыкновенїе, внутреннее мысли разсужденїе о совершенствахъ другихъ изъявлять чрезъ нѣкоторые знаки; и наружное сїе честей означенїе нѣкоторые называютъ *одобренїемъ.*

Сюда принадлежатъ титлы или тѣ слова, коими изъявляемъ, что мы хорошо и почтительно о комъ нибудь мыслимъ. Сюда относятся привѣтствїя, поздравительныя рѣчи и рукоплесканїя, и еще то, что мы передъ особами, коихъ судимъ достопочтенными, привстаемъ, уступаемъ имъ мѣсто, и прочая.

X. Чести противополагается *безчестїе*, которое не что иное есть, какъ разсужденїе другихъ о несовершенствахъ нашихъ, или о худыхъ дѣлахъ.

Естьли кто сообщенныя нами теперь о чести несумнѣнныя положенїя довольно выразумѣлъ, то увидитъ удобно, что намъ въ безчестїе поставляется, и что нѣтъ. 1) *Ничто намъ безчестїя нанесть не можетъ, кромѣ тѣхъ несовершенствъ, коихъ сами мы виновники.* Н. п. сїи пороки, невѣжество, отъ коего уклоняться намъ и можно было и должно, похотливость, также болѣзни, и утрата имѣнїя отъ похотливости и расточенїя происходящїе. 2) *И такъ что не нашею сдѣлалося виною, и чего избѣгнуть намъ было не можно, то намъ не бываетъ безчестїемъ.* Н. п. безобразїе, низкое и подлое происхожденїе, нищета, и прочая.

XI. Когда безчестїе изъясняемъ мы чрезъ реченїя, дѣла, и тѣлодвиженїя, тогда оно называется *порицанїемъ* или *посрамленїемъ.*

XII. Изъ всего етого видно, что къ исканїю честей, такъ какъ къ избѣжанїю бесчестїя всякъ обязанъ. Ибо когда всякой возможнымъ долженъ образомъ снискивать совершенства, и добродѣтели послѣдовать, напротивъ же пороковъ, и всего того, что бесчестно, убѣгать (§. 32.), то слѣдуетъ, что и чести искать, и удаляться отъ бесчестїя всякъ обязанъ. Потому что основанїе чести есть добродѣтель (пол. I.), отъ которой честь такъ какъ тѣнь отъ тѣла отдѣлена быть не можетъ.

Ежели честолюбїе въ сихъ предѣлахъ будетъ содержаться, то оно не только непорочно, но еще и похвально быть должно, да и отъ самаго Павла къ Филип. въ Гл. IV. похваляется. Ибо не хотѣть искать чести, значитъ отвергать добродѣтель, и пренебрегать славныя и достопамятныя дѣла.

§. 87.

То, что нами сказано о чести и бесчестїи, имѣетъ нѣкую смѣжность съ тѣмъ, что теперь сказать и о *похвалѣ* слѣдуетъ. Мы говоримъ о себѣ, что мы *хвалимъ* когонибудь, ежели его совершенства исчисляемъ. И *похвала* не иное что есть, какъ совершенствъ другаго исчисленїе. Такъ, если ты скажешъ, что Евгенїй полководецъ храброй, благоразумной, умѣренной, и счастливой, то ты выхваляешь Евгенїя за тѣмъ, что исчисляешь его добродѣтели и совершенства.

§. 88.

§. 88.

А когда несовершенства другаго исчисляешъ, то ты его порочишъ, или охуждаешъ. Ибо *охужденіе* есть исчисленіе несовершенствъ другаго. Естьли ты пороки другому приписываешъ, коимъ онъ неподверженъ, и несовершенства его исчисляешъ, коихъ онъ не имѣетъ, то значитъ, что ты его *оклеветываешъ*.

Н. п. Ежели ты порокъ пьянства приписываешъ Каію, и въ беззаконіи безбожія, коего онъ чуждъ, обвиняешъ, то Каія ты оклеветываешъ.

§. 89.

О хвалѣ, о охужденіи, о клеветѣ слѣдующія примѣчай положенія:

I. Когда мы кому совершенства, дѣйствительно въ немъ сущія, словесно причитаемъ, или писменно, тогда *истинная* бываетъ *хвала*, а когда ково тѣми, коихъ въ немъ не находится, украшаемъ совершенствами, тогда *хвала* бываетъ *ложная*, и ни на какомъ основаніи неутвержденная.

II. Отъ того, кто принимается чтонибудь хвалить, то наипаче требуется, чтобы добродѣтели и совершенства той вещи, въ выхваленіи коей онъ упражняется, знать совершенно. Ибо какимъ образомъ кто совершенства и доброты вещи вычислять будетъ, о которыхъ онъ ни какова не имѣетъ свѣденія? Какъ это можетъ статься, чтобъ неискусные въ дѣлахъ, и незнающіе цѣнить вещи, похваляли по достоинству то, что хвалятъ?

 Ибо

Ибо какъ таковые люди по невѣжеству своему, или то, что видъ только добродѣтели имѣетъ, за сущую считаютъ добродѣтель, или совершенства, въ какой нибудь вещи усматриваемыя, цѣнить не могутъ столько, сколько бы долженствовали: то и не можно сумнѣваться, чтобъ хвала ихъ часто не была пустою, ложною, и весьма смѣшною.

III. Почему разумнѣйшіе люди отъ невѣждъ приносимую имъ хвалу высоко не ставятъ, и смѣются тѣмъ, кои видя себя чрезвычайно похваляемыхъ отъ глупцовъ и неразсудныхъ людей, мечтаютъ о себѣ, что они всего того на свѣтѣ стоятъ.

IV. Можно по сему судить, для чего всякъ возможнымъ образомъ стремится къ приобрѣтенію себѣ похвалы. Ибо когда совершенства чувствованіе производитъ въ насъ удовольствіе, то не можетъ статься, чтобъ, при упоминаніи нашихъ совершенствъ, не ощущали мы въ себѣ оныхъ, то явствуетъ, что всякая похвала, чрезъ которую обыкновенно воспоминаются намъ совершенства наши, пріятнѣйшимъ насъ наполняетъ чувствіемъ. А всего того, что намъ пріятно, и нашу услаждаетъ мысль, обыкновенно мы желаемъ (§. 230. въ Мета.).

Чего для и неудивительно, что всякъ, тѣмъ сильнѣе къ похвалѣ устремляется, чемъ больше оная имѣетъ для него пріятности.

V. Изъ всего вышереченнаго можно разумѣть, имѣемъ ли мы обязательство желать себѣ похвалы. Ежели въ сихъ словахъ содер-

жится

жится та сила, что должны мы нагло отъ другихъ доставать ее, и требовать, чтобъ они насъ и наши добродѣтели хвалили, то признаюсь, что никто, развѣ кто самъ никакой похвалы не достоинъ, сего малодушнаго и непомѣрнаго похвалы желанія одобрить не можетъ. Но ежели чрезъ желаніе похвалы будешъ разумѣть стремленіе къ добродѣтели и просвѣщенію, то уже, если похвалы желаніе опорочишъ, самую добродѣтель источникъ истинной похвалы, и о ней раченіе порочить станешъ.

VI. Ежели стрѣлы оклеветанія отъ недоброжелателей на насъ испущенныя мы почуствуемъ, то должны мы 1) невинность нашу возможнымъ образомъ вывесть наружу, 2) самою паче вещію и дѣяніями нашими нежели словами клеветы изпровергать. Сего требуетъ отъ насъ раченіе о сохраненіи чести, къ чему мы обязаны естественнымъ закономъ. Ибо если мы искать чести, а безчестія удаляться обязанность имѣемъ, (§. 87. пол. XII.), то имѣемъ долгъ отвращаться и того, что въ другихъ о нашихъ добродѣтеляхъ умаляетъ мнѣніе. А понеже клеветы и наговоры, наипачежъ если онѣ произошли отъ особъ великоименитыхъ, и въ особой важности находящихся, великую имѣютъ силу къ умаленію въ другихъ мнѣнія о нашихъ добродѣтеляхъ, а посему и къ уничтоженію нашей чести (§. 88), то явствуетъ, что всякъ долженъ опровергать оклеветанія, и какъ гнусность такъ и несправедливость ихъ дѣлами и словами доказывать.

Если клеветы отъ подлыхъ, порочныхъ, развращенныхъ, и обезславленныхъ людей на насъ проистекаютъ, то лучше молчанїемъ вооружаться, нежели употреблять тщетной трудъ на отраженїе такихъ выдумокъ.

§. 90.

Уже мы дошли до *счастїя*, о которомъ мы выше сказали, что оно для темноты и невѣдѣнїя сокровенныхъ причинъ, много не предвидѣнныхъ и не ожидаемыхъ дѣлъ намъ причиняетъ. Ибо *счастїе* не иное что есть. какъ стеченїе и сплетенїе причинъ не предвидѣнныхъ тѣмъ, до кого онѣ касаются. Сїе *счастїе*, чрезъ которое совершается наше состоянїе, *благопрїятствующимъ* называется; а то, кое совершенствамъ и намѣренїямъ нашимъ дѣлаетъ препятствїе, *злымъ* или *противнымъ* имянуется.

§. 91.

Изъ сихъ опредѣленїй слѣдующїя происходятъ положенїя.

I, Какъ счастїе не въ нашей состоитъ власти (§. 90); то непристойно, при его къ намъ неблагосклонности, излишне сокрушаться, и приходить въ отчаянїе.

II. Хотя же благопрїятствующее счастїе насъ и совершаетъ (§. 90), однако совершенства, или дары счастїя не суть наше собственное добро: не нашимъ т. е. старанїямъ и трудамъ должны быть приписываемы. А какъ къ тому, что для насъ честно и похвально быть можетъ, потребны совершенства наши,

нашимъ

нашимъ т. е. пріобрѣтенныя тщаніемъ (§. 86 пол. VIII), то ясно, что дары счастія сами по себѣ къ чести нашей и къ похвалѣ ни мало не способствуютъ. И по сей причинѣ, во время счастія нашего, и цвѣтущаго дѣлъ состоянія, должны мы рачительно избѣгать гордости, высокоумія, и презрѣнія къ другимъ.

ГЛАВА VII.

О должностяхъ въ разсужденіи другихъ вообще.

§. 92.

Всякаго человѣка счастіе такъ тѣснымъ сопряжено союзомъ съ благосостояніемъ другихъ, что ежели не будутъ тѣ безвредны, кои одною жизнію, и однимъ воздухомъ съ тобою наслаждаются, то уже себя и свое состояніе совершать, и дѣла свои успѣшно отправлять не можешь. И потому надобно, чтобъ въ твореніи и въ приниманіи благодѣяній, чего кто самъ собою сдѣлать не можетъ, то заимствовалъ отъ другаго, и взаимно ему отслужить старался.

§. 93.

Отсюда взаимныя происходятъ должности, коими человѣкъ человѣку обязанъ, и которыя одинъ въ разсужденіи другова исполнять будетъ, если разумомъ управляемъ быть

не отречется, и по предписанїю естественнаго закона располагать свои дѣйствїя пожелаетъ.

§. 94.

Ежели о должностяхъ къ другимъ мыслить правильно желаешъ, то слѣдующїя примѣчай положенїя.

I. Должности къ другимъ вообще разумѣваемыя суть такїя дѣйствїя, къ коихъ предпринимaнїю, въ разсужденїи другихъ людей, отъ естественнаго мы обязаны закона.

II. Должности къ другимъ весьма способно на три статьи раздѣляются, такъ же почти, какъ и всякаго человѣка должности къ самому себѣ мы раздѣлили: Однѣ до души, другїя до тѣла, иныя наконецъ до совершенїя внѣшняго состоянїя и имѣнїя другихъ принадлежатъ.

III. А что всякъ должностями обязанъ другому, по силѣ естественнаго закона, то сїе различно доказать можно. Во первыхъ естественный законъ о всякихъ намъ совершенствахъ пещись повелѣваетъ (§. 32); а какъ прїумножать свои совершенства никто не можетъ, если онъ притомъ не будетъ о пользѣ другихъ стараться (§. 93); то мы долгъ имѣемъ помышлять о счастїи и благосостоянїи ближнихъ. По томъ, когда мы совершенства другихъ умножаемъ, то въ нихъ совершенства чувствїе или *удовольствїе* возбуждаемъ (§. 219. въ Мета.), отъ чего въ нихъ любовь къ намъ возгорѣться долженствуетъ (§. 238. въ Мета.). И послику съ любовїю всегда соединено бываетъ

усердїе

усердїе прїумножать счастїе того, кого мы любимъ (§. 239. въ Мета.), то слѣдуетъ, что оказанїемъ услугъ другимъ возбуждаемъ ихъ споспѣшествовать нашимъ совершенствамъ, и умножать наше благополучїе. И такъ когда мы естественнымъ обязаны закономъ изыскивать рачительно все то, что къ утвержденїю нашихъ совершенствъ и благополучїя принадлежитъ (§. 32.), то изъ сегожъ самаго понимать можно, что мы должны другимъ оказывать свои услуги.

IV. И такъ главное, и всѣ прочїя въ себѣ заключающее, при наблюденїи должностей къ другимъ, правило есть сїе: *внѣшнее и внутреннее другихъ состоянїе наиприлѣжнѣйшимъ совершай образомъ.*

Однако сїе предложенїе прошу принять съ нѣкоторымъ ограничиванїемъ. 1) Если мы не въ силахъ совершать другихъ, и имъ помогать; то не имѣемъ обязанности совершать ихъ состоянїе. 2) Ежели должности къ себѣ самому съ должностями до другихъ принадлежащими будутъ несовмѣстны такъ, что твое и другихъ совершенство вмѣстѣ получено быть не можетъ, то надобно тогда бываетъ, какъ обыкновенно въ сшибкѣ должностей случается, чтобъ ты большее совершенство предпочелъ меньшему, т. е. чтобъ о своемъ благосостоянїи больше помышлялъ, нежели о счастїи другова. 3) Естьли другой требуетъ отъ тебя такой услуги, которую онъ самъ себѣ оказать въ состоянїи, и можетъ самъ въ себѣ найти довольно помощи, то уже ты помогать ему не обязанъ.

V. Другихъ любить должно. Ибо когда естественнымъ ты обязанъ закономъ совершать

шать другихъ (§. 92.), то и надлежитъ, чтобъ ты изъ совершенствъ другихъ получалъ удовольствіе. Ибо какъ ты будешъ совершать другихъ, если не будешъ исполненъ чувствованіемъ совершать, или услажденіемъ отъ совершенствъ другаго происходящимъ. А какъ сіе значитъ любить другихъ (§. 238. въ Мета.), то и ясно, что другихъ любить надобно.

Любовь наиболѣе споспѣшествуетъ къ оказанію взаимныхъ услугъ, и къ утвержденію благосклонностей: безъ ней не можетъ быть никакая должность, и весь общежитія союзъ разорвется непремѣнно. Та самая любовь, коею другимъ ты обязанъ, должна соразмѣряться любви тебя самаго, по которой такъ, какъ бы по правилу нѣкоему, надлежитъ разсматривать любовь къ ближнимъ. Ибо когда другой, коего ты любить долженъ, есть такой же человѣкъ какъ и ты, когда онъ изъ такой же души и тѣла какъ и ты искусно составленъ, когда такою же жизнію и дыханіемъ наслаждается, и такимъ же питается воздухомъ, какъ и ты, то не понимаю я, для чего бы ему не требовать отъ тебя такой же, какую ты къ себѣ являешъ, любви, такого же усердія.

VI. Изъ сего видно, что нашъ долгъ есть, умы другихъ, сколько намъ возможно, напоевать истиннымъ добра и зла познаніемъ, приобучать ко всякой должности въ общежитіи, и къ вѣжливому обращенію, разсыпать мракъ ихъ заблужденій, отвлекши отъ лестныхъ пороковъ поставлять на путь добродѣтели, напослѣдокъ ничего того не упущать, что принадлежитъ или къ изощренію или къ совершенію силъ ихъ ума, или къ исправленію ихъ воли и нравовъ.

VII. Что касается до тѣла ближнихъ, то не дѣлай никому наглостей, не оскверняй рукъ твоихъ чужою кровїю, не вреди ничьего здоровья, не уменьшай бодрости и силъ тѣлесныхъ, или безразсуднымъ кого нибудь раздраженїемъ, или подольщая его къ дѣламъ любовнымъ и пьянству, или повреждая члены, или другимъ какимъ нибудь образомъ.

VIII. Споспѣшествуй славѣ и чести другихъ, и не дѣлай ничего того, что къ помраченїю или уменьшенїю похвалъ ихъ клонится.

XI. Наконецъ и того беречься надобно, чтобъ другихъ имѣнїю или богатству не причинять ущерба, но наипаче хранить, и разумножать оное долженствуемъ.

X. Все по сихъ поръ предложенное научаетъ насъ, что ничьего состоянїя несовершеннѣйшимъ дѣлать, и *никово*, ктобъ такой онъ ни былъ, *оскорблять не должно*. Ибо мы тогда другаго *оскорбляемъ*, когда его состоянїе несовершеннѣйшимъ дѣлаемъ; а то зло, которое выходитъ изъ оскорбленїя, *вредомъ* называется.

XI. И такъ вреда наносить никому ненадобно. Ибо если никово, какъ бы то ни было, оскорблять ненадлежитъ (пол. X.), то никому и вреда дѣлать ненадобно, которой отъ оскорбленїя отдѣленъ быть не можетъ (по опред.).

XII. А если кому мы вредъ сдѣлаемъ, то за оной заплатить должны. Ибо положи, что ты за вредъ отъ тебя другому причиненной не платишъ, то другой остается съ оскорбленїемъ, которое не уничтожается (пол. X.): а

какъ

какъ никого оскорблять не должно (пол. X.), то явствуетъ, что за вредъ другому тобою причиненной заплатить непремѣнно надобно, дабы чрезъ то удалено было оскорбленіе.

Есть нѣкоторыя предосторожности при вознагражденіи за вредъ нужныя, изъ которыхъ одну только представить за пристойное почитаю. Если кто за причиненной тебѣ нечаянно вредъ заплатить долженъ, за которой онъ вознаградить тебя или не можетъ, или когда вознаградитъ, учинится весьма несчастнымъ, и крайнѣ разорится; то въ семъ случаѣ поступишъ ты весьма неправедно, ежели къ платежу принуждать его станешъ. Тебѣ паче пристойно было, или никакого за вредъ не требовать вознагражденія, или довольствоваться нѣкоторою, а не полною уплатою.

XIII. Мы къ тому обязаны, чтобъ пріятелями всѣмъ быть, а никому недругами. Ибо, когда имѣемъ обязанность любить другихъ, (пол. IV.), а любящій другова есть ему *пріятель* (по опр.), то слѣдуетъ, что мы должны быть пріятелями всѣмъ, а никому непріятелями. Ибо мы тогда бываемъ *недруги* другимъ, когда ихъ ненавидимъ.

ГЛАВА VIII.

О должностяхъ къ друзьямъ и къ недругамъ.

§. 95.

Всѣ должности къ друзьямъ въ сихъ заключены быть могутъ правилахъ.

I. Друзей любить должно. Ибо когда всѣхъ безъ изключенія любить надобно (§. 94. пол. IV.), то и безъ моего представленія тебѣ понятно, что любви нашей наиболѣе тѣ достойны, кои насъ любятъ. А какъ любящіе насъ суть друзья наши (по опр.), то друзей предъ всѣми и любить намъ надобно.

II. Надобно оберегаться, чтобъ на друзей, когда неумышленно тебя имъ оскорбить случится, жестоко гнѣвомъ не распаляться, и не превращать любовь въ ненависть. Ибо не должно думать, чтобъ другъ, если иногда онъ оскорбитъ насъ, нарочно сто сдѣлалъ и съ умыслу. Ибо когда другъ нашъ есть тотъ, кто насъ любитъ, и радуется о благополучіи нашемъ (§. 238. въ Мет.), то и вѣрить не можно, чтобъ захотѣлъ онъ съ умысла предпринять то, что можетъ нарушить нашъ покой, и намъ сдѣлать озлобленіе.

Почему злонравно и несправедливо тѣ съ своими друзьями поступаютъ, кои ихъ слова и дѣла съ излишнею тонкостію разбираютъ, и все до послѣдней малости вѣсятъ. Для продолженія дружбы нѣтъ ничего негоднѣе, какъ такіе люди.

III. Все, что друга твоего духъ, или тѣло, или имѣніе и честь повредить можетъ, старайся удалить такъ, чтобъ ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ твоихъ оно не видно было. Сего требуетъ какъ естественный законъ (§. 32.), такъ и особливая та любовь, которой другъ тебя любящій по своему нѣкоему праву отъ тебя взыскивать можетъ.

IV. Не оскорбляй своего и недруга. Ибо онъ насъ ненавидитъ; а потому и наше сча-

стїе или явно, или тайно, и чрезъ подыскиванїе нѣкоторое испровергнуть силится (§. 240. въ Мета.). И такъ если его оскорбляешъ, и несовершеннѣйшимъ дѣлаешъ его состоянїе, то сво къ тебѣ ненависть тѣмъ болѣе усиливается и разгарается, а тѣмъ паче устремится сдѣлать тебя несчастнымъ, и зло за зло воздать. Симъ образомъ ты самъ свое разрушаешъ благополучїе, и недругу своему какъ будто подаешъ оружїе, которымъ бы онъ большее дѣлалъ тебѣ пораженїе. Сколь ето противно естественному закону, явственно самъ ты видишь.

V. Да и ненавидѣть недруговъ не должно. Ибо если будешъ ненавидѣть недруговъ, то возимѣешъ и желанїе изпровергать ихъ благополучїе, и дѣлать ихъ состоянїе несовершеннѣйшимъ (§. 240 въ Мета.). Чрезъ что ты оскорбляешъ недруга (§. 94.). а какъ недруговъ оскорблять ненадобно (пол. IV), то слѣдуетъ, что ненадлежитъ ихъ и ненавидѣть.

VI. Недруговъ надобно прощать. Ибо ежели ненавидѣть ихъ запрещается (пол V), то и все то надобно удалить отъ сердца, что казаться можетъ поводомъ къ ненависти, и питать оную. И потому обиду отъ недруга тебѣ нанесенную предать забвенїю, и думать такъ, что какъ будтобъ она до тебя не касалась. Когда сїе дѣлается нами, то значитъ, что мы *недругопъ* нашихъ *прощаемъ*. И такъ явствуетъ, что прощать ихъ надобно: т. е. думать такъ объ нихъ, что какъ будто бы они насъ ничемъ не обидили.

VII. По истребленїи такимъ образомъ

обиды

обиды, яко причины ненависти, недруга твоего вЪ числѢ прочихЪ людей поставлять будешЪ. И для сего ему тѢжЪ должности, какія и прочимЪ людямЪ, имѢешЪ долгЪ оказывать.

VIII. И такЪ когда всѢхЪ людей любить должно (§. 94 пол. V), то ты не можешЪ отказать недругу вЪ своей любви, коею другимЪ ты обязанЪ.

IX. НедруговЪ, когда они нагло устремляются на насЪ и на жизнь нашу, лютость и стремленіе удерживать и сокрушать должно, дабы не повредили насЪ и счастья нашего не разрушили. Ибо если всякЪ со всевозможнымЪ стараніемЪ и ревностію о своемЪ благосостояніи промышлять, и какЪ здоровье такЪ и имѢніе свое вЪ безопасность приводить долженЪ (§. 32.), то ясно, что всякой обязанЪ и кЪ тому, чтобЪ, когда почувствуетЪ злоумышленіе отЪ непріятелей на жизнь свою, естьли увидитЪ наступающую отЪ врага на свое имѢніе и честь опасность, всѢ принималЪ мѢры кЪ сохраненію своея жизни, и такія употреблялЪ средства, коими бы наглость непріятелей удержать, стрѢлы ихЪ отразить, и угрожаемый отЪ нихЪ вредЪ отвратить былЪ вЪ состояніи.

X. Однако при удержаніи непріятельскихЪ на насЪ стремленій, и при отвращеніи обидЪ, одна осторожность сія нужна необходимо, что бы т. е. ни намЪ, ни самому врагу нашему вЪ случаѢ такомЪ вредны мы не оказались. Надлежит смотрѢть, чтобЪ и благополучіе наше невредимо сохранилось, и *врагъ нашъ или самомалѣйшій или никакова отъ насъ вреда не претерпѣлъ.*

При укрощеніи врага, и при отраженіи чинимыхъ намъ оскорбленій сіи совѣты здравой подаетъ намъ разумъ: 1) Отвѣдать увѣщавать и уговаривать прежде, нежели къ жестокимъ приступать средствамъ, отражать опасность. 2) Ежели слова и увѣщанія будутъ безуспѣшны, тогда уже жизнь защищать отъ непріятельской наглости какъ возможно будетъ.

XI. Отсюду выходитъ умѣренность *невиннаго охраненія или обороны*; которая не иное что есть, какъ защищеніе тѣла и жизни отъ наглаго нападчика.

XII. Естественный убо законъ повелѣваетъ употреблять умѣренность невинной обороны, и силу отражать силой, если жизнь опасности подвергается. Ибо когда законъ естественный для сохраненія здоровья своего и жизни велитъ отражать нападки непріятельскія (§. 95. пол. IX.), то тѣмъ же естественнымъ закономъ мы обязаны и силу отражать силой, и жизнь нашу отъ злодѣйской защищать наглости, и слѣдовательно пользоваться невинной обороны правомъ.

Сіежъ самое такимъ образомъ показать можно. Представь себѣ н: п: что ты, когда злодѣй на жизнь твою мечемъ вооружится, и тѣло твое стрѣлою уязвить захочетъ, представь, говорю я, что ты согласуешся на отнятіе у тебя жизни, которую могъ ты сохранить чрезъ защищеніе; то не самоубійцаль ты будешъ въ семъ случаѣ? Не пренебрегаешъ ли ты сей знаменитый залогъ, для сохраненія тебѣ свыше препорученный? Не уничтожаешъ ли естественнаго онаго къ сохраненію жизни побужденія, которое Творецъ въ душѣ твоей не безъ премудрѣйшей причины глубоко вкоренилъ?

Изрядно о семъ разсуждаетъ Цицеронъ: ,,Сей ,,законъ, говоритъ онъ, ,,есть не писменный, но ,,врожденный, которой мы не чрезъ наставленіе, ,,наслышку, или чтеніе переняли, но изъ самаго ,,естества взяли, почерпнули, извлекли; и къ ко-,,торому мы не приучиваны, но съ нимъ сотворе-,,ны, не наставлены, но по природѣ привязаны, ,,чтобъ, когда жизнь наша какому нибудь злоумы-,,шленію, наглости, оружію разбойниковъ или не-,,пріятелей подвержена будетъ, мы считали за ,,честный всякой способъ, которой служить мо-,,жетъ къ сохраненію нашего здравія. За Мил. Гл. 4.

Новѣйшіе Философы о умѣренности невинной обороны различно разсуждали, изъ коихъ всякой по своему сіе право естественное опредѣляетъ. Нѣсколькія здѣсь осторожности предписать за не безполезно почитаю. 1) Умѣренность невинной обороны мѣста не имѣетъ, какъ только *въ естественномъ состояніи*, въ коемъ нѣтъ вышняго властелина, къ которому бы можно было прибѣгнуть для своего сохраненія. 2) Тогда она имѣетъ свое мѣсто, когда жизнь твоя насилію подвергается. 3) Когда ни бѣгствомъ уже спастися не можно, ни человѣка такого не случится, которой бы тебя отъ опасности избавилъ. 4) Въ умѣренности невинной обороны отъ тихихъ защищать жизнь способовъ къ жестокимъ иногда приступишъ вспоможеніямъ; когда н: п: однимъ ударомъ можешъ наглость отразить разбойника, то уже ненадобно доходить до убійства: но если нападеніе ево ничемъ укрощено быть не можетъ, то въ такомъ случаѣ пусть лучше погибнетъ разбойникъ, нежели ты.

ГЛАВА IX.

О должности человѣка въ разсужденіи владѣнія или стяжанія.

§. 96.

Родъ человѣческій никогда не былъ столь счастливъ, чтобъ одни другихъ любили искренно, и чтобъ слѣдовательно о благосостояніи другъ друга такъ какъ о своемъ собственномъ помышляли. Чего для не можетъ и статься, чтобъ одна и таже вещь могла быть дана многимъ или всѣмъ для употребленія. Сильнѣйшіе бы все къ себѣ захватили: нерадивые трудами рачительнѣйшихъ собранное въ праздности истощали бы и лѣности, и непомѣрное бы во всѣхъ дѣлахъ вышло замѣшательство и разстройка.

§. 97.

Естьлибъ многіе или всѣ видимыми на землѣ вещьми и имѣніемъ могли пользоваться такъ, чтобъ ни тотъ ни другой не былъ удаляемъ отъ употребленія вещей, къ выгодамъ и къ увеселенію жизни потребныхъ, то сіе многихъ или всѣхъ, право употреблять одну и туюжъ вещь для собственной пользы, называется *общеніемъ*. Но если кто какою нибудь вещію такъ пользуется, что прочіе до стяжанія и до употребленія оной недопускаются, то сіе называемъ *владѣніемъ* или *стяжаніемъ*.

И тотъ, кто какою либо вещїю такъ владѣетъ, что отъ соучастїя въ ней прочихъ удалить можетъ, называется вещи той *хозяиномъ*.

Н. п. Ежели кто высокой цѣны книгою владѣетъ, и такъ еще, что другой, ктобъ таковъ ни былъ, отъ употребленїя той книги изключается, то тотъ есть книги той *хозяинъ*.

§. 98.

Что о владѣнїи или общенїи достойно примѣчанїя, то въ сихъ заключимъ положенїяхъ.

I. Въ наши вѣки статься не можетъ, чтобъ общенїе имѣнїй мѣсто имѣло. Ибо изъ общества человѣческаго изгнана уже вся любовь, вся искренность, безъ которой не можетъ быть и общенїе (§. 96). Хотя не споримъ, что съ начала мїра, когда немногїе еще люди землю населяли, и довольной былъ достатокъ всѣхъ вещей къ пользѣ человѣческой и къ выгодамъ жизни принадлежащихъ, могло быть все у всѣхъ общее. Сїе дѣлъ состоянїе всегда бы продолжилося, еслибъ человѣческой родъ въ тѣхъ же содержалъ себя границахъ, въ каковыхъ онъ съ начала находился, еслибъ не разширился столько, какъ нынѣ, и не разплодился почти безмѣрно.

II. Однако общенїе въ такихъ вещахъ, коихъ безчисленное есть множество, и кои человѣческимъ трудомъ и раченїемъ прїобрѣтаемы быть не должны, еще мѣсто имѣетъ, н. п. въ водѣ, въ воздухѣ, въ солнцѣ; и по нѣкоторымъ свѣта странамъ въ такихъ звѣ-

рях, и птицах, коих безмерное есть множество.

III. И так древний тот обычай иметь все общее, принуждены были наконец люди оставить, и ввести владение, так что всякому свое имение, яко собственное, отделено было.

IV. Первое правило, которое при должностях до хозяйства касающихся наблюдатся долженствует, в сем содержится положении: *Всякому должно поздапать, ему собстценно принадлежащее.*

V. Никово в ево хозяйстве не должно безпокоить без причины. Ибо когда никово оскорблять не должно, (§. 94 пол. X.), а те оскорбляются весма много, коих в хозяйстве безпокоим, то явствует, что никово в его хозяйстве безпокоить не надобно.

VI. Из вышереченнаго видно, что от всякаго воровства воздерживаться надобно. Ибо как чрез воровство у других против воли и без сведения отьемлется то, что им собственно принадлежит, то следует, что чрез хищение делается им в хозяйстве безпокойствие. А как никово в ево хозяйстве не должно безпокоить (пол. V.), то от воровства всевозможным образом воздерживаться надобно.

VII. От грабежей и разбоев равномерно воздерживаться надобно. Ибо когда чрез грабежи, которыми у кого нибудь хотя с ведением его, на против воли отьемлем то, что собственно к нему принадлежит, несказанно его в стяжании безпокоим; то явствует, что грабежей чинить не надобно.

VIII.

VIII. Тожъ самое можно сказать и о *обманахъ*, которыми ближніе въ хозяйствѣ обезпокоиваются. Ибо *обманъ* не иное что есть, какъ такое дѣйствіе, коимъ у другихъ, хотя свѣдущихъ, но ложными причинами къ согласію склоненныхъ отъемлемъ вещи ихъ.

IX. Какъ другихъ въ ихъ хозяйствѣ не должно безпокоить, такъ весьма и того остерегаться надобно, чтобъ мы собственныхъ нашихъ вещей не употребляли безъ разбору и безъ разсужденія, но сходственно съ должностями нашими, и благопристойно пользовалися оными. А хорошо со стяжаніемъ поступаемъ тогда, когда оное, яко способъ нѣкоторой, употребляемъ къ тому, чтобъ подкрѣпить какъ наше такъ и другихъ благосостояніе. Естьли же тѣ вещи, коими владѣемъ, такъ употреблять станемъ, что ихъ обратимъ къ нашему или къ другихъ вреду, то въ семъ случаѣ говорится объ насъ, что мы на зло употребляемъ оные.

§. 99.

Слѣдуетъ о способахъ, какъ пріобрѣтается стяжаніе въ естественномъ состояніи, поговорить немного.

Главные же изъ оныхъ суть слѣдующіе. 1) Вещи, кои или ничьими или брошенными почитаются, къ себѣ мы *присвоемъ*. 2) Потерянныя вещи, если по случаю оныя *находимъ*, къ своимъ собственнымъ причисляемъ.

Однако здѣсь примѣчать надобно, что находимыя вещи должны быть *ничьи*, и отъ хозяина за пометныя или брошенныя почитаемы. Почему всѣ

 тѣ,

тѣ, кои случай имѣютъ находить что либо, должны прежде искать настоящаго тому хозяина, и не прежде пользоваться онымъ, какъ тогда уже, когда по многомъ изысканіи не можно сыскать найденной вещи хозяина.

§. 100.

О пріобрѣтеніи стяжанія сіи примѣчать должно положенія.

I. Ежели то, что другой оставилъ, и что за ничье признается, себѣ присвояешъ, то смотри, чтобъ присвоенное тебѣ полезно было.

II. Если ты пріобрѣлъ себѣ имѣніе, то о умноженіи и о приращеніи его помышляй, но такъ, чтобъ съ убыткомъ другаго разбогатѣть ты не тщился.

III. Стяжаніе свое такъ хранить долженъ, чтобъ всѣмъ тебя дерзновенно и нагло безпокоющимъ воономъ сопротивлялся съ возможнымъ духа и тѣла усиліемъ, и чтобъ все кажущееся вреднымъ отвратить.

Однакожъ мы не хотимъ, чтобъ правило сіе такъ далеко простиралось, чтобы тѣхъ, кои добро наше у насъ нагло похищаютъ, или ущербъ оному дѣлаютъ, жизни лишить за дозволенное почитали.

§. 101.

Поелику не всѣ имѣніемъ пользуются одинакимъ, одинъ вещьми до житейскихъ нуждъ и выгодностей принадлежащими изобилуетъ, а другой во многомъ терпитъ недостатокъ: то явствуетъ,

явствуетъ, что если благосостоянїю человѣческаго рода пособить надобно, какъ и въ самомъ дѣлѣ надобно, то требуется, чтобъ одинъ другому часто удѣлялъ отъ своего, и чтобъ чрезъ взаимное сообщенїе стяжанїй человѣческое общество сохранялось. Изъ чего видно, что *уступка* между людьми потребна, которая въ томъ состоитъ, когда мы свое стяжанїе другимъ отдаемъ, и уступаемъ имъ право владѣть, и въ свою обращать пользу, что къ намъ принадлежало.

§. 102.

Собственности наши двоякимъ образомъ другимъ уступаемъ: 1) *дарениемъ*, 2) *обмѣненїемъ*.

§. 103.

Даримъ что нибудь другому, когда ему наше стяжанїе даромъ, безденежно, и безъ всякой его услуги уступаемъ.

§. 104.

О даренїи слѣдующїя разсмотрѣть просимъ положенїя.

I. Подарокъ есть изъ числа такихъ вещей, коихъ другой, кому дарятъ, ни по какому праву себѣ требовать не можетъ, а потому и дарить никто прямо не обязанъ и непринужденъ.

Однако сїе разумѣть прошу слѣдующимъ образомъ. Если кто изобилуетъ въ такихъ вещахъ, въ

 которыхъ

которыхъ другой къ подкрѣпленїю своего благосостоянїя нужду имѣетъ, то въ такомъ случаѣ разсмотрѣвъ по надлежащему всѣ обстоятельства лицъ, или вещей, поймешъ, что долженъ онъ слѣдовать законамъ честности и разума, и удобно примѣтитъ, должно ли дарить когонибудь, и притомъ сколько.

II. Когда кто видитъ, что онъ больше сдѣлаетъ добра, если отъ имѣнїя своего бѣднымъ удѣлитъ сколько нибудь, нежели бы учинить могъ тогда, какъ бы онъ у себя удержалъ ту часть богатства, коей самъ онъ употреблять не можетъ; тогда уже онъ другихъ дарить обязанность имѣетъ.

III. Что бѣднымъ, и ничего неимущимъ, на пропитанїе вседневное, и на исправленїе нуждъ житейскихъ подаемъ, то называется *милостынею*. Что мы къ подаянїю ея обязаны, о семъ тѣмъ меньше можемъ сомнѣваться, чемъ прилѣжнѣе въ томъ трудиться должны, чтобъ бѣдныхъ благосостоянїю споспѣшествовать по возможности.

§. 105.

Другой способъ сообщать стяжанїе кому нибудь называется мѣною: а она въ томъ состоитъ, чтобъ потребныя къ сохраненїю жизни, тѣла, здоровья и имѣнїя нашего вещи мы отъ другихъ заимствовали, и чтобъ взаимно давали имъ то, что они сочтутъ для себя за полезное.

§. 106.

Какъ не всѣ въ нашихъ вещахъ и имѣнїи

нужду

нужду имѣющїе столько недостаточны, что бы тѣмъ, кои имъ даютъ что, ничего они воздать со своей стороны не могли; то и видно, что сїи тѣмъ болѣе къ платежу за взятое обязаны, чемъ болѣе всѣ помышлять должны о цѣлости чужаго имѣнїя.

§. 107.

О обмѣненїи слѣдующїя положенїя достойны примѣчанїя.

I. Дабы въ обмѣненїи стяжанїй меньше было обмана, то вещамъ надобно извѣстную поставить цѣну, или произвольную мѣру, по которой уступаемыя одному отъ другаго вещи разсматриваемы быть долженствуютъ.

Н. п. ежели мнѣ надобна какая книга, то для удовлетворенїя моей надобности книгопродавецъ ту книгу, коею владѣетъ онъ яко своею, мнѣ уступаетъ съ тѣмъ, чтобъ я по волѣ своей употреблялъ оную. Но какъ онъ, и съ какимъ условїемъ ее уступаетъ? я сего отъ книгопродавца не могу требовать ни по какому праву, чтобъ онъ дозволилъ ею даромъ пользоваться, съ понесенїемъ убытка въ имѣнїи своемъ. И такъ чтобъ онъ ни какого для меня не понесъ убытка, надобно для вознагражденїя ущербу, или другое что нибудь мое отдать, или, что безопаснѣе и безобманчивѣе, заплатить извѣстную сумму денегъ за книгу.

II. Въ обмѣнѣ вещей равенство и вознагражденїе праведное долженствуетъ наблюдаться. Иначежъ не можетъ статься, чтобъ или тотъ, или другой изъ дѣлающихъ обмѣну безъ убытка обошолся. А какъ сїе естественному

ному противно закону (§. 94. пол. X.), то ясно усматривается, что равенство и надлежащее вознагражденіе въ обмѣнѣ вещей должны имѣть мѣсто.

III. Тожъ самое можно сказать о работахъ и трудахъ, кои бѣдные люди и неимущіе въ пользу и для надобности богатыхъ предпринимаютъ.

IV. Трудамъ и работамъ опредѣленную должно положить плату. Плата есть цѣна трудовъ. Отнимя плату: то бѣдной недаромъ ли на богатаго работать станетъ? и симъ образомъ состояніе того, кто дневными трудами сыскиваетъ себѣ пропитаніе, не дѣлается ли хуждшимъ, когда цѣна трудовъ его отнимается, которая бы могла доставить ему пропитаніе.

Етожъ самое такъ показать еще можно: 1) Кто на другихъ трудится и работаетъ, то онъ для того только сіе дѣлаетъ, чтобъ чрезъ труды свои пріобрѣсть себѣ столько, сколько нужно къ повседневному его пропитанію и къ выгодамъ жизни: 2) И такъ если у трудящагося удержишь мзду, то лишишъ его пропитанія, и положенное за основаніе въ должностяхъ до стяжанія касающихся правило сіе нарушишъ: *Всякому должно поздапать то, что къ нему принадлежитъ.*

§. 108.

Когда наше вмѣніе передаемъ другому съ тѣмъ, чтобъ онъ опредѣленное число денегъ за принятіе отъ насъ намъ заплатилъ, то говорится тогда, что мы *продаемъ* наше стяжаніе:

нїе: а кто по заплатѣ денегъ прїемлетъ стяжанїе, о томъ говорится, что *покупаетъ* оное.

Дабы лучше сïе разумѣть, вникни въ слѣдующее. Когда родъ человѣческой отъ малыхъ началъ до того разпространился, что земля во всей своей обширности людьми нынѣ наполнилась; то и обмѣна вещей сдѣлалась уже не способна къ исправленїю нуждъ и дѣлъ каждаго, какъ для того, что многїе не имѣютъ чемъ бы дѣлать обмѣну, такъ и для того, что обычай обмѣнивать вещи не могъ пробыть безъ обмановъ. Почему предки наши старались о изобрѣтенїи такой вещи, котораябъ была мѣрою общей цѣны всѣхъ вещей. Къ установленїюжъ сей мѣры избрали они металлы, наипачеже золото съ серебромъ, и наименовали *деньгами*, которыя по надлежащему назвать можно общею мѣрою цѣны всѣхъ вещей.

О деньгахъ примѣчай слѣдующее. 1) Никакая матерїя къ составленїю денегъ способнѣе быть не могла, какъ золото и серебро. Понеже сїи металлы суть какъ рѣдки, и посему драгоцѣнны, такъ тверды и для сего не скоро повредиться могутъ. 2) Потребны нѣкоторые знаки, по которымъ бы разпознавать можно было деньги настоящїя и истинныя отъ подделанныхъ. Сїя частица металла извѣстными замѣченная знаками *монетою* называется.

ГЛАВА

ГЛАВА X.

О должностяхъ людей въ рѣчахъ ихъ, въ договорахъ, и въ контрактахъ.

§. 109.

Двѣ суть вещи, кои въ сей главѣ изъяснить должно; одна касается до должностей въ рѣчахъ, другаяжъ принадлежать будетъ до того, что въ договорахъ и контрактахъ наблюдать намъ разумъ повелѣваетъ.

§. 110.

Кто иное говоритъ, а иное мыслитъ, тотъ *ложъ* высказываетъ. Ибо *ложъ* есть рѣчь съ мыслїю несогласная. А сїя самая рѣчь съ мыслїю не сходственная, если она ко вреду нашему или другихъ клонится, *обманомъ* называется.

§. 111.

Изъ сихъ описанїй слѣдующїя выводимъ положенїя.

I. *Лжи* съ обманомъ смѣшивать не должно. Ибо къ обману не только сїе требуется, чтобъ рѣчь съ мыслїю не сходствовала, но еще и то, чтобъ или говорящему или слушающему вредъ наносила, а ложь невсегда вредительна бываетъ (§. 110).

II. Ето иногда можетъ статься, да и бываетъ часто, что ложь не только ни какого вреда не дѣлаетъ, но еще и къ совершенству

состоянія нашего или другихъ весьма много способствуетъ.

III. И такъ бываетъ иногда время, въ которое ложь и позволительна, и естественнымъ повелѣвается закономъ. Ибо естественный законъ повелѣваетъ, чтобъ какъ наше такъ и другихъ совершенство мы умножали (§. 32.). А какъ ето и быть можетъ, и бываетъ часто чрезъ лжей употребленіе (пол. II.), то явствуетъ, что иногда естественнымъ закономъ къ употребленію лжи обязуемся.

IV. Ето уже никогда статься не можетъ, чтобы обманъ къ лучшему намъ или другихъ людей состоянію способствовалъ, за тѣмъ что всегда онъ соединенъ бываетъ со вредомъ нашимъ, или другихъ людей (§. 110). И потому никогда мы обмана употреблять не должны, но всегда убѣгать отъ него обязуемся. Ибо ни кому причинять вреда мы не должны (§. 94 пол. X).

V. Изъ сего видно, что не всегда тотъ сходственно съ разумомъ и съ естественнымъ поступаетъ закономъ, кто вездѣ говоритъ правду. Ибо можетъ иногда ктонибудь высказыванiемъ истины и себя и другихъ въ плачевнѣйшую низвергнуть пагубу. Н. п. всѣ измѣнники отечества говорятъ правду, но не ввергаютъ ли они тѣмъ отечество, и всѣхъ гражданъ въ величайшія бѣдствія?

VI. Почему надобно иногда бываетъ правду въ молчаніи содержать, и тѣмъ самимъ, съ коими дѣло у насъ случается, бываетъ нужно, чтобъ ни правда ни ложь говорена имъ не была.

Ето мы лучше тогда понимаемъ, какъ въ жизни и въ дѣлахъ нашихъ иногда выходятъ такіе случаи, о коихъ не инако, какъ только по свойству времени, мѣста, лица, и другихъ вещей сюда принадлежащихъ рѣшеніе и судъ положить можно.

VII. Во всѣхъ рѣчахъ опасаться надобно, чтобъ на подобіе старухъ не высказать такихъ дѣлъ, коихъ утаеніе другому желательно бываетъ, и чтобъ чрезъ неразсудную болтливость не принесть вреда его чести.

VIII. И чтобъ все сказать вкратцѣ: *всегда и вездѣ такъ говорить должно, чтобъ мы себѣ самимъ и другимъ не вредъ но пользу приносили.*

§. 112.

Когда хотимъ, чтобъ нашимъ рѣчамъ другіе вѣрили, и что бы о правотѣ нашей и о стараніи говорить правду не сомнѣвалися, то мы обыкновенно употребляемъ нѣкія присловія, или изреченія называемыя *увѣреніями* или *убѣжденіями.*

Н. п. Такъ бы меня Богъ любилъ! Такъ бы мнѣ жить! Такой бы мнѣ успѣхъ имѣть!

§. 113.

О такихъ увѣреніяхъ сіи помни правила.

I. Часто ихъ и въ случаяхъ неважныхъ употреблять ненадобно. Ибо чемъ они чаще употребляются, тѣмъ паче теряютъ свою цѣну, и потому лишаются той силы, которую бы имѣть они долженствовали, въ приданіи нашимъ рѣчамъ уваженія.

Благоразумные люди давно опытомъ дознали, что, чемъ чаще прибѣгаетъ кто къ такимъ увѣреніямъ, тѣмъ бываетъ по большой части легкомысленнѣе, и къ обману другихъ способнѣе.

II. Пока легкія увѣренія довольны бываютъ къ приданію рѣчамъ нашимъ вѣрности; пота не надобны бываютъ сильнѣйшія, кои честной человѣкъ, безъ крайней нужды, не употребляетъ, когда то есть или честь защитить свою, или избавить отъ бѣды другаго надобно.

§. 114.

Тѣ увѣренія, коими Богъ яко свидѣтель или мститель призывается, называемъ обыкновенно *клятвою* или *присягою*, которую Цицеронъ благочестивымъ называетъ утвержденіемъ. О долж. Кн. III. Гл. 29.

Н. п. Когда скажешъ, такъ да будетъ мнѣ помощникъ Богъ, какъ я то или другое видѣлъ, или сдѣлалъ, или приказалъ и прочая.

§. 115.

Изъ описанія клятвы видно.

I. Какія нужны суть осторожности при употребленіи увѣреній, такіяжъ точно въ клятвахъ или присягахъ наблюдать должно (§. 113).

II. Изъ сего такъ же видно, что никто, кромѣ вѣрующаго бытію Божію, присягать не можетъ.

III. Присяга тогда въ смѣхъ обращается, когда къ ней приводить или безбожника, или

 Епику-

Епикурова послѣдователя, о коихъ извѣстно, что они не признаютъ Божїя о дѣлахъ человѣческихъ промысла, и не вѣрятъ, что Богъ за добродѣтели награжденїе, а за пороки наказанїе полагаетъ.

IV. Какъ честной человѣкъ не клянется, развѣ только убѣжденъ будучи крайнею нуждою (§. 113); такъ никто и присягать не долженъ, развѣ только по необходимости, тогда то есть, когда или присягающему, или другимъ, или государству сїе полезно бываетъ, чтобъ истинну прямо вывесть наружу.

V. Присягу съ вѣрою всякаго сообразовать должно. Ибо если она иначе дѣлается, то присягающїй ни какимъ мстительнаго правосудїя страхомъ отъ зла удержанъ, или правду говорить, добро дѣлать, и слово данное хранить побужденъ не будетъ.

Справедливо Гейнекцїй говоритъ, „что и имени присяги не заслуживаетъ увѣренїе чрезъ такїя „вещи, къ которымъ мысль ни какого почтенїя и „благоговѣнїя въ себѣ не ощущаетъ„. Кн. 1. §. 207. о правѣ естества. Онъ же справедливо представляетъ, что обыкновенїя и обряды присягающихъ по своей вѣрѣ не должны клониться къ безчестїю истиннаго Бога, коего мы чтимъ, да и всѣ съ глубочайшимъ благоговѣнїемъ почитать должны.

VI. Никто не долженъ клятвою обязываться къ дѣламъ нечестнымъ, и по закону запрещеннымъ. Ибо самъ Богъ отъ всего того намъ отвращаться заповѣдуетъ. И такъ что можетъ быть нечестивѣе какъ обязывать себя присягою къ творенїю дѣлъ такихъ?

VII. Во всякой клятвѣ кривыхъ толкованїй,

ній, и мысленныхъ, какъ называются, увёр-токъ избѣгать надобно. Ибо когда сіи мысленныя увёртки, съ которыми присяжныя реченія въ другомъ, нежели какого присяга требуетъ, смыслѣ произносятся, къ тому клонятся, чтобъ силу присяги учинить недѣйствительною, то явствуетъ, что подъ прикрытіемъ сихъ мысленныхъ изключеній злонравіе свое утаить желающіе шутятъ въ важномъ дѣлѣ, и испытателю сердечныхъ таинъ достодолжнаго не воздаютъ почтенія, и его не таковымъ, каковъ онъ самъ въ себѣ есть, признаютъ божествомъ. А все сіе выше въ §. 65 нами сказанному противно.

VIII. Наипаче опасаться должно, чтобъ не нарушать клятвы. Ибо клятвопреступленіе есть клятва для подтвержденія обману данная. А какъ обманывать не должно, (§. III. пол. IV.), то кольми меньше должествуемъ призывать мстительное Божіе правосудіе для утвержденія обмана. Это, по моему мнѣнію, есть одно изъ самыхъ Богу ненавистныхъ, и славу его помрачающихъ дѣлъ, когда кто дерзко и съ умыслу его мщеніе и правосудіе на себя навлекаетъ.

IX. Если кто клятву далъ приступить къ дѣлу непотребному, и закономъ запрещенному; то онъ къ исполненію такой клятвы не имѣетъ обязательства. Ибо къ тому, что противно закону, никто обязанъ не бываетъ.

§. 116.

Проклятія или *заклинанія* не что иное

суть,

суть, какъ такая рѣчь, коею объявляемъ, что мы зла другому желаемъ.

§. 117.

Всякой знаетъ, что проклятїя закону естественному и разуму совсемъ противны. Ибо когда мы естественнымъ обязаны закономъ, любить другихъ, и имъ всякаго желать добра (§. 94. пол. IV); то явствуетъ, что всѣ слова, всѣ рѣчи, которыми означаемъ, что мы другимъ зла желаемъ, закону естественному противны.

§. 118.

По сихъ мѣстъ говорили мы о должностяхъ въ рѣчахъ; а теперь разсуждать будемъ о *договорахъ*. Силу и свойство сихъ договоровъ разумѣть не можно, если прежде надлежащимъ образомъ не изъяснимъ, что такое есть *обѣщанїе*.

§. 119.

И такъ *обѣщанїе* не иное что есть, какъ такая рѣчь, коею утверждаемъ, что мы въ удовольствїе другихъ хотимъ нѣчто сдѣлать, или оставить.

§. 120.

Изъ сего описанїя слѣдующїя составляются положенїя.

I. Человѣкъ человѣку ничего обѣщать не долженствуетъ, какъ только то, что сходствуетъ съ естественнымъ закономъ. Представь.

ставь себѣ, что обѣщаетъ кто нибудь другому противное закону, то обѣщающій тогда говоритъ, что онъ хочетъ сдѣлать нѣчто закону противное. А какъ мы все то дѣлать обязаны, что сообразно съ закономъ, а избѣгать отъ всего того, что съ онымъ не сходствуетъ закономъ (§. 32.), то ясно, что никто тово обѣщать другому не долженъ, что закону противно.

II. И потому всѣ тѣ обѣщанія, коими мы что ни будь противное закону обѣщали, суть тщетны, и не достойны исполненія

III. Изъ чего слѣдуетъ, что всѣ обѣщанія должны быть таковы, чтобъ не были противны должностямъ, или до насъ самихъ, или до Бога, или до другихъ касающимся, но былибъ паче сходственны съ закономъ. Если обѣщанія таковы будутъ, то нельзя сумнѣваться, что исполнять ихъ надобно. Ибо ты къ тому обязанъ, что законъ предписываетъ (§. 32), а потому обязанъ и обѣщанія хранить, въ коихъ положилъ ты сдѣлать что-нибудь согласное съ закономъ. И я не понимаю, какимъ образомъ не исполнивъ обѣщанія можешъ ты обьявленъ быть невиннымъ въ намѣреніи ково нибудь обидѣть. Ибо ближній оскорбляется многоразлично, коему ты обѣщалъ что ни будь да не сдѣлалъ. А какъ оскорблять никово не надобно, то и въ обѣщаніяхъ стоять всякъ долженствуетъ.

IV. Ничего невозможнаго, и силы наши превышающаго, обѣщать не надобно: а когда что обѣщано такое, то исполнять оное нѣтъ обязанности. Ты насмѣхаешся тому, кому

обѣщаешъ невозможное. Ибо ты говоришъ, что сдѣлаешь то, чего ни своими ни чужими силами учинить не можно. А сто что иное значитъ, какъ говорить, что ты обѣщаннаго не сдѣлаешъ? А какъ къ невозможному нѣтъ никакаго обязательства (§. 20. пол. VII); то ясно, что къ исполненію невозможныхъ обѣщаній нѣтъ такъ же обязательства.

§. 121.

Теперь можно разумѣть, что такое есть *договоръ*. Договоры суть взаимныя обѣщанія о исполненіи того, что учинить слѣдуетъ.

§. 122.

И такъ тѣ положенія, которыя мы представили о обѣщаніяхъ, могутъ намъ служить и въ разсужденіи договоровъ.

I. Договоръ дѣлать ни о чемъ не должно, какъ только о томъ, что закону не противно, и таковые договоры всѣ хранить надобно (§. 110. пол. I).

II. Тѣ договоры, въ коихъ не позволительныя и закону противныя вещи комунибудь мы обѣщали, не дѣйствительны бываютъ, и обязывать не могутъ (§. 110. пол. II.). Тожъ самое можно сказать и о тѣхъ договорахъ, коими что ни будь невозможное обѣщали (§. 110. пол. IV.).

III. Договоры взаимнымъ совершаются согласіемъ. Ибо и та и другая изъ договаривающихся сторона обѣщаетъ нѣчто, и одинъ

другому

другому словесно объявляетъ, что онъ въ пользу его такое то дѣло сдѣлаетъ, или нѣтъ (§. 119.), къ чему требуется взаимное согласїе.

IV. Сїе согласїе престаетъ быть согласїемъ, когда кто или угрозами, или насилїемъ, или хитростью принуждается къ договору. Ибо кто страхомъ или обманомъ къ совершенїю договора побуждается, тотъ хотя словесно и изъявляетъ, что онъ хочетъ для другаго что ни будь сдѣлать, но внутренно отъ того отрицается. И по сему договоръ таковый взаимнаго согласїя не имѣетъ.

V. И такъ договоръ, на которой кто посредствомъ страха или хитрости согласился, хранить не слѣдуетъ. По тому что такова рода договоръ договоромъ почитаемъ быть ни какъ не можетъ (пол. I. IV.).

VI. Какъ договоры взаимнымъ совершаются согласїемъ (пол. III), такъ взаимнымъ же согласїемъ разрушены быть могутъ; ежели только изъ того, что разрушится договоръ, не выйдетъ ничего закону естественному противнаго. Ибо если обѣ договаривающїяся стороны и безъ договора обязаны хранить то, о чемъ договоръ у нихъ положенъ, то отъ онаго долгу отстать не могутъ, хотя бы и хотѣлось имъ обѣимъ тотъ договоръ уничтожить.

VII. Договоръ о уступленїи другимъ своего имѣнїя называется Контрактомъ.

VIII. По чему какъ покупка такъ и продажа принадлежатъ къ Контрактамъ (§. 108.).

IX. Какъ никово обижать (§. 94. пол. IX.), и въ убытокъ приводить не должно (§. 94.

 пол.

пол. XI.), то ни купецъ продавцу, ни продавецъ купцу ущерба дѣлать не должны.

Правило сїе, сказанное вообще, заключаетъ въ себѣ всѣ частныя, кои какъ въ покупкѣ такъ и въ продажѣ наблюдать должно.

X. На взаимномъ согласїи, такъ какъ бы на основанїи, всѣ утверждаются Контракты: которыя посредствомъ взаимнаго же согласїя могутъ быть и оставлены и уничтожены. Ибо какъ договоръ общимъ совершается согласїемъ (пол. III.); такъ и уничтожается по взаимному же согласїю (пол. VI.).

§. 123.

Когда другимъ употребленїе вещей нашихъ и имѣнїя уступаемъ, да еще и *безденежно*, тогда наше стяжанїе даемъ имъ *займообразно*, и прїемлющїй отъ насъ что ни будь займообразно, *въ долгъ*, какъ говорится, или на подержанїе у насъ беретъ.

§. 124.

Изъ сего описанїя слѣдующїя выходятъ положенїя.

I. Въ долгъ давать другому свои вещи никто не принужденъ, никто не обязанъ. Ибо никто не долженъ тратить свое имѣнїе съ тѣмъ только, чтобъ сдѣлать приращенїе имѣнїю другаго, за тѣмъ что совершенства нашего собственнаго состоянїя должны быть для насъ дороже, нежели совершенства другихъ.

II. А какъ статься можетъ, что ближ-

нїй къ совершенству своего благосостоянїя надобность имѣетъ въ тѣхъ вещахъ, которыми я избыточенъ, тогда благосклонность и любовь, готовая всегда видѣть ближняго въ лучшемъ состоянїи, совѣтъ мнѣ подаютъ уступить употребленїе моего имѣнїя другому безденежно, только на время а не вовсе.

III. Тотъ, кто взялъ что ни будь въ долгъ, обязанъ возвратить ссуженную вещь хозяину ея въ срочное время, притомъ въ цѣлости, и безъ поврежденїя. Ибо если онъ не возвратитъ, то хозяинъ, давшїй ему свою вещь для употребленїя, останется въ убыткѣ, и терпѣть будетъ утрату своего имѣнїя. А въ убытокъ приводить никово не должно (§. 94. пол. X).

IV. Взявшїй какую ни будь вещь на подержанїе не долженъ ни продать ее, ниже кому нибудь другому давать заимообразно, развѣ съ согласїемъ ея хозяина. Ибо если инако случается, то вещи той хозяинъ пребудетъ съ утратою въ своемъ имѣнїи.

V. Когда не даромъ но за извѣстное число денегъ отдаемъ кому наши вещи для употребленїя, тогда говорится, что въ *наемъ* ему отдаемъ оныя, и кто обѣщаетъ намъ за то деньги, о томъ говорится, что онъ *нанимаетъ* оныя.

VI. Отдающаго въ наемъ и нанимающаго должности видѣть можно изъ того, что мы вообще сказали о договорахъ. Сила всѣхъ здѣсь примѣчанїя достойныхъ правилъ сїя есть: *чтобъ ни отдающїй въ наемъ, ни нанимающїй другъ другу вреда не наносили, но чтобъ одинъ о пользахъ другаго помышлялъ.*

VII. Когда деньги кому въ долгъ дасмъ, тогда называемся *заимодавцами*, и кто деньги въ долгъ беретъ, тотъ *должникомъ* называется.

VIII. Когда кому деньгй въ долгъ дашъ, о томъ старайся, чтобъ весьма извѣстну тебѣ быть, что деньги твои не пропадутъ. Потому что ты обязанность имѣешъ хранить твое имѣніе (§. 82. пол. I).

IX. Прежде, нежели дашъ кому въ долгъ деньги, двѣ тебѣ вещи должно предусматривать. Первое можетъ ли тотъ, кому въ долгъ дашъ, заплатить тебѣ; другое захочетъ ли онъ долгъ платить, тоесть, надежной ли онъ человѣкъ.

X. И такъ требуются достовѣрнѣйшія доказательства вѣрности, по которымъ бы деньги занимающій въ платежѣ былъ не сумнителенъ. Ибо инако заимодавецъ подвергается опасности своихъ денегъ лишиться, и понесть въ имѣніи утрату.

Осторожности же къ безопасности заимодавцу служащія сіи суть, изъ коихъ иныя меньше, иныяжъ больше имѣютъ силы къ доставленію ему оныя. 1) Сюда принадлежитъ *обязательство* или *вексель*, коимъ писменно изъясняется должникъ, сколько онъ денегъ взялъ, и въ какой срокъ съ процентами оныя заплатить имѣетъ. 2) *Закладъ*, когда движимое какое имѣніе, н п уборы, драгоцѣнныя вещи, книги, платье, серебряную посуду и прочая для безопасности повѣренной суммы должникъ даетъ заимодавцу съ тѣмъ, что если уплаты не будетъ, то бы заимодавецъ у себя удержалъ оныя вещи; а если долгъ заплатится, то бы оныя обратно должнику отдалъ. 3) Когдажъ наконецъ должникъ недвижимымъ

мымъ имѣніемъ, н. п. полями, лугами, садами, домами въ закладъ данными увѣряетъ объ отдачѣ денегъ, то сіе *поручительнымъ сокровищемъ* называется. 4) Ежели иной кто, въ случаѣ неплатежа отъ должника, дастъ слово заплатить на срокъ деньги вмѣсто онаго, то такого человѣка *порукою* или *поручителемъ* мы имянуемъ.

XI. Естьли кому заимодавецъ деньги въ долгъ дастъ, то тотъ, кто беретъ деньги, знатной можетъ получить себѣ прибытокъ, котораго бы конечно онъ не имѣлъ, естьлибъ денегъ не получилъ взаймы. А какъ етотъ же прибытокъ могъ бы и заимодавцу служить приращеніемъ его имѣнія, еслибъ другому онъ въ долгъ денегъ не давалъ: то явствуетъ, что заимодавецъ, по нѣкоему его праву можетъ отъ должника требовать съ данныхъ ему денегъ годоваго нѣкотораго плода. Плодъ сей или прибытокъ *ростомъ* называется, которой, какъ видно, здравому не противенъ разуму.

Между новѣйшими Богословами и Философами происходилъ о томъ споръ, можетъ ли заимодавецъ какого нибудь отъ должниковъ своихъ, за данные въ долгъ имъ деньги, требовать награжденія. Кои на сей вопросъ утвердительно отвѣчаютъ, тѣ приводятъ сіи причины своего утвержденія. 1) Если должникъ деньгами заимодавца богатѣетъ, то заимодавецъ между симъ временемъ не лишится ли всякаго прибытка отъ своихъ денегъ? Съ убыткомъ другаго никто богатѣть не долженъ. 2) Для чегобъ заимодавцу отъ должника за свою опасность нѣкотораго воздаянія себѣ не требовать? Ибо тотъ себя опасности подвергаетъ, кто отъ своихъ денегъ прибыль другому уступаетъ. Охуждающіе же лихву

из свидѣтельствахъ священнаго писанія утверждаются. Псал. XV. ст. 5. Луки Гл. VI. ст. 34. и слѣдующіе. Но здѣсь разорительныя и непомѣрныя лихвы отдѣлять должно отъ законныхъ. Втор. Гл. 23. ст. 19. 20.

XII. Лихва всегда должна быть такая, чтобъ ни должнику ни заимодавцу вреда отъ нее не было.

XIII. Деньги, или капитальная сумма, отъ коей должникъ получаетъ себѣ корысть, когда оную въ срокъ возвратить слѣдуетъ, не только въ разсужденіи количества, но и въ разсужденіи качества возвращена быть отъ него долженствуетъ безъ всякой проволочки. Ибо заимодавецъ часто убыточится, если ему долгъ платить умѣдливаютъ.

§. 125.

Изъ чего видно, что всѣ вещи отъ другихъ на сохраненіе намъ *данныя*, при востребованіи ихъ отъ насъ обратно, должны мы возвращать безъ всякихъ отговорокъ.

Что намъ ближній подъ стражу и на сохраненіе отдалъ, то мы должны такъ беречь, чтобъ не только вовсе не пропало, но и не убыло отъ нашего небреженія. Въ противномъ случаѣ, убытокъ нашею винностію причиненной находящимся подъ нашимъ храненіемъ вещамъ, заплатить мы обязаны. Если же залогу причиняется такая утрата, которой ни мы, ни другой кто своимъ стараніемъ отвратить не сильны, то въ такомъ случаѣ убытокъ платить мы обязанности не имѣемъ.

ДѢЯТЕЛЬНЫЯ ФИЛОСОФІИ ЧАСТЬ III.

НАСТАВЛЕНІЯ ЭТИКИ или НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ собственно такъ называемыя

ПРЕДИСЛОВІЕ ко нравственной Философіи вообще.

§. 126.

Хотя мы выше съ довольною, какъ намъ кажется, ясностію показали, чемъ разнствуетъ право естественное отъ Этики или нравственной Философіи (§. I.), однакожъ теперь съ большею нѣсколько точностію представимъ тѣ положенія, которыя къ изъясненію свойства нравственной науки, и къ отдѣленію ея отъ права естественнаго служатъ.

§. 127.

I. Право естественное изъясняетъ законы, и научаетъ, что человѣку должно дѣлать

лать, и отъ чего удерживаться (§. 3 пол. IV). А нравственная наука показываетъ намъ способъ какъ повиноваться законамъ естественнымъ (§. 3. пол. IV). Почему справедливо нѣкоторые право естественное умозрѣнiемъ нравственныя науки наименовали.

II. Эѳики или нравственной науки долгъ, есть научать, какимъ образомъ умъ нашъ можетъ прiобрѣсть твердую нѣкоторую способность дѣлать доброе, и снискать привычку предпринимать похвальныя дѣйствiя, для которыхъ правила предписываетъ намъ право естественное.

III. И такъ нравственная наука въ томъ главное имѣетъ упражненiе, чтобъ показать способъ къ прiобрѣтенiю добродѣтели. Ибо добродѣтель есть навыкъ располагать свои дѣйствiя сходственно съ закономъ естественнымъ.

IV. Нравственной науки еще и та есть цѣль, чтобъ склонять волю къ творенiю добра такъ, чтобъ человѣкъ охотно и съ величайшимъ удовольствiемъ предпринималъ честныя дѣйствiя, а отъ гнусныхъ удалялся, не воображая себѣ ни награжденiя за первыя, ни наказанiя за послѣднiя.

V. И такъ нравственная наука въ исправленiи всего ума и въ удобренiи нравовъ занимается. Ибо это значитъ исправлять волю, когда она отъ худа къ добру, и отъ пороковъ къ добродѣтели привлекается. А какъ это быть не можетъ, если умъ прежде знать не будетъ, что такое есть добро, и что худо, то явствуетъ, что нравственная наука во исправленiи ума, и въ просвѣщенiи его познанiемъ добра, кратко сказать, въ совершенiи всей души упражняется.

VI. Сверхъ того нравственная наука любителямъ своимъ открываетъ путь къ истинному благополучію, которое состоитъ во внутреннемъ духа удовольствіи и въ спокойствіи (по опред.). Ибо когда нравственная наука показываетъ способъ къ пріобрѣтенію добродѣтели (пол. I) а добродѣтель есть средство къ благополучію (§ 46). то явно, что сія наука служитъ и къ достиженію истиннаго счастія.

А сіе самое и даетъ намъ знать, сколько нравственная наука различествуетъ отъ права естественнаго. Право естественное къ наружному влечетъ насъ спокойствію, и тѣмъ только довольствуется, чтобъ учить, что никого намъ оскорблять не должно, всякому воздавать ему принадлежащее, и прочая. А нравоучительная наука то производитъ, чтобъ человѣкъ внутреннимъ наслаждался счастіемъ, и добродѣтели увеселялся наградою.

VII. Надобно наконецъ и то прибавить, что въ нравственной наукѣ преподаваться долженствуетъ, какимъ образомъ удалять препятствія, которыя часто къ благополучію стремящимся великія противополагаютъ затрудненія. Ибо какъ можетъ оная наука открыть намъ средства къ пріобрѣтенію добродѣтели, если прежде она не покажетъ, какъ отвращать препятствія успѣхъ въ добродѣтели останавливающія.

VIII. А какъ пороки суть наивеличайшимъ къ ней препятствіемъ, и какъ будто смертоносным ядомъ ее истребляютъ, то долгъ нравственной науки есть сей, чтобъ показать, какимъ образомъ порочность ума уничтожается, и источникъ толь многихъ заграждается злодѣяній.

ГЛАВА I.

Обьясняющая нѣкоторыя общія правила о добродѣтельномъ поведеніи, и о вспоможеніяхъ къ достиженію добродѣтели служащихъ.

§. 128.

Правила о добродѣтельномъ поведеніи въ слѣдующихъ мы заключимъ положеніяхъ, изъ одного только добродѣтели опредѣленія выведенныхъ.

I. Кто хочетъ взять надлежащія мѣры къ достиженію добродѣтели, тотъ усильнѣе долженъ стараться, чтобъ приобрѣсть способность дѣлать доброе, и привычку располагать свои дѣла по закону естественному. Ибо добродѣтель есть навыкъ сообразать дѣйствія съ естественнымъ закономъ (по опред.).

II. И такъ кто съ усердіемъ устремляется къ добродѣтели, тотъ долженъ поистиннѣ знать правила, въ правѣ естественномъ преподаваемыя. Ибо инако по предписанію оныхъ не можетъ своихъ управлять дѣйствій.

III. Любитель добродѣтели о томъ первѣе всего долженъ попеченіе имѣть, чтобъ умъ его просвѣщенъ былъ познаніемъ добра и худа. Ибо какъ ты можешъ поступать справедливо, если прежде не будешъ знать, что такое есть справедливость?

IV. А какъ, что добро и что худо, изъ дѣйствій и послѣдствій всякаго дѣла познавается,

вается, и то помощію разума (§. 20); то слѣдуетъ, что къ сысканію добродѣтели первѣйшимъ есть вспоможеніемъ просвѣщеніе разума, которое чемъ тщательнѣе совершить постараешся, тѣмъ себя къ упражненію въ добродѣтели способнѣйшимъ найдешъ.

V. Къ добродѣтельному поведенію не поверхнее добра и худа познаніе бываетъ потребно, но явственное и живое, т. е. такое, которое бы волю нашу къ добру преклоняло. Ибо когда добродѣтель не въ томъ состоитъ, чтобъ кто поступалъ праведно, но чтобъ охотно, и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, честно, и согласно съ закономъ жилъ, и внутреннее нѣкое усердіе, и постоянную къ творенію добра имѣлъ волю (§. 44), то слѣдуетъ, что разумъ добродѣтели достигнуть не можетъ, если не будетъ снабдѣнъ такимъ добра и худа познаніемъ, которое называется живое, т. е. такое, которое бы умъ и волю какъ бы нѣкіими подстреканіями возбужденную, къ намѣренію добро дѣлать привлекало, склоняло и возбуждало.

VI. И такъ сколько сіе нужно къ пріобрѣтенію добродѣтели, чтобъ живое въ душѣ нашей добра и худа было познаніе; столько полезно изъяснить намъ порядочнѣе, какимъ бы образомъ, и какими вспоможеніями живое оное о вещахъ предпріятія или убѣганія достойныхъ пріобрѣсть могли познаніе.

VII. И такъ вопервыхъ къ пріобрѣтенію живаго о добрѣ и худѣ познанія весьма полезно бываетъ то, чтобъ употребляли мы прилѣжнѣйшее вниманіе къ тому, что отъ добрыхъ или худыхъ дѣйствій послѣдуетъ, и такимъ бы образомъ какъ превосходство и выгод-

ности добродѣтели, такъ плачевныя отъ пороковъ слѣдствія, или намъ самимъ, или прочимъ людямъ предъ глаза представляли.

VIII. Не знаю, можетъ ли сто съ большею быть пользою, какъ если къ разсмотрѣнію того, чему насъ учитъ опытъ, обратимъ мысль къ добродѣтели стремящуюся. Ибо такова свойства есть разумъ человѣческой, что мы видимыми предметами обыкновенно больше поражаемся, нежели правилами къ честной жизни наставляющими, наипачежъ если оныя нѣсколько замысловатымъ слогомъ предлагаются. Просвѣщенные люди давно уже опытъ учителемъ добродѣтели и честной жизни наименовали.

IX. А какъ опытъ бываетъ или собственный, или посторонній, то слѣдуетъ, что или по своему, или по чужому опыту должны мы живое оное приобрѣтать познаніе.

X. Тогда помощію собственнаго опыта мы живаго достигаемъ познанія, когда сами сладчайшій благотворсній нашихъ плодъ и пагубныя отъ пороковъ и сладострастій нашихъ произшествія чувствуемъ.

Почему часто случалося, что тѣ, кои во всякія предалися пороки, опамятывалися наконецъ, когда т. е. печальные, и раскаянія достойные отъ пороковъ и сладострастій ихъ плоды и угрызенія совѣсти такъ возчувствовали, что сносить ихъ болѣе не могли. Отъ чего произошла пословица: *Бѣды человѣка учатъ*, или, *что мучитъ, учитъ.*

XI. Чужимъ опытомъ живое познаніе снискиваемъ, когда съ древними и новѣйшими Исторіями въ случаяхъ нужды справляемся. Ибо сіе по утвержденію Ливія, наипаче въ Исторіи, и въ

познаніи

познании произшедшихъ дѣлъ есть полезно и спасительно, чтобъ оттуда намъ можно было брать добрые примѣры для подражанія, а худые и не удачные для избѣганія.

Многіе суть предосторожности, къ коимъ надобно намъ употребить прилѣжное вниманіе, если чрезъ употребленіе примѣровъ живымъ добра и зла познаніемъ умы свои просвѣтить, и возбудить ихъ къ любленію добродѣтели пожелаемъ. Нѣсколькія изъ сихъ предосторожностей привесть здѣсь не безполезно будетъ.

1.) Ежели ты какихъ нибудь людей умы предложеніемъ примѣровъ возбудить къ добродѣтели желаешъ, то сіе за необходимой сочти для себя долгъ, чтобы тѣхъ, въ коихъ ты желаешъ къ добру и къ истинѣ возбудить усердіе, извѣдать прежде силы, и изслѣдовать рачительно, таковы ли суть примѣры, коимъ ты слѣдовать заставляешъ, чтобъ могъ подражать имъ тотъ, кому ты повелѣваешъ. Ибо какъ того, у кого коленная чашка и жилы избиты, тщетно ты ходить и плясать возбуждаешъ, хотябъ ты ему тысячу примѣровъ на площади и около лавокъ показывалъ, хотябъ и самыхъ скороходовъ великое, какъ мы знаемъ, земли пространство въ одинъ день перебѣгавшихъ представлялъ примѣромъ: такъ не разсудно ты поступишъ, если слабыхъ, и не могущихъ поступать право, заставлять станешъ слѣдовать примѣрамъ такихъ людей, коихъ или превосходной разумъ, или нѣкоторая добродѣтели и мужества врожденная крѣпость, или тайная наконецъ и могущественная Божія благодать и

сила

сила ко всему, что есть высочайшее и превосходнѣйшее, учинила способными.

2.) Надобно показать тотъ способъ, которымъ духъ другаго для подражанія тобою представляемаго, отъ похотей и беззаконныхъ нечистотъ избавился, и какимъ образомъ способнѣе отвратить можно препятствія противуполагаемыя обыкновенно тѣмъ, кои душу свою отъ гнуснаго порокамъ порабощенія освободить стараются. Не пристойно такъ же умолчать и о врачевствѣ, коимъ иные въ примѣръ представляемые внутренней болѣзни силу преодолѣли, и помощію котораго душа прежнюю свою бодрость и здоровье восприяла. Ежелижъ инако ты поступишь, то что ты другое учинишь если не то, что больнаго выздоровленіемъ ободрять будешъ для того только, что многіе до него другіе отъ болѣзни свободились? И много ли надѣешся получить успѣха, если отъ сапожника, столяра, или отъ инаго какого мастероваго требовать будешъ, чтобъ онъ сдѣлалъ тебѣ зажигательное зеркало, и сіе для того, что Чирнгаузеній такое составилъ, выполировалъ, и къ зажиганію учинилъ способнымъ. Ты предлагаешъ сей примѣръ Механику, или твоему сапожнику, коему подражать его заставляешъ. Однако ты будешъ отъ нево осмѣянъ, и не всѣ ли твои рѣчи, коими ты Механика уговариваешъ соорудить подобное стекло, и коими ты употребленіе и превосходство онаго ему выхваляешъ, безполезными останутся, и какъ будто мертвому сказаны будутъ. И сапожникъ сей не молвитъ ли тебѣ,

ве, скажи пожалуй! какими средствами ето стекло сделалъ твой Чирнгаузенъ?

3.) Кромѣ сего не мало къ полученію живаго добродѣтели познанія способствуетъ еще то, чтобъ отвлекаемый отъ пороковъ къ добродѣтели достовѣрно зналъ, что повѣствуемое, и въ примѣръ ему для подражанія предлагаемое въ самомъ дѣлѣ было такъ, какъ оно повѣствуется. Ибо ежели что нибудь ложнаго найдетъ тотъ, коего духъ примѣрами къ благонравію склонить и сообразить съ закономъ требуется, то не только онъ сими выдумками не трогается, и къ справедливости не возбуждается, но напротивъ того еще онъ думаетъ, что его обманываютъ, и надъ нимъ шутятъ.

4) На конецъ всегда, когда ты о чьихъ нибудь добродѣтеляхъ и о знаменитыхъ дѣлахъ, или напротивъ о порокахъ и безчиніяхъ напоминаешъ, такимъ образомъ предлагать примѣры старайся, чтобъ видны были послѣдствія похвальныхъ и порочныхъ дѣлъ, и чтобъ предъ очи было представлено и то, какое съ какимъ дѣйствіемъ счастіе или злоключеніе соединено было. И то такъ же показать должно, что тому человѣку, коего ты въ примѣръ представляешъ, добро или худо за сіи а не за другія дѣйствія приключилось. Представъ, что мотоватый Кай расточаетъ свое имѣніе ꙋ чрезъ пышныя пиршества достатокъ свой удачно съ рукъ сбываетъ. Ты его увѣщаваешъ, чтобы онъ къ умѣренности обратился, и примѣромъ Тиція до крайности дошедшаго показываешъ, что за мотовство из-

вѣстнѣйшимъ караніемъ нищета бываетъ. Но Кайй на крайнюю скудость, Тиція угнѣтающую, иныя представляетъ причины. По чему и надобно тебѣ доказать ему, что источникъ Тиціевой нищеты не иной есть какъ его мотовство и расточеніе. Если же инако ты поступишъ, то весьма опасно, чтобъ сила представляемаго отъ тебя примѣра чрезъ сіе не уменшилась.

XII. Съ Исторіями весьма смѣжны суть басни, особливожъ на театрахъ и позорищахъ представляемыя. Нѣкоторые симъ баснямъ приписываютъ толикую силу воспламенять любовь къ добродѣтели въ сердцахъ зрителей, и возбуждать живое познаніе, что почитаютъ Театры за училища добродѣтели.

XIII. Сіе сказано о познаніи живомъ, и о способахъ къ пріобрѣтенію онаго. Но требуется, чтобъ тожъ самое правоты познаніе, которое къ питанію раченія о добродѣтели сильно быть долженствуетъ, было сверхъ того ясное и отличительное, т. е. такое, чтобъ внутреннюю доброту и превосходство добродѣтели проницательнѣе изыскивало, и такимъ образомъ любовь ко оной въ сердцѣ возбуждало. Ибо когда мы явственно познаемъ добро, то доброту онаго и превосходство цѣнимъ не по настоящему смотря удовольствію или скукѣ, но взоръ свой впредь простираемъ и усматриваемъ, коль велики и изобильны суть плоды, которые отъ добродѣтельнаго поведенія послѣ нѣсколькихъ лѣтъ произойти имѣютъ. И тѣмъ то добродѣтель удивительную возбуждаетъ въ насъ къ себѣ любовь: чего конечно она не учинитъ, если ты на нее при первьомъ

взглядѣ кажущуюся жестокою, и нѣсколько страховитою, смятно и помощїю только чувствъ однихъ, кои часто насъ обманываютъ, посмотритъ.

Сїе отличительное и ясное добра и худа познанїе, которое мы въ добродѣтельныхъ упражненїяхъ теперь похваляли, разгоняетъ всѣ предразсудительныя мнѣнїя, коими многїе заражены будучи упражненїе въ добродѣтели не только не очень прїятнымъ и полезнымъ, но еще скучнымъ и безплоднымъ почитаютъ. Сїи предварительныя мнѣнїя, кои къ добродѣтели бываютъ намъ величайшимъ препятствїемъ, суть слѣдующїя.

1) Что служитъ добродѣтели препятствїемъ, есть то, что худыхъ и порочныхъ людей мы видимъ часто живущихъ во изобилїи, и во всемъ имѣющихъ желаемые успѣхи; напротивъ же того усматриваемъ, что честные и за добродѣтельныхъ почитаемые отвсюду окружены бѣдами, и отъ злой фортуны гонимы жизнь плачевную и мучительную провождаютъ. Однако сїе предразсужденїе при явственномъ добродѣтели познанїи изчезаетъ, для того, что тѣ, кои добродѣтель и счастїе явственно разумѣютъ, не по окружающимъ оную горестямъ, но по частой и всегдашней радости, которая изъ любви къ добродѣтели проистекаетъ, цѣнитъ обыкновенїе имѣютъ.

2) Другое же предразсужденїе упражненїю въ добродѣтели противное состоитъ въ томъ, что многїе думаютъ, яко бы весьма трудно, да еще и не возможно такъ держаться добродѣтели, чтобъ ни каковаго не было примѣшено порока, ни какихъ развратностей. Пусть трудно будетъ. Но не ужъ ли для того не

радѣть о добродѣтели, и о истребленіи пороковъ вовсе не думать? Много ли есть такихъ людей, которые бы совершенной учености могли достигнуть? Но для того самого не уже ли на ученіе ни трудовъ ни времени полагать не надобно?

XIV. Добродѣтель приобрѣтается долговременнымъ упражненіемъ: и пороки не однимъ днемъ, и не однимъ мѣсяцомъ изъ сердца искорениться могутъ.

Ибо когда и добродѣтель и порокъ есть навыкъ (по опр.); а навыкъ не иначе какъ долговременнымъ употребленіемъ и дѣйствіями, часто повторяемыми приобрѣсться можетъ (по опр.): то видно, что добродѣтель не однимъ часомъ, но долговременнымъ упражненіемъ и употребленіемъ приобрѣтается. И пороки не такъ скоро. какъ Лисица груши пожираетъ, исторгнуться изъ сердца могутъ.

XV. Изъ чего слѣдуетъ, что юношей, да и отроковъ отъ самыхъ младыхъ лѣтъ къ тѣмъ упражненіямъ, чрезъ которыя къ добродѣтельной привычкѣ приближаемся, и силу пороковъ уменьшаемъ, приобучать такъ надобно, чтобъ по малу и не чувствительно въ себѣ любовь къ добродѣтели возчувствовали, а отъ пороковъ возимѣли отвращеніе.

XVI. И потому юные умы, сколько возможно, должно истиннымъ и явственнымъ добра и худа напаять познаніемъ, и искоренять изъ нѣжныхъ сердецъ отроческихъ всѣ предразсудки, коими обыкновенно они о порокахъ и о добродѣтели напитываются.

XVII. Надобно стараться, чтобъ въ дѣтяхъ

тяхъ отъ всегдашняго съ добрыхъ дѣлахъ упражненія возрастала привычка къ честному поведенію, которая со временемъ въ природу обратится, особливо если всѣ случаи къ дѣламъ негоднымъ отняты будутъ.

XVIII. Какъ отроки и юноши умомъ и разсужденіемъ еще не укрѣпившіеся о добрѣ и худѣ разсуждать, и оныя распознавать по произшествіямъ не научились, то надобно иногда настоящее оскорбленіе съ худыми ихъ соединять дѣлами, а пріятность и награду, яко приманчивое нѣкоторое поощреніе, присовокуплять къ добрымъ. Ибо юноши видомъ настоящихъ вещей трогаются, и смотря по тому, сколько они чувствами побуждаемы бываютъ, къ тому, что видятъ, прилѣпляются.

Изъ чего видно, что о побояхъ и ударахъ, коими мы дѣтскія сердца отъ зла отвлечь желаемъ, думать должно. Никогда розги и ременныя доказательства къ добру не заохочиваютъ, и не имѣютъ сего дѣйствія, чтобы отвратить кого отъ худаго дѣла. Ибо волю къ желанію добра, и къ отвращенію отъ зла, причинами только отъ разума представляемыми, склонять должно. И по сему не похвально тѣхъ мнѣніе, кои думаютъ, что побоями и тиранствомъ волю исправить, и любовь къ добродѣтели вдохнуть можно. Однако отвергнуть и того не можно, что боль отъ ударовъ въ сердцахъ отроковъ, чувствами только управляемыхъ, то производитъ, что какъ съ худымъ дѣйствіемъ оскорбленіе не однократно уже сопрягаемо было, худое дѣлать оставляютъ не по тому, чтобъ они ясно видѣли внутреннюю гнусность худаго дѣла, но по тому, что бывшее отъ того имъ оскорбленіе памятно.

XIX. Изъ всего сего видно, что никто не можетъ приобрѣсть добродѣтель, кромѣ того, кто долговременно во исправленiи воли упражняться будетъ. Ибо когда добродѣтель требуетъ не какого нибудь внѣшняго сходства дѣйствiй съ закономъ естественнымъ, но внутренняго раченiя, усилiя, и постоянной воли дѣлать добро а зла удаляться (§. 45), слѣдственно желающiй приобрѣсть добродѣтель долженъ стараться, чтобъ воля желала добра истиннаго, и удалялась отъ зла сущаго. А стараться, чтобъ воля добра желала, а отъ зла уклонялася, (я сiе говорю о прямомъ добрѣ, и о прямомъ злѣ) значитъ *исправлять волю*. Убо кто о добродѣтели попеченiе имѣетъ, тотъ и волю исправлять долженъ.

XX. Исправленiе же разума предшествовать исправленiю воли долженствуетъ. Что явствуетъ изъ самаго воли естества; она въ избранiи добра или зла всегда по представленiю поступаетъ разума. И такъ кто что нибудь, яко доброе волѣ предлагаетъ, того она и желаетъ, а кто ей что нибудь какъ худое представляетъ, отъ того она отвращается. И такъ если разумъ или мысленное могущество предразсудками или погрѣшностями такъ будутъ наполнены, что добро почитать зломъ, и зло добромъ станутъ; то нѣчему дивиться, что воля прельстясь видомъ добра обманывается. Убо весьма полезно для исправленiя воли разумъ напередъ исправлять, чтобъ, по разгнанiи мраку заблужденiй, свѣтлѣе и явственнѣе разсматривалъ онъ свойство добра и зла, и чтобъ не погрѣшалъ, и не обманывался въ своемъ разсужденiи.

XXI. Наконецъ къ исправленiю воли и къ приобрѣтенiю добродѣтели требуется напаче

че то, чтобъ отнять силу у страстей. Ибо страсти всякое явственное добра и худа познанiе испровергаютъ; и разума свѣтлость помрачаютъ (§. 232 въ Мета.) А какъ къ прiобрѣтенiю добродѣтели просвѣщенiе разума и явственное познанiе потребно (пол. XIII.), то въ прiобрѣтенiи добродѣтели нужно отнимать у страстей силу, и стремленiе ихъ удерживать.

А какимъ образомъ ето быть можетъ, то мы особенно покажемъ въ главѣ о обузданiи и укрощенiи страстей.

XXII. Въ исправленiи наконецъ воли, и въ пути добродѣтельномъ ты ни мало не успѣешъ, если о томъ не будешъ имѣть попеченiя, чтобъ всѣ худыя бросить привычки, коими наипаче, если онѣ чрезъ продолженiе времени умножаться и укрѣпятся, воля часто къ предприниманiю гнусныхъ дѣйствiй принуждается, и едва не насильно похищается.

Обыкновенiя, кои не непристойно привычками къ какимъ нибудь дѣйствiямъ называются, отъ прежнихъ обстоятельствъ происходящими, обыкновенiя, говорю, худыя не однимъ, такъ сказать, разомъ изпровергаемъ, но требуется къ сему довольно времени, старанiя, и частаго усилiя, и терпѣливости. Силу привычекъ уменьшаемъ, 1) если принимаемъ попеченiе, чтобъ ежедневно, или изъ числа или отъ жару тѣхъ дѣйствiй, отъ которыхъ по малу произошло навыкновенiе, нѣчто мы уменьшали, и изъ великой, такъ сказать, склонностей кучи ежедневно по нѣскольку зернышекъ отнимали, и по тѣхъ поръ ето дѣлать продолжали, пока ничего того не останется, чтобы убавлять надлежало. 2) Ежели со всевозможнымъ тщанiемъ будемъ уклоняться

няться отъ случаевъ ведущихъ къ такимъ дѣламъ, изъ коихъ, яко изъ первоначальныхъ какихъ основаній составлена въ насъ привычка. 3.) Чтобъ нѣкоторая въ душѣ возбуждалася горячность, и ежедневно возобновлялася къ дѣланію того, что противно вкоренившемуся обыкновенію. 4) Беречься надобно, чтобъ оная горячность не прохладѣла, но что бы посредствомъ, такъ сказать, подливаемаго въ свѣтильникъ масла, питалась и долго соблюдалась. 5) А дабы сія души горячность справедливо поступать со дня на день больше была возбуждаема и умножаема, то нужно употребить нѣкоторыя пособія: изъ коихъ за наилучшее почитаю то, чтобъ поставить намъ для себя нѣкоторые знаки, которые бы приводили намъ на память предпріятое нами намѣреніе, чтобъ вести себя честно, отъ чего произошли всѣ обряды; и чтобъ тщательно себя самихъ, и всѣ душевныя свои тайности извѣдывать, дабы чрезъ то виднѣе намъ было, чево еще у насъ къ доброй жизни не достаетъ: въ чемъ мы имянно согрѣшили, что напослѣдокъ сдѣлано, и что бы лучше сдѣлать было надобно. Такое совѣсти испытаніе Пифагору и инымъ древнимъ понравившееся не можетъ лучше быть установлено, какъ или въ утреннее время, когда еще спѣшимъ мы къ дневнымъ своимъ дѣламъ, или въ вечеру, когда по окончаніи уже дневныхъ нашихъ трудовъ, порядокъ и продолженіе того, что чрезъ цѣлый день худо или хорошо сдѣлано, разсматривать, и по отвлеченіи мыслей отъ безпокойствъ дневныхъ, съ закономъ свыше влїяннымъ рѣчи и дѣла безъ помѣшательства сносить, и о нихъ судить можемъ.

XXIII. Что мы о способахъ служащихъ намъ къ пріобрѣтенію добродѣтели до сихъ

мѣстѣ говорили, то все показываетъ намъ купно путь къ достиженїю высочайшаго блага и истиннаго счастїя. Ибо когда добродѣтель есть средство къ благополучїю и высочайшему благу (§. 45); слѣдственно какимъ кто путемъ достигаетъ къ добродѣтели, тѣмъ же самимъ доходитъ къ истинному благополучїю и къ благу высочайшему. И такъ когда показанъ и очищенъ путь къ добродѣтели, то тѣмъ самимъ купно доказано и то, какимъ образомъ можемъ мы прїятностїю истиннаго благополучїя наслаждаться.

ГЛАВА II.

О способѣ какъ совершать и исправлять разумъ.

§. 129.

Когда Нравоучители тотъ единственно приняли на себя трудъ, чтобъ показать средства и путь къ прiобрѣтенїю добродѣтели (§. 126 пол. I), а добродѣтель никто прiобрѣсть не можетъ, если онъ не исправитъ своего разума (§. 126 пол. XX), и душевныхъ возмущенїй не покоритъ оному (§. 126 пол. V), то слѣдуетъ намъ теперь представить правила къ исправленїю разума, и показать средство какъ обуздовать страсти душевныя.

§. 130.

Когда изобильно, а по крайней мѣрѣ достаточно въ Логикѣ о совершенїи разума, и о исправленїи

смысла мы уже представили, то теперь позволено намъ будетъ говорить кратче о сей материи. Почему главныя дарованія, или, если иначе угодно назвать, качества разума сокращенно упомянемъ, и покажемъ, какими каждое изъ оныхъ пособіями совершеннѣе и дѣйствительнѣе учиниться можетъ.

§. 131.

И такъ вообще примѣчать надобно, чтобъ понятія о какойлибо вещи нами производимыя старались мы учинить яснѣйшими, и чтобъ до тѣхъ поръ не давали себѣ отдохновенія, пока не вызнаемъ внутреннее нами познаваемыхъ вещей естество и ихъ свойства. А какимъ это образомъ бываетъ, о томъ съ довольною ясностію отъ насъ въ Логикѣ въ главѣ о понятіяхъ простыхъ сказано.

§. 132.

Остроуміе есть способность въ одной вещи многое распознавать (§. 209 въ Мета.), и тотъ, кто многое въ какойлибо вещи встрѣчающееся распознавать умѣетъ, *острымъ* или *остроумнымъ* называется.

§. 133.

Способы, которыми пріобрѣтается остроуміе, суть слѣдующіе.

I. Усильно старайся, чтобъ, о чемъ ты ни размышляешъ, размышлять явственно, т. е. такъ, чтобъ знаки, по коимъ всякая вещь отъ другой распознавается, порознь въ твоей мысли могъ ты представить, и пекися о томъ,

чтобъ изслѣдовать, что такое есть точно какая нибудь вещь въ себѣ самой. Въ Логикѣ стр. 19.

II. Дѣтей отъ самаго ихъ младенчества такъ приобучать должно, чтобъ они во всѣ встрѣчающїяся имъ вещи пристально вникали.

III. Что исполнить можно, если словесно и изустно повелишъ имъ то высказать, что они въ какой нибудь вещи примѣчанія достойное сыскали.

IV. Вещи подверженныя чувствамъ описывать должны дѣти, такъ же части тѣлъ, ихъ знаки, величину, сложенїе, видъ, движенїе, такъ они начертавать долженствуютъ, чтобъ видно изъ того, что они образъ вещи ими видѣнной или слышанной въ мысли своей ясно представляли.

V. Почему весьма полезно для дѣтей къ ясному размышленю приобучаемыхъ, чтобъ они заблаговременно и съ молоду обучались Математикѣ, а наипаче Геометрии, и приобучались видимыя ими вещи мѣломъ или сурикомъ очертывать. Многїе признаютъ, что это весьма великую имѣетъ силу къ сохраненїю вниманїя. Почему Платонъ ни ково, кромѣ только знающихъ Геометрїи въ училище къ себѣ не принималъ. Здѣсь должно просмотрѣть то, что въ Логикѣ объ отличительныхъ понятїяхъ, и во Психологїи о вспоможенїяхъ вниманїя на страницѣ 253 пространно нами сказано.

VI. А особливо способность добро съ худомъ точно разпознавать возбуждается и умножается тѣмъ, ежели мы въ нашихъ и въ чужихъ дѣлахъ вникаемъ какъ въ то, что къ

дѣланію чего нибудь понудило, такъ и въ малѣйшія дѣйствій произшествія, и по разсмотреніи всѣхъ вещи обстоятельствъ тщательно изслѣдываемъ, кто предпринимаетъ такое то дѣйствіе, что дѣлается, на какомъ мѣстѣ, и когда, при какихъ вспоможеніяхъ, и напослѣдокъ съ какимъ намѣреніемъ то или другое предпріемлется. Такимъ образомъ по малу привыкаютъ юноши размышлять остроумно, и вещь раздроблять на части, а части раздѣлять на малѣйшія ихъ, какъ бы основы. А его весьма способствуетъ къ совершенію *глубокомыслія*. Ибо *глубокомысліе* не иное что есть, какъ такое ума могущество или совершенство, коимъ знаки знаковъ можемъ ясно себѣ представлять. Въ Логикѣ стр. 21.

VII. Къ пріобрѣтенію остроумія весьма полезно всякому имѣть слова въ готовности, и знать исправно языкъ, на которомъ мысли свои изъяснять должно. Ибо когда къ остроумію способствуютъ отличительныя понятія, описанія и опредѣленія (§. 66 въ Логикѣ), а таковыя понятія и опредѣленія не инако производиться могутъ, какъ если знаки и свойства вещей въ описаніяхъ вмѣщаемыя словами выразить можешъ (§. 37. пол. II. въ Логикѣ), слѣдственно помощію словъ и языка пріобрѣтается остроуміе.

§. 134.

По сихъ мѣстъ говорили мы объ остроуміи. Теперь другое свойство и совершенство ума объяснить слѣдуетъ. Мы оное *разумѣніемъ* называемъ. *Разумѣніе* же не иное что есть, какъ навыкъ понимать первыя наукъ основанія: а сей навыкъ пріобрѣтается

и совершается тѣмъ, когда ясныя о предлагаемыхъ вещахъ понятія пріобрѣтаемъ. Смотри въ Логикѣ, Гл. I.

§. 135.

Какъ мы помощію *разумѣнія* познаемъ, что такое есть вещь сама въ себѣ, такъ помощію знанія извѣдываемъ причины вещей, и для чего онѣ такъ, а не иначе находятся, изслѣдуемъ. Ибо *знаніе* не иное что есть, какъ навыкъ доказывать свои предложенія.

§. 136.

Когда знаніе безъ сумнѣнія принадлежитъ до главныхъ и полезнѣйшихъ совершенствъ разума, то мы не непристойно поступимъ, если къ пріобрѣтенію знанія нѣкоторой способъ откроемъ.

§. 137.

Знанія достигнуть такимъ можно образомъ.

I. Какъ всякой навыкъ пріобрѣтается упражненіемъ (по опред.), то, и знаніе не инако, какъ безпрерывнымъ только упражненіемъ снискано быть можетъ (§. 134).

II. Читай книги отъ мужей основательно ученыхъ, пристойнымъ и связнымъ порядкомъ доказанныя. Симъ образомъ по малу навыкнешъ къ доказательствамъ, и пріобрѣтешъ способность одни изъ другихъ выводить предложенія.

III. Доказательства мужей ученыхъ искусно сплетенныя старайся разбирать до самыхъ основаній, и, помощію Силлогизмовъ, покажи

кажи связь предложеній, если она будетъ сокрыта. Такой родъ упражненія, сказать не можно, коль полезенъ намъ бываетъ.

Многіе мнѣ мужи и юноши знакомы, кои Волфіевы сочиненія такъ читали, что всѣ доказательства, коихъ связь не очень была видна, помощію Силлогизмовъ, на самыя первыя начала разобрали: отъ чего произошло, что они безъ трудности увидѣли, изъ какого источника проистекала истина каждаго предложенія.

IV. Самъ твои изведай силы, и предложенія недоказанныя старайся утвердить твоими доказательствами. Такое упражненіе похвалялъ я еще въ предисловіи новоизданной моей Философіи юношамъ, къ твердому ученію стремящимся.

V. Ученіе Математики открываетъ путь къ навыкновенію доказывать. Понеже въ Математикѣ весьма изрядныя находятся доказательства, коихъ связь, ежели кто разбирать умѣетъ, то узнаетъ, что принятой имъ трудъ имѣетъ быть щедро награжденъ.

VI. Отъ знанія зависитъ *твердость*, которая есть такое ума совершенство, коимъ свои умствованія такъ соединять кто знаетъ, что одно предложеніе изъ другаго, а всѣ изъ ихъ началъ выводить весьма удобно может.

И такъ, кто основательно ученъ, тотъ 1) все, что только доказать можно, доказываетъ. 2) Отъ другихъ утверждающихъ что нибудь или опровергающихъ требуетъ на то доказательства. 3) Во всѣ начала тончайшимъ образомъ входитъ, изъ коихъ предложенія доказаны. 4) Связь предложеній, какъ бы она ни была продолжительна, удобно усматриваетъ.

тривает. 5) Что другому вѣроятным только кажется, то старается он до подлинности вызнать. 6) Наконец как в сочиненіях так и в рѣчах туда все склоняет, чтоб и себя и других в предлагаемой от него матеріи увѣрить, и читателей не меньше как и слушателей силою доказательств склонить на свое мнѣніе.

§. 138.

Уже мы доходим до *мудрости* и *благоразумія*, которыя счесть можно за главныя между всѣми прочими ума нашего качествами и могуществами.

§. 139.

Мудрость состоит 1) в избраніи намѣреній и в их связанности с главным тѣм намѣреніем, к которому всѣ предпріемлемыя дѣйствія человѣческія относиться долженствуют. 2) В вымышленіи всѣх средств и причин, чрез которыя, исправно между собою связанныя, желаемой конец пріобрѣтается.

§. 140.

А как тот конец, к коему должно относить всѣ или мысли, или рѣчи, или дѣянія, есть состоянія нашего совершенство, и происходящее из онаго блаженство наше, то и видно для чего нѣкоторые с Лейбницом мудрость описывают чрез знаніе блаженства. Сіе описаніе не разнится от сего: мудрость есть навык конец со средствами соединять между собою правильно.

§. 141.

Что къ пріобрѣтенію мудрости способствуетъ, въ сихъ заключается положеніяхъ.

I. Повиновеніемъ закону естественному пріобрѣтаемъ мудрость. Ибо когда мудрость есть знаніе блаженства (§. 140) а блаженство пріобрѣтено быть не можетъ естьли естественнаго не будетъ хранить закона (§. 72), слѣдственно никто не можетъ пріобрѣсть мудрости, если не будетъ повиноваться закону естественному.

II. И такъ тотъ мудрымъ быть не можетъ, кто не поступаетъ по своей должности. Ибо когда тотъ не по своей поступаетъ должности, кто дѣйствія чинитъ естественному противныя закону (по опр. должн.), а мудрой свои дѣйствія сообразуетъ всегда съ предписаніемъ естественнаго закона (§. 141. пол. I). слѣдственно поступающій не по должности своей не бываетъ мудрымъ человѣкомъ.

III. Кто желаетъ пріобрѣсть мудрость, тотъ долженъ такъ свои устроевать дѣйствія, чтобъ между посредственными, какъ называютъ, намѣреніями, и между самымъ крайнимъ намѣреніемъ пристойное было согласіе.

IV. И такъ желающій пріобрѣсть мудрость, во все имъ творимое употреблять долженъ довольное вниканіе, и смотрѣть, чтобъ ничего отъ нево не укрывалось, что ево благополучію и приращенію онаго вредно быть можетъ.

V. Когда мудрый долженъ имѣть навыкъ къ намѣреніямъ употреблять пристойныя средства (§. 139.), а тѣ вещи, которыя могли по

видимому

видимому служить намъ къ достиженiю конца, одинъ предъ другими бо́льшую къ приобрѣтенiю благополучiя имѣютъ силу, то явствуетъ, что мудрой въ томъ долженъ всѣ свои полагать усилiя и труды, чтобъ изъ многихъ вещей избирать наилучшiя, и съ его намѣренiями сходственнѣйшiя.

Чего для нѣкоторые мудрость описали навыкомъ избирать самое лучшее.

VI. Изъ чего слѣдуетъ, что мудрый въ избранiи средствъ долженъ употреблять способъ самой *простой* и *кратчайшiй*, и недопускать, чтобъ различныя другихъ мнѣнiя водили его, такъ сказать, по искривленымъ закоулкамъ.

VII. И такъ дабы кто не отсталъ отъ прямаго пути, но въ избранiи средствъ такъ поступалъ, чтобъ наилегчайшимъ образомъ могъ онъ достигнуть счастiя; то надобно въ помощь брать сторонные примѣры, и на оные смотрѣть якобы на зеркало: ибо изъ оныхъ усмотритъ онъ, съ какимъ что намѣренiемъ начато, чрезъ какiя вспоможенiя и чрезъ какiя хитрости вещь какая нибудь къ желаемому приведена окончанiю; изъ оныхъ такъ же можетъ онъ взять то, что способно будетъ для подражанiя.

VIII. А какъ весьма многiя противъ чаянiя могутъ встрѣтиться препятствiя, которыя и наилучшимъ иногда намѣренiямъ дѣлаютъ остановку; то мудраго человѣка долгъ помышлять и о препятствiяхъ, приключиться могущихъ, и разсматривать; какими бы способами уничтожить оныя.

IX. Когда же препятствiя такiя не могутъ

гутъ человѣкомъ точно быть предвидимы, да и не всегда въ нашей состоитъ силѣ оныхъ отвращенiе; то и можно разумѣть, что средствамъ, и остроумно вымышленнымъ, не всегда желаемый успѣхъ отвѣтствуетъ: которой останавливается часто отъ стороннихъ и отъинуды происходящихъ причинъ. По тому и не мало погрѣшаютъ тѣ, кои мудрость смотря по скончанiю цѣнятъ.

X. Поелику мудрость есть знанiе благополучiя (§. 140), то и надобно думать, что мудрости служатъ тѣжъ самыя правила, кои способствуютъ къ достиженiю счастiя. А какъ правила къ приобрѣтенiю счастiя ведущiя одинаки суть съ правилами, показывающими способъ къ добродѣтели (§. 70), то явствуетъ, что тожъ самое, что открываетъ намъ путь къ добродѣтели, показываетъ намъ оный и къ мудрости.

XI. И такъ тѣ справедливо думаютъ, кои утверждаютъ, что никто достигнуть мудрости не можетъ, ежели своей воли исправлять не будетъ.

§. 142.

Отъ мудрости *благоразумiе* отличается тѣмъ, что къ достиженiю конца мудро вымышленныя средства благоразумiе старается произвесть въ дѣло безъ замедленiя и остановки. Почему благоразумiе такъ нѣкоторые описываютъ: *что оно есть навыкъ выдуманныя мудростiю средства немедленно въ дѣло производить, чтобъ намѣреннаго конца достигнуть.*

§. 143.

Къ достиженiю благоразумiя не одинакой есть

путь,

пупь, мы изъ многихъ откроемъ только слѣдующіе.

I. Понеже благоразуміе не столько въ вымышленіи средствъ къ достиженію конца, какъ въ ихъ употребленіи состоитъ (§. 142.); то благоразумной человѣкъ долженъ вникать во всѣ дѣйствія обстоятельства, какъ то во время, въ мѣсто, и въ прочее, и сообразаться съ умами и нравами другихъ, и благовременнаго къ счастливому дѣла окончанію не упущать случая. Ибо статься можетъ, что изъ состоянія мѣста или времени, или людей, многіе происходятъ помѣшательства, достигнуть конца недопускающія, коль бы онъ тонко и остроумно вымышленъ ни былъ.

II. И такъ къ благоразумію или ко употребленію средствъ такому, какое къ полученію желаемаго конца способствуетъ, не довольно бываетъ того, чтобъ былъ кто ученымъ и весьма знающимъ человѣкомъ: (ибо и отъ самаго ученнѣйшаго сокрыты будущихъ дѣлъ причины) но требуется употребленіе и опытъ, кой по справедливости учителями благоразумія назвать можно. Ибо чемъ кто больше имѣлъ употребленія, и чемъ долговременнѣе при исправленіи труднѣйшихъ и запутанныхъ дѣлъ обращался, тѣмъ онъ лучше знаетъ, что такое тому или другому дѣлу, которое бы иной счелъ удобосовершимымъ, препятствуетъ, или по неспособности времени, или по состоянію мѣста Притомъ онъ знаетъ, какими средствами, и вспоможеніями, и въ какое также время, и въ какомъ мѣстѣ то или другое дѣло съ лучшимъ успѣхомъ и по желанію прежде произведено бывало. И такъ ежели подобныя въ исполненіи

пенїи какого либо дѣла обстоятельства причины стекутся, какїя и прежде были; то предугадываетъ онъ, что такїя же имѣютъ быть и послѣдствїя. Изъ чего видно, что случаевъ подобныхъ ожиданїе весьма много служитъ благоразумїю. Однако же сїе ожиданїе сколько насъ иногда обманываетъ, о томъ въ особливомъ разсужденїи *о ложномъ случаевъ подобныхъ ожиданїи* мною показано.

III. Какъ Исторїя учитъ насъ дѣянїямъ, и показываетъ удачныя или неудачныя оныхъ произшествїя, и не умалчиваетъ она о причинахъ и о помѣшательствахъ, для которыхъ намѣренїя и начинанїя или худой или хорошей успѣхъ имѣли; то можно разумѣть, что въ порядочномъ обученїи Исторїи великая сила и важность состоитъ къ снисканїю благоразумїя.

§. 144.

Искусство есть навыкъ душевными или тѣлесными силами то производить, чего посредствомъ природы одной, безъ собственнаго нашего раченїя, учинить не можемъ. Н. п. искусство дѣлать словопренїе, говорить рѣчи, танцовать, играть на инструментальной музыкѣ.

§. 145.

Къ снисканїю искусства ничто не можетъ быть полезнѣе и способнѣе всегдашняго упражненїя и употребленїя, въ чемъ и опытъ и привычки свойство насъ увѣряетъ. По чему древнїе давно уже сказали весьма справедливо: *употребленїе дѣлаетъ человѣка искуснымъ.*

ГЛАВА

ГЛАВА III.

О управленіи и умѣреніи страстей.

§. 146.

То, что мы теперь о укрощеніи страстей предложить имѣемъ, не къ тому клонится, чтобъ мы всѣ душевныя движенія совершенно изкоренить хотѣли. Ибо, пока мы въ сихъ плоти бренныя оковахъ заключены находимся, не можетъ сіе статься, а хотя бы и могло, но не было бы полезно человѣку. Тотъ человѣка дѣлаетъ не человѣкомъ, кто думаетъ, что надлежитъ стараться, чтобъ и малѣйшія страстей основанія истреблены были. Ты мнѣ говоришъ о пнѣ, или о камнѣ, а не о человѣкѣ, когда утверждаешъ, что безъ чувства, безъ вкуса, безъ радости, и безъ печали былъ, или есть какой нибудь человѣкъ.

§. 147.

Когда уже во Психологіи мы предложили, что ясной показываетъ способъ ко обузданію страстей; то мы много говорить о томъ не будемъ; но довольно будетъ сообщить въ сихъ не многихъ и краткихъ положеніяхъ общія нѣкоторыя правила.

I. Главной способъ къ обузданію движеній душевныхъ, или, что тоже значитъ, къ покоренію ихъ подъ власть разума, состоитъ въ томъ, чтобъ явственное о добрѣ и злѣ имѣть понятіе. Ибо всѣ страсти раждаются изъ представленій чувствъ и воображенія (§. 232. въ Мета.). И такъ если сіи представленія укротишъ

тимъ помощїю явственнаго познанїя, то и самую страстей силу преодолѣть и сокрушить возможешъ.

II. Многїя изъ сего произтекаютъ послѣдствїя. Всѣми силами, и съ возможнымъ тщанїемъ старайся познавать всякую вещь не такъ какъ она тебѣ кажется, но какъ она есть сама въ себѣ. Изъ сего послѣдовать можетъ то, что волненїя душевныя умѣрятся, и, какъ ручейки по высушкѣ источника, изъ коего произтекали, изсохнутъ.

III. Къ сокрушенїю въ насъ страстныхъ волненїй весьма много способствуетъ, ежели то, что духъ нашъ безпокоитъ, изъяснимъ другому на рѣчахъ живымъ голосомъ. Ибо такимъ образомъ понятїя, бывшїя прежде у насъ смятными, дѣлаются уже ясными, и подробнѣе обьясняются. Отъ чего бываетъ, что жаръ страстей прохлаждается, и все, что прежде духъ сильно волновало, въ тишину обращается.

Н. п. когда тяжкая печаль и скорбь безпокоитъ духъ твой, то возчувствуешъ скорби уменьшенїе, если другимъ выскажешъ о твоихъ терзанїяхъ, и порядочно изьяснишъ всѣ причины скорби твоея.

IV. Чувства внѣшнїя, яко двери страстей, заключать должно всевозможнымъ образомъ, чтобъ ни видѣть, ни слышать не могли того, отъ чего возбуждаемы бываютъ страсти.

V. А наипаче всѣхъ внѣшнихъ удаляйся случаевъ, кои какъ будто подложеннымъ огнемъ могутъ воспламенить страсти. Предметы, какъ говорятъ въ пословицѣ, чувства возбуждаютъ, а отъ чувствъ страсти возбуждаются.

VI.

VI. Понеже въ стремленіи страстей человѣкъ часто бываетъ столь безсиленъ, что ясно размышлять о томъ, что онъ дѣлаетъ, не можетъ, того для стараться надобно, чтобъ страсти, духъ возмущающія, отвращаемы были противными страстями, боязнь т. е. упованіемъ, печаль и скорбь веселостію, ненависть сожалѣніемъ. Ибо противныхъ родовъ страсти ни согласны между собой, ни совокупны быть въ одномъ мѣстѣ не могутъ.

VII. Надобно съ прилѣжаніемъ разсматривать, какіе вреды отъ владычества страстей раждаются, и какими бѣдствіями удручаютъ духъ и тѣло смутныя похотей стремленія.

Ежели ты оные вреды подробно и обстоятельно разсмотрѣть желаешъ, то можешъ прочесть, что во Психологіи сказали мы о пагубныхъ нѣкоторыхъ страстей послѣдствіяхъ.

VIII. Наипаче ежели не къ совершенному укрощенію стремительныхъ страстей, то конечно ко умѣренію ихъ не мало служитъ, если самымъ началамъ воспротивимся, и остерегаться станемъ, чтобъ искры въ душѣ запавшія не обратились въ такой пламень, которой бы чрезъ мѣру разпространяся не могъ уже быть и погашенъ.

IX. Дабы по преодолѣніи непріятеля, учинился ты побѣдителемъ, надлежитъ тебѣ смѣло итти на встрѣчу, и всевозможно силамъ вожделѣній сопротивляться. По одержанной не одинождьі побѣды трудъ покажется легчайшимъ, которой великимъ удовольствіемъ, и изобильнѣйшимъ спокойствія внутренняго плодомъ награжденъ быть имѣешъ,

Нѣтъ нужды здѣсь, да и было бы очень продолжительно, подробно исчислять всѣ правила, коими или радость, или печаль, или ненависть, или страхъ, или наконецъ гнѣвъ и отчаяніе уменьшены и усмирены быть могутъ. Можно посмотрѣть то, что нами во Психологіи о страстяхъ сказано

X. Поелику страстей совершенно искоренить не можно, то по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, когда душа волнуется оными, въ умѣренность приводить ихъ надобно, чтобъ преобратить ихъ въ орудія добродѣтели, и ко исправленію нашей воли.

ГЛАВА IV.

О умѣренности.

§. 148.

Хотя одна только находится добродѣтель, или навыкъ сообразовать свои дѣйствія съ закономъ естественнымъ; однако по различію должностей, требуемыхъ естественнымъ правомъ, разные увидитъ добродѣтели виды; разными означаемые имянами. Сіи виды и образы не суть новая какая добродѣтель, но по справедливости назвать ихъ можно отраслями, кои происходя отъ добродѣтели такъ, какъ отъ корня возрастаютъ. То есть какъ право естественное разныя въ разсужденіи души, тѣла, и внѣшняго состоянія предписываетъ намъ должности, то надобно намъ и разные показать способы по тѣмъ поступать должностямъ. Изъ чево выходитъ ученіе о добродѣтеляхъ *нравственными* называемыхъ.

§. 149.

§. 149.

Мы обязаны хранить жизнь, пещись о здоровьѣ, защищать тѣла члены отъ поврежденія, сниекивать и по надлежащему употреблять пищу и питіе, коими тѣло как̀е какъ нѣкіими подпорами укрѣпляется и проч. (§. 78). И такъ навыкъ, употреблять пищу и питье сходственно съ правилами, о здравіи предписанными, называется *умѣренностью*, неумѣренный же напротивъ тово въ употребленіи пищи и питья поступаетъ противъ должности.

§. 150.

Кто пищи и питья употребленіе съ закономъ естественнымъ сообразуетъ, или кто умѣренности держится, тотъ двухъ вещей крайне остерегаться долженъ.

I. Чтобъ не больше и не меньше пить да ѣсть, какъ сколько или здоровье тѣла, или естественная нужда требуетъ. А о мѣрѣ пищи и питія, кои употреблять должно, потому судить будетъ умѣренный человѣкъ, если онъ столько ѣсть имѣетъ сколько требуется къ возобновленію силъ, а не къ отягощенію оныхъ.

Нѣкоторые надлежащую пищи и питья мѣру сію предлагаютъ; *столько пей и ѣшь, чтобъ богопочитаніе, и должность твоя могли быть по надлежащему исправляемы.* А что тому или другому служитъ помѣшательствомъ, то превышаетъ уже мѣру настоящую.

II. Чтобъ не употреблять такой пищи и такого питья, которыя дѣлаютъ только позывъ къ обжирству, тѣло же твое, такъ какъ ядомъ коснодѣйствующимъ, снѣдаютъ, и разслабляютъ єво силы.

§ 151.

Много есть побужденій къ наблюденію умѣренности насъ преклоняющихъ: изъ которыхъ довольно будетъ упомянуть слѣдующія.

I. Нѣтъ ничего способнѣе къ укрѣпленію тѣлесныхъ силъ, и къ сохраненію здоровья въ неповрежденномъ состояніи, какъ умѣренность. Напротивъ того ничто болѣе не разстроиваетъ, и въ слабость не приводитъ тѣла, какъ неумѣренность. Помыслимъ убо, коль безумно и разуму противно за маловременными сластьми гоняться, которыя влекутъ къ излишествамъ, и вредятъ здоровье, по потеряніи коего, кто можетъ быть способенъ къ отправленію должностей?

II. Отъ умѣренности извѣстнѣйшій бываетъ плодъ, духъ веселой и спокойной, которой удивительно усматривается возмущенъ въ тѣхъ, кои въ пресыщеніяхъ, въ пьянствѣ и въ безчестныхъ домахъ вѣкъ свой провождаютъ.

III. И о томъ умолчать не надобно, что всѣ умѣренно живущіе, и отъ излишества въ пищѣ и въ питьѣ воздерживающіися, больше почерпаютъ услажденія отъ кушаньевъ и напитковъ, воздержно употребляемыхъ, нежели тѣ, кои невоздержно живутъ, и съ отвращеніемъ садятся за столъ, сомнѣваясь, за которое взяться имъ кушанье, По тому что отъ изобилія раждается отвращеніе.

IV. На конецъ помысли, пожалуй! какой ущербъ въ имѣніи, какое славы и чести умаленіе, сколь ужасныя въ совѣсти язвы и повреждения, сколь отвратительное пороковъ и

злодѣяній

злоключеній умноженіе происшекають отъ неумѣренности. Не должно и слушать тѣхъ, кои говорятъ, что многіе, хотя они на пирахъ богатыхъ ежедневно пресыщалися, хотя отъ пьянства и пированія рѣдко беспокойные пары изъ головъ своихъ выживали, однако и здоровы были тѣломъ, и до глубокой жили старости. Таковымъ людямъ можно противупоставить гораздо большее число тѣхъ, кои невоздержно и любострастно живучи безвременною смертію скончалися, и кои, для крѣпкаго и здороваго сложенія, могли бы дожить до самыхъ поздыхъ лѣтъ, предварили свою кончину. Къ сему можно и то еще прибавить, что не всѣ одинакими одарены отъ природы силами, а потому отъ невоздержности одного до старости достигшаго, не знаю, какъ можно заключить, что и тебѣ или другому можно жить невоздержно съ такою же надеждою.

§. 152.

Родъ невоздержности есть *пьянство*, которое по справедливости можно назвать неумѣренностію въ употребленіи такого напитка, отъ котораго голова кружится, и человѣкъ къ дѣламъ и къ отправленію должности своей дѣлается неспособнымъ.

§. 153.

Какіе мы отъ неумѣренности, вообще понимаемой, происходящіе вреды показали, тѣже безъ сумнѣнія и съ пьянствомъ соединены бываютъ. Однако къ помянутымъ присоединяются еще и другіе, кои съ однимъ только пьянствомъ сопряженными усматриваемъ.

I. Пьянство человѣка сумозброднымъ дѣлаетъ, лишая его разума, сего дара, коего человѣку ничто драгоцѣннѣе свыше дано быть не можетъ, превращаетъ его въ скотину; да и самыхъ несмысленныхъ животныхъ человѣкъ дѣлается хуже и бѣднѣе, когда онъ чувствъ своихъ лишается.

II. Пьяной лишенъ будучи управляющаго разума, къ предприятiю всякой нелѣпости, всякаго беззаконiя, всякой скверности, слѣпо устремляется. Все что надобнобъ было умолчать, таить, и во умѣ только содержать, безъ разбору, и безъ разсужденiя болтаетъ, и чтобъ употребить выраженiе Комическаго Стихотворца, весь будучи въ щеляхъ всюду протекаетъ; и толико бываетъ сумозброденъ, что между трезвыми бѣсится, а часто и самъ на себя свирѣпѣетъ.

III. Сверьхъ того, по изтрезвленiи, мысль студомъ и раскаянiемъ толь сильно возмущается, что едва отъ отчаянiя къ надеждѣ, отъ смутнѣйшаго состоянiя къ тишинѣ преклониться можетъ.

§. 154.

Сколько зла или душѣ, или тѣлу, или чести, или имѣнiю пьянство причиняетъ, столько пользы и выгодъ отъ трезвости ожидать можно. А *трезвость* не иное что есть, какъ добродѣтель дѣйствiя наши во употребленiи питья сходственно съ закономъ управляющая. Она тѣже самыя приноситъ намъ выгоды, которыя происходятъ и отъ умѣренности.

ГЛАВА

ГЛАВА V.

О цѣломудрїи.

§. 155.

Какъ, по предводительству умѣренности, въ разсужденїи пищи и питїя, такимъ образомъ мы поступаемъ, что естественному удовлетворяемъ закону: равнымъ образомъ и цѣломудрїе любовными въ насъ похотями управляетъ такъ, что естественнаго закона предписанїя нами наблюдаемы бываютъ. А потому *цѣломудрїе* есть добродѣтель любовную въ насъ похоть соумѣривающая съ естественнымъ закономъ.

§. 156.

И такъ цѣломудрїе, или чистота отъ насъ требуетъ, чтобъ похотьми силъ нашего тѣла мы не умаляли, и чтобъ, по истощенїи соковъ жизненныхъ, подъ старость нашего тѣла дряхлымъ не учинили. Ибо между должностями, до тѣла касающимися, самой первой есть тотъ законъ, чтобъ мы берегли тѣло и укрѣпляющїе его здоровье силы.

§. 157.

Много есть одобренїй цѣломудрїю; изъ коихъ примѣчай слѣдующїя:

I. Ненасытныя тѣлесныя похоти, безразсудно и необузданно къ полученїю желаемаго услажденїя стремящїяся, все души свѣтило погашаютъ такъ, что, при господствованїи по-

хоти, ничего въ мысляхъ предпринять, и разумомъ уже исполнить не можно.

II. Наипаче же тѣло необузданною воспаленное похотїю ужаснымъ образомъ обезсиливаетъ, и невидимымъ нѣкїимъ огнемъ снѣдается такъ, что презрѣнїе къ чистотѣ часто мы видимъ отмщаемое безвременною и наигнуснѣйшею смертїю.

III. Колькимъ безславїемъ посрамляютъ и помрачаютъ имя свое тѣ, кои всякому похоти стремленїю безъ сопротивленїя послѣдуютъ, всякой, и безъ моего увѣдомленїя, разумѣетъ.

IV. Упадокъ въ домостроительствѣ и ущербъ имѣнїя отъ жизни похотливой отдѣленъ быть не можетъ. Ежели все сїе во едино совокупя разсмотришъ со вниманїемъ, то не будешъ сомнѣваться, что цѣломудренность, яко хранительницу душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, такъ же чести нашей и имѣнїя высоко цѣнить должно, и, по усмиренїи похотливаго стремленїя, наипщательнѣйшимъ образомъ наблюдать оную:

§. 158.

По чему вмѣняй себѣ за долгъ.

I. Отъ всего того, что возбуждаетъ и поощряетъ похоть, яко отъ подводнаго камня удаляться.

II. Отнять у похоти то, что служитъ къ ея питанїю, то есть кушаньи съ излишними приправами и со изобилїемъ изготовленныя, и напитки огнь любострастный въ тебѣ возбуждающїя.

Ибо

Ибо безъ хлѣба и вина, какъ говорится, Венера теряетъ свою силу.

III. Убѣгать обращенія и пріязни съ тѣми людьми, кои соблазнительными разговорами скверняшъ цѣломудренныя твои уши.

IV. Не бери въ свои руки шакихъ книгъ, въ коихъ любовная наука преподается, и сквернословныхъ стихотворцовъ, и негодныхъ любви учителей рачительно отвращайся.

V. Удручать трудами тѣло, и во всегдашнемъ содержать его движеніи, въ чемъ, по моему мнѣнію, весьма дѣйствительное противъ похоти врачевство скрывается.

Похоть, цѣломудрію противополагаемая, о которой упомянуто въ предшествующихъ положеніяхъ, не иное что есть, какъ такое души стремленіе, коимъ она восхищается къ дѣйствіямъ противнымъ цѣломудрію. Вышшій похоти степень разжизаніемъ или похотливостію называется.

ГЛАВА VI.

О прилѣжности, щедротѣ, и економіи, или умѣренномъ иждивеніи.

§. 159.

По сихъ мѣстъ говорили мы о тѣхъ добродѣтеляхъ, въ коихъ наблюденіи все относится къ сохраненію тѣла, и къ соблюденію здоровья. Теперь о тѣхъ изъясненіе представимъ, коихъ наблюденіе служитъ особливо или къ пріобрѣтенію, или къ сохраненію, или ко умноженію достатка или имѣнія.

§. 160.

Чрезъ *прилѣжность* разумѣемъ мы такую добродѣтель, которая въ трудахъ нашими управляетъ дѣйствіями по предписанію естественнаго закона. Чрезъ *лѣность* же разумѣемъ удаленіе или упущеніе тѣхъ трудовъ, къ коимъ мы естественнымъ обязаны закономъ.

Однако же отъ лѣности сея, или отъ праздности, мы отличаемъ *раздыхъ*, или *честное* и *безпредное отдохновеніе*. Оное же въ томъ состоитъ, когда мы честнымъ нѣкоимъ духа успокоеніемъ ежедневные перемѣжаемъ иногда труды съ тѣмъ, чтобъ возобновить силы, кои всегдашняго напряженія понесть не могутъ.

§. 161.

Малодовольствіе есть надлежащее желаніе такого стяжанія, кое къ исправленію житейскихъ нуждъ, и къ благопристойности требуется. Сіе желаніе, если оно превосходитъ мѣру естественнымъ закономъ предписанную, называется *сребролюбіемъ*, которое есть неумѣренное желаніе больше накоплять имѣнія, нежели сколько того для нуждъ житейскихъ, и для благопристойности требуется, и сколько по обстоятельствамъ нашего состоянія намъ достать можно. Ежели кто о сниканіи себѣ имѣнія ни мало не помышляетъ, то такого мы *безпечнымъ* называемъ.

§. 162.

Упомянутыя по сіе мѣсто добродѣтели или пороки наипаче относятся къ снисканію имѣнія.

Теперь

Теперь кратчайшимъ упомянемъ образомъ о тѣхъ добродѣтеляхъ, или порокахъ, кои въ проживаніи имѣнія и въ денежномъ расходѣ достойны примѣчанія.

§. 163.

Весьма много есть такихъ людей, кои въ издерживаніи денегъ мѣру переступаютъ; таковыхъ мы называемъ *расточительными*, а порокъ оный, коимъ мѣра переступается въ иждивеніяхъ, называется *расточеніемъ имѣнія*, или *мотовствомъ*. Тотъ, кто свои расходы сходственно съ естественнымъ ведетъ закономъ, называется *економнымъ человѣкомъ*: а благоразуміе въ умѣреніи расходовъ называется *доброю економіею*. Сверхъ сихъ есть еще другіе, кои того, чего самая нужда и благопристойность требуютъ, не хотятъ тратить, таковыхъ *скупыми* называемъ. Самая же скупость не иное что есть, какъ порокъ меньше издерживать, нежели какъ требуютъ нужды или благопристойность. Когда она въ большей степени бываетъ, то ее по простому нарѣчію *скряжествомъ* имянуютъ.

§. 164.

Изъ сихъ обстоятельно изъясненныхъ понятій слѣдующія выведемъ положенія.

I. Трудолюбиваго или прилѣжнаго сіи почти суть знаки: Онъ никогда не устрашается трудовъ, однако же наблюдаетъ въ нихъ такую мѣру, что излишними, и могущество его превышающими трудами тѣлесныхъ силъ не истощаетъ. Ибо онъ предпріемлетъ труды свои сходственно съ естественнымъ закономъ (§. 160). Естественный же законъ предписываетъ, чтобы мы тѣло и здоровье хранили, и попорченное врачевали (§. 178).

II. И по тому трудолюбивой иногда, сколько къ укрѣпленїю силъ потребно, беретъ себѣ отдохновенїе, но остерегается при томъ, чтобъ оное не обратилося въ непростительную праздность (§. 160).

III. Трудолюбивой въ постыдные и въ бесчестные труды не вступаетъ, но такїе предпрїемлетъ, кои его чину и состоянїю соотвѣтствуютъ. Ибо того требуетъ естественный законъ (§. 78. пол. XVI.).

IV. Прямо трудолюбивой человѣкъ не бываетъ сребролюбцомъ. Ибо хотя онъ тогда, какъ суровости трудовъ претерпѣваетъ, всѣ свои дѣйствїя склоняетъ на тотъ конецъ, чтобъ нажить себѣ имѣнїе къ пропитанїю и къ одѣянїю себя потребное (§. 78. пол. XIV.), однако не жаждетъ онаго больше, нежели какъ естественный законъ и здравой разумъ требуетъ. Ибо сообразуетъ онъ свои дѣйствїя съ естественнымъ закономъ (§. 160), а по тому и сребролюбцомъ не бываетъ (§. 161).

Лѣниваго и безпечнаго человѣка знаки и свойства противнымъ образомъ удобно могутъ быть открыты.

§. 165.

Къ возбужденїю прилѣжанїя и ко умѣренїю лѣности сїе, какъ думаю, служить можетъ.

I. Хотѣть жить, но нехотѣть пещись о томъ, чемъ бы жить, крайнее есть безумїе.

II. Тѣло наше такъ сооружено, что безъ всегдашняго движенїя и безъ упражненїя въ трудахъ согниваетъ, и, по поврежденїи соковъ, подвергается болѣзнямъ, кои на конецъ вошедши въ жилы, и во внутреннїя части онаго неудобно изгоняемы бываютъ.

III. Чемъ больше въ трудахъ ученыхъ, ежели только ученїе за трудъ паче нежели за услажденїе почитать должно, умъ твой содержать будешъ, тѣмъ лучше онъ просвѣщается и совершается, а въ праздности онъ грубѣетъ, и силы разума отъ лѣности истощаются.

IV. Сїе притомъ должно принять въ разсужденїе, что праздность къ похотливости и къ другимъ премногимъ порокамъ весьма посрамительнымъ дверь намъ отверзаетъ. Ибо когда праздной ничего дѣлать не имѣетъ, то ему времени продолженїе дѣлается скучнымъ. А чтобъ скучное оное время развеселить чемъ ни будь и провесть, то или товарищества ищетъ, или обращается въ веселыхъ пирахъ и въ бражничествѣ, или будучи на единѣ умъ свой и размышленїя къ тому устремляетъ, въ чемъ надѣется повеселѣе препровесть время, и удовлетворить своимъ вожделѣнїямъ. Отсюда расточенїе, блудныя дѣла, воровство, грабежи, тяжбы, а иногда убїйства раждаются; на последокъ нѣтъ почти ни единаго грѣха, ни единаго зла, къ предпрїятїю бы коего праздность и лѣность не привлекали.

§. 166.

Сїе сказано о трудѣ и о праздности. Теперь предложимъ тѣ неоспоримыя истины, которыя къ обьясненїю добродѣтелей и пороковъ въ снискиванїи имѣнїя примѣчаемыхъ служатъ.

I. Кто жребїемъ своимъ бываетъ доволенъ, тотъ не отвергаетъ, и не хочетъ, по примѣру нѣкоего Философа древняго, бросать въ море даемаго ему отъ счастїя имѣнїя, да и не жадничаетъ такъ же онаго, или когда желаетъ

лаетъ, то желаетъ столько, сколько на естественныя нужды надобно, и сколько честнымъ и пристойнымъ образомъ снискано быть можетъ (§. 154.).

II. Малодовольство дѣлаетъ то, что человѣкъ мысленно будучи спокоенъ, не мучится боязнію о потеряніи имѣнія.

III. Или когда онаго лишится, то не жалуется такъ, какъ сребролюбецъ объ отнятіи у него всякаго утѣшенія, и о потеряніи всякой надежды, но предается совершенно управляющему дѣлами человѣческими божественному промыслу.

IV. Малодовольной человѣкъ не чахнетъ, какъ одинъ стихотворецъ говоритъ, смотря на тучное стяжаніе другаго, но какое кому различествующее счастіе ни опредѣлило имѣніе, ни отъ прибавленія онаго себя бѣднѣе, ни отъ уменьшенія его себя лучше и благополучнѣе не почитаетъ.

V. Совсемъ инако дѣлается со скупымъ; какъ онъ ненасытнымъ къ снисканію и умноженію имѣнія возженъ желаніемъ такъ, что 1) ни дѣлаетъ, что ни мыслитъ, и что ни затѣваетъ, все къ тому клонитъ, чтобъ скопить имѣніе, и то не въ пользу ни себѣ, ни кому другому, но только чтобъ имѣть оное. 2) Нѣтъ въ его душѣ никогда спокойствія и тишины, но или жадностью снискиванія онаго, или боязнію его потерянія завсегда томится. 3) Онъ безпрестанно жалуется, завидуетъ, о будущемъ бываетъ заботливъ и труслив, о благопристойномъ себя нарядѣ не радитъ и проч.

VI.

VI. Умѣренной же и економливой человѣкъ имѣнія своего не расточаетъ, да и не хранитъ ево столь пристально, чтобъ честное паче имя, нежели хотѣть одну монету потерять согласился.

VII. Сребролюбіе достойнымъ отвращенія дѣлаютъ какъ иныя многія вещи, такъ наипаче то, что сребролюбецъ всѣмъ честнымъ людямъ бываетъ ненавистенъ, и посмѣятеленъ, и ниже себѣ, ниже кому другому, развѣ только по смерти полезенъ является.

VIII. Какъ расточитель издерживаетъ больше, нежели сколько житейскія нужды или пристойность требуютъ, то безъ сумнѣнія нѣтъ извѣстнѣйшаго къ убожеству и къ истратѣ стяжанія пути, какъ мотовство и расточеніе.

Хотя есть еще и другіе большіе отъ мотовства происходящія несгоды, однакоже и сей одной довольно къ показанію того, коль худо и вредно бываетъ расточеніе.

§. 167.

Щедрота есть добродѣтель управляющая дѣйствіями нашими въ разпредѣленіи подарковъ и въ раздаваніи милостыней Ежели она бываетъ въ большей нѣсколько степени, называется благородною щедротою или великодушіемъ.

§. 168.

Изящность щедроты въ сихъ можно заключить положеніяхъ:

I. Щедрой и благотворительной человѣкъ думаетъ, что для того дано ему богатство, чтобъ неимущимъ удѣлялъ отъ онаго. По чему щедрой не можетъ быть сребролюбцомъ.

II. Хотя щедрой не скупъ, и не корыстолюбивъ бываетъ, однако съ другой стороны безъ разума щедротъ не сыплетъ такъ, чтобъ, по истощенiи благотворительнаго источника, самому на конецъ недостатокъ имѣть въ томъ, что въ житiи потребно. И такъ видишъ, что между щедротою и расточенiемъ находится весьма великое различiе.

III. Щедрымъ быть никто совершенно не обязанъ, за тѣмъ что другихъ дарить, и раздавать имъ милостыни, никто совершенно не обязуется, или не принуждается.

И такъ здѣсь, что любовь совѣтуетъ и честность, разсматривай: 1) можешъ ли ты полезенъ быть другимъ не дѣлая вреда себѣ самому. 2) Достойны ли благотворенiя тѣ, коимъ служить желаешъ, то есть, такiе ли онѣ, чтобъ себѣ, и состоянiю своему помочь были не въ состоянiи. Вмѣсто всѣхъ до умѣренiя щедроты касающихся правилъ можетъ Цицероново служить изреченiе слѣдующее: ,,Не должно, говоритъ онъ, такъ заключать имѣ- ,,нiя, чтобъ милосердiе отомкнуть не могло онаго: ,,да и не такъ разкрывать его надобно, чтобъ всѣмъ ,,было отверсто и невозбранно. Мѣра въ етомъ ,,нужна, о которой судить можно смотря по имѣ- ,,нiю каждаго и достатку. О должн. Кн. 2. Гл. 15.

ГЛАВА VII.

О смиренномудрїи или невозносчивости.

§. 169.

Естественный законъ повелѣваетъ намъ о славѣ и чести имѣть попеченїе, и о томъ не нерадѣть, что люди объ насъ думаютъ. А какъ основанїемъ чести есть добродѣтель (§. 86 пол. I), то тѣмъ же самымъ путемъ, которой ведетъ къ добродѣтели, и до чести достигаемъ.

§. 170.

Добродѣтель оная, которая всѣ наши помышленїя и дѣйствїя въ снисканїи похвалы и чести соображаетъ съ закономъ естественнымъ, *смиренномудрїемъ* или *непозносчипостїю* называется. И тотъ, кто въ снисканїи похвалы и чести руководству разума послѣдуетъ, и отъ правила его не отступаетъ, называется *смиренномудрымъ*. Ежели же кто гоняется за честьми, коихъ онъ не стоитъ, или получить не можетъ, то таковый обыкновенно называется *пысокоумнымъ* или *честолюбипымъ*. Ибо *пысокоумїе* есть порокъ жадничать такихъ честей, коихъ или не заслуживаетъ жаждущїй, или не можетъ ихъ достигнуть. Ежели же кто такъ смиренъ, и уничиженъ, что и славу и безславїе за одно считаетъ, и о чести, или лучше сказать, о виновницѣ ея добродѣтели не помышляетъ, таковый хоть просто, но значительно названъ быть можетъ *нискомысленнымъ*.

§. 171.

Смиренномудрія и смиренномудрыхъ людей свойственные знаки таковы:

I. Смиренномудрые всѣ ума и духа своего силы напрягаютъ, что бы добродѣтелей красотою блистать, и стяжаемыя дарованія свои ясными опытами другимъ показать, а при потребномъ случаѣ и всенародно изъявлять оныя наружу.

II. Смиренномудрые къ добродѣтелямъ и ко украшеніямъ ума стремяся людскихъ о себѣ мнѣній и разсужденія не столько домогаются, сколько ожидаютъ, а лишаемы будучи похвалы ни мало не безпокоятся.

III. Смиренномудрый ни больше не приписуетъ себѣ, ни меньше, нежели какъ прилично, но тѣмъ себя цѣнитъ, чемъ въ самой вещи себя видитъ. Кто такимъ поступаетъ образомъ, тотъ *униженнымъ* называется. А кто больше, нежели надлежитъ, себѣ приписуетъ, тотъ *высокоумнымъ* имянуется.

IV. Изъ сего честолюбцовъ и честолюбія свойственные знаки видны. Честолюбецъ хотя всѣхъ добродѣтелей чуждъ есть; однако съ крайнею нетерпѣливостію тово жадничаетъ единственно, чтобъ другіе хорошо объ немъ мыслили.

V. Честолюбцы непомѣрною славы жадностію будучи воспалены, хотятъ, какъ кажется, насильно отъ другихъ исторгнуть честь, и принудить ихъ, чтобъ сіи хорошо объ нихъ думали.

VI. Сіи же самые люди за тѣнію славы, и

не

не за добродѣтелью самою, но за одними только ея знаками гоняются, кои и самой негодной человѣкъ снискать себѣ можетъ. Каковы суть н. п. титулы, первыя мѣста, и проч.

VII. Чтобъ во ушахъ другихъ людей хорошее о добродѣтеляхъ своихъ произвесть мнѣнїе, сами обыкновенно себя и свои хвалятъ качества, и по большой части ложное о себѣ высказываютъ. Сколько же въ етомъ находится нелѣпости, я показалъ ето въ разсужденїи моемъ о самохвальствѣ.

VIII. Кто честолюбца на истинной путь наставить хочетъ, тотъ долженъ показать ему, въ чемъ состоитъ истинное украшенїе, и коль суетна или пустая, лучше сказать, слава есть та, коея кто ищетъ, или въ изобилїи богатства, или въ породѣ знатной, или на конецъ въ пышномъ титуловъ и почестей снарядѣ.

IX. Подлаго духа человѣкъ по тому труднѣе исправляется, что онъ ни малаго о честности старанїя не имѣетъ, и потерявъ весь стыдъ, людскїя объ немъ мнѣнїя какъ добрыя такъ и худыя за одно почитаетъ.

X. По елику высокоумный, котораго съ честолюбцомъ смѣшивать не надобно, больше себѣ приписуетъ, нежели какъ должно, то надлежитъ, если исправить его, и возвышенной сво духъ усмирить желаешъ, представить ему. 1) Сколь мало, или почти ничего, не имѣетъ онъ того, чемъ бы могъ гордиться. 2) По чему должно высокоумнаго приводить въ познанїе его самаго, и заставить разсмотрѣть внутренность души своей, дабы онъ увидѣлъ, коль

онъ

онъ не великое имѣетъ въ себѣ сокровище. 3) Наипаче же къ униженїю пышности, и къ оставленїю ложнаго и напраснаго о себѣ мнѣнїя сильно бываетъ то, если заставятъ сравнять себя съ другими лучщими и превосходнѣйшими его людьми. 4) На конецъ какъ высокоумнаго почти его собственной есть порокъ, чтобъ презирать другихъ, и почитать ихъ ниже себя, то представить ему надобно, коль опасно и ненавистно себя предъ другими возвышать, и отнимать у нихъ честь, по достоинству имъ принадлежащую.

ГЛАВА VIII.

О добродѣтеляхъ въ щастїи и въ нещастїи.

§. 172.

Понеже злоключенїя духъ многихъ людей такъ часто поражаютъ, что сокрушены и разслаблены будучи къ отправленїю прочихъ своихъ должностей дѣлаются безсильны; то въ Нравоучительной Философїи весьма нужно показать, какимъ образомъ противъ смутнѣйшихъ нещастїя стремленїй они защищать себя могутъ.

§. 173.

Навыкъ свои дѣйствїя въ несчастїи сходственно съ естественнымъ закономъ устроевать, называется *терпѣнїемъ*, которое въ томъ наипаче усматривается

тривается, когда духъ при нападенiи бѣдствiй спокоенъ и непоколебимъ бываетъ.

§. 174.

Къ успокоенiю духа въ злоключенiяхъ сверьхъ прочаго и то, о чемъ теперь сказать слѣдуетъ, весьма послужить можетъ.

I. Представь себѣ, что случившееся несчастiе твое въ числѣ такихъ вещей находится, кои ни благоразумiемъ, ниже силами нашими перемѣнены быть не могутъ. И такъ сѣтованiя и печали твои всѣ тщетны для тебя, коими зло тебѣ приключившееся не только не уменьшается, и не прекращается, но еще напротивъ того умножается такъ, что ты боли твоей самъ усугубителемъ бываешъ.

II. Умъ должно живымъ и явственнымъ Божiя промысла познанiемъ напитать. Ибо провидѣнiе Божiе какъ всѣми дѣлами человѣческими, такъ счастiемъ и несчастьемъ управляетъ, и владычествуетъ надъ оными. И ежели кто думаетъ, что онъ провидѣнiя Божiя опредѣленiе можетъ своими сѣтованiями перемѣнить, то онъ доказываетъ явственно, что онъ нарочито безумствуетъ.

III. Сверьхъ сего и то еще къ успокоенiю духа въ несчастiи много имѣетъ силы, если кто размышленiя свои отъ настоящей бѣдствiй горести обративъ къ слѣдствiямъ и пользамъ оныхъ, далеко впредь взоръ свой простираетъ, и принимаетъ въ разсужденiе, что какъ отъ лѣкарствъ горчайшихъ послѣдуетъ тѣла здоровье, такъ и отъ несчастiй сладчайшiе душѣ и тѣлу раждаются плоды.

IV.

IV. И не знаю естьли что способнѣе къ предъограждению души противъ напастей злосчастія, какъ если заблаговременно въ нашемъ еще счастіи размышлять будемъ, какимъ фортуны ударамъ и пораженіямъ подвержена жизнь наша, и коль различнымъ перемѣнамъ нынѣшнее наше счастіе подлежитъ.

Сюда принадлежитъ то, что мы привели изъ Теренція въ Мета. стр. 295. Къ сему я присовокупляю еще и Цицероново изреченіе: ,,все, говоритъ онъ, люгда наипаче, какъ счастіе бываетъ ,,весьма къ нимъ благосклонно должны размышлять ,,предварительно, какъ сносить несчастіе, если ,,оно имъ приключится,,. 3 Туск.

§. 175.

Какъ терпѣніе къ успокоенію духа во время несчастія весьма много вспомоществуетъ, такъ великодушіе при подверженіи себя опасностямъ управляетъ дѣйствіями нашими сходственно съ естественнымъ закономъ. Ибо *великодушіе* есть добродѣтель умѣривающая въ опасностяхъ боязнь по закону естественному.

Цицеронъ такимъ образомъ описываетъ мужество: есть наука сносить трудности, или духа ,,качество въ терпѣніи и понесеніи золъ высочай- ,,шему закону безбоязненно повинующееся,, 4. Тускул.

§. 176.

Положенія, кои о свойствѣ и о вспоможеніяхъ великодушія примѣчанія достойны, суть слѣдующія.

I.

I. Истинно мужественный человѣкъ ни отваживается слѣпо, ниже страшится безрассудно. Ибо какъ первое противно естественному закону, жизнь нашу какъ возможно соблюдать повелѣвающему, и безъ причины опасностямъ ее подвергать запрещающему: такъ и послѣднее несогласно съ тѣмъ же закономъ. Ибо естественнымъ закономъ опредѣлено, чтобъ мы себя и свою жизнь, и всѣ блага свыше намъ ниспосланныя отъ непрїятельскихъ напастей защищали. А какъ часто сего безъ настоящей жизни опасности учинить не возможно, то явствуетъ, что безбоязненно, и безъ отговорокъ долженъ ты итти на опасности, которымъ по необходимости и за доброе дѣло подвергать себя надобно.

II. Если же кто, безъ всякой нужды, и не за честное дѣло подвергаетъ жизнь свою опасности, то онъ *дерскимъ* называется. А порокъ тотъ, когда безъ нужды кто и безъ причины всякой жизнь свою опасности подвергаетъ, *дерзостїю* или *безрассудствомъ* называется.

III. Хотя по природѣ боязливаго и не можно ободрить, сколько бы кто ни предлагалъ ему убѣжденїй, кои духъ къ презрѣнїю опасностей побудить могутъ; однако не мало къ уменьшенїю боязливости служить будутъ слѣдующїя представленїя. 1) Ежели скажешъ, что опасность не такъ велика, какъ она трусливому представляется. 2) Если покажешъ ему, что отъ побѣды надъ непрїятелемъ много произойдетъ ему пользы и славы. 3) Естьли на конецъ внушить ему, сколько долженъ онъ отечеству, отъ котораго цѣлости безопасность каждаго отдѣльна быть не можетъ.

IV. Ко укрощенію дерзости и опрометчивости сверьхъ прочаго весьма служитъ то, что тотъ справедливо почитается самоубійцею, кто дерзко въ опасности бросается, и что больше посрамленія, нежели славы отъ того раждается, если кто самъ собою и своею винностію навлекаетъ на себя бѣдствія или смерть не нужную. Можно сыскать и другія подобныя представленія.

§. 177.

Какъ въ злоключеніяхъ остерегаться надобно, чтобъ не быть намъ малодушными и унылыми, такъ при благополучномъ нашемъ состояніи надобно беречься, чтобъ не возноситься пышностію и презорчивостію, и чтобъ духъ отвлекать отъ гордости. Добродѣтель управляющая нашими дѣйствіями, во время счастія, сходственно съ естественнымъ закономъ, называется *духа умѣренностію*.

§. 178.

Средства къ содержанію духа въ умѣренности суть слѣдующія:

I. Помышляй, что счастіе мгновенно можетъ въ несчастіе превратиться, и бѣдствіе, пока благополученъ находишся, безпрестанно, или яко имѣющее когда ни будь тебя постигнуть, или уже наступающее твоимъ представляй мыслямъ. Духъ хорошо расположенный опасается, какъ говоритъ Горацій, перемѣннаго жребія тогда, какъ счастіемъ наслаждается. Горацій Ода 10. Кн. 11.

II. Никто такъ не навлекаетъ себѣ гнѣ-

ва и ненависти отъ всѣхъ, какъ тѣ, которые бывъ прежде благонравными, послѣ же властію, могуществомъ и счастіемъ измѣняются.

III. И о томъ какъ возможно прилѣжнѣе помышляй, что ты, какъ скоро не станетъ счастья твоего, и какъ съ сильнѣйшимъ стремленіемъ спадешъ ты съ высоты, то будешъ у всѣхъ въ посмѣяніи, и никто за прежнюю твою гордость жалѣть о тебѣ не станетъ.

ГЛАВА IX.

О добродѣтеляхъ къ другимъ относящихся.

§. 179.

Какъ естественный законъ повелѣваетъ каждому человѣку изъявлять любовь, о которой мы сказали, что она въ исполненіи должностей, къ ближнимъ принадлежащихъ, великую имѣетъ силу, то и показать теперь надобно подробнѣе, какимъ способомъ возбуждается и хранится въ насъ оная.

§. 180.

Много есть способовъ коими искры любви къ другимъ возжигаемы и питаемы быть могутъ, но изъ многихъ довольно предложить слѣдующія:

I. Не можно сомнѣваться, что чемъ горячае другихъ любить будешъ, тѣмъ удобнѣе и сильнѣе умы другихъ къ благотворенію тебѣ

бѣ, и къ умноженїю твоего счастїя возбудишъ. Ибо когда мы кого нѣжнѣйшимъ любимъ образомъ, то и любимой нами, если не будетъ онъ безъ чувства, и безъ вкуса, взаимно насъ любить побуждается чувствительнѣйшимъ образомъ. А по сему любя другихъ и сами мы счастливѣйшими дѣлаемся.

II. Къ возбужденїю въ насъ любви къ другимъ весьма много намъ способствуетъ, ежели отъ самаго младенчества приобучаемся все въ другихъ, похвальное, изрядное, и достопочтенное, со всевозможною прилѣжностїю, и съ напряженнымъ вниманїемъ разсматривать; а тѣхъ безрассудно не слушаться, которые тово и смотрятъ, чтобъ цѣнить другихъ, и ихъ порочить.

III. Къ любленїю ближнихъ какъ бы нѣкоторыя приглашенїя содержитъ извѣстное оное, и всѣми употребляемое правило: „чево „самъ себѣ желаешь, то дѣлай и другому, а чево „на противъ самъ себѣ не хочешъ, тово и другому „не дѣлай„. Представь что тебя никто не любитъ, и что ты толико всѣмъ ненавистенъ, что всякъ тово же съ тобою общества или умаляетъ клеветами честь твою, или умыселъ строитъ твоему богатству, или тайными какъ будто подкопами испровергнуть хочетъ твое благосостоянїе. Все сїе можетъ ли тебѣ прїятно быть? не думаю. Чтоже? будь увѣренъ, что такое же чувствїе возбуждается въ душѣ другихъ, когда ихъ оскорбишъ, какое производятъ въ тебѣ оклеветанїя и оскорбленїя тебѣ причиняемыя.

§. 181.

Въ должностяхъ къ непрїятелямъ встрѣчается

добродѣтель

добродѣтель называемая *кротостїю* или *удобопреклонностїю*.

§. 182.

Сила кротости изъявляется наипаче въ утоленїи гнѣва и въ снесенїи обидъ. Ибо *кротость* есть добродѣтель, сообразующая наши дѣйствїя съ закономъ естественнымъ, во время чинимыхъ намъ обидъ другими.

§. 183.

Кроткаго человѣка сїи почти бываютъ знаки.

I. Человѣкъ кроткой и къ миру склонной никому вредить и досадовать не хочетъ, хотя бы онъ и раздраженъ былъ.

II. Кроткой такъ прощаетъ, какъ бы самъ ежедневно согрѣшалъ, и умилостивляется даже къ тѣмъ, кои прощать никому какъ только себѣ, не знаютъ.

III. Кроткой зла за зло воздавать не любитъ, то есть, обидъ своихъ не мститъ. Ибо *мщенїе* или *месть* не иное что есть, какъ желанїе воздавать зло за зло.

IV. Кроткой человѣкъ всегда благородной имѣетъ духъ въ разсужденїи непрїятелей своихъ. *Благородной же духъ* состоитъ въ томъ, если кто, хотя бы и могъ, не мститъ за обиды ему нанесенныя.

§. 184.

Сверьхъ многихъ другихъ представленїй духъ къ кротости и къ снихожденїю возбудить могущихъ, сїи наипаче къ наблюденїю етой добродѣтели служить намъ могутъ.

I. Представь, что ето низкаго и малаго духа есть знакъ, если кому малѣйшїе обидъ колкости чувствительны бываютъ.

Слѣдующее Сенеки изреченїе весьма изрядно: ,,свойство, говоритъ онъ, великаго духа есть та-,,кое, чтобъ быть тихимъ и спокойнымъ, и оби-,,ды всѣ и огорченїя презирать; женское же на-,,противъ дѣло, бѣситься въ гнѣвѣ, звѣрей же, и ,,то подлыхъ дѣло, грызть и таскать тѣхъ, кои ,,на земли уже повержены.

II. Ежели кого ты обидчикомъ твоимъ почитаешъ, то разсуди самъ въ себѣ, въ чемъ честь прямая состоитъ, и въ чемъ посрамленїе. Всѣ обиды и оккевстанїя какїя бы они ни были, ни мало не сильны уменьшить истинную честь; потому что честь утверждается на добродѣтели, которая никогда отъемлема быть не можетъ.

III. Если обидъ сносить не можешъ, и мстить за оныя стараешься, то что иное ты дѣлаешь, ежели не больше духъ твой возмущаешъ, и раздражаешъ твоего врага, коего бы лучше побѣдить уступкой.

IV. На конецъ какъ всѣ обиды, коихъ не заслуживаешъ ты, въ числѣ злоключенїй полагаются; то явствуетъ, что тоже самое учитъ насъ умѣренности въ претерпѣнїи обидъ, что, какъ сказали мы, полезно къ понесенїю съ терпѣнїемъ несчастїя.

§. 185.

Есть сверьхъ того нѣкоторыя добродѣтели, кои съ должностьми къ другимъ въ разговариванїи и въ обѣщанїи неразрывнымъ соединены союзомъ, а имянно, *правдивость* и *молчаливость*.

§. 186.

§. 186.

Правдивостїю называемъ ту добродѣтель, которая управляетъ рѣчью сходственно съ естественнымъ закономъ, или когда въ рѣчи сходствуютъ мысли съ устами.

§. 187.

Хотя бываютъ такїя времена, въ кои ложно говорить не только позволительно, но и нужно, какъ выше нами показано; однако честнаго человѣка долгъ есть, ни кого не обманывать, и не держать одно въ готовности на языкѣ, другое же въ сердцѣ потаенное. Причины тому слѣдующїя:

I. Кто ко лжамъ привыкъ, и другихъ своимъ пустословьемъ обманулъ не однократно, тотъ подлинно, какъ ложь его усмотрится, дѣлаетъ то, что никто ему больше уже не станетъ вѣрить. А, по потерянїи къ тебѣ довѣренности, какъ ты можешъ быть полезенъ обществу?

Справедливо Цицеронъ сказалъ: ,,когда кто ,,единожды клятву преступилъ, (а между лжецомъ ,,и клятвопреступникомъ нѣтъ разности ни малой: ,,ибо кто лжотъ, тотъ привыкъ и клятву пре-,,ступать), такому послѣ вѣрить, хотя бы онъ и ,,всѣми святыми клялся, не надобно. За Кайя Раб. ,,Посту.

II. Кто выдумками и хитростями другихъ обманываетъ, тотъ посрамленїемъ покрываетъ самъ себя, и по справедливости лгуномъ и обманщикомъ отъ всѣхъ называется, съ которымъ вмѣстѣ жить, и сообщество имѣть всякъ благоразумной и честной удаляется возможнымъ образомъ.

III. Да и не можетъ статься, чтобъ тѣ, кои не иначе, какъ сплетенными хитростьми и выдуманными лжами другихъ обманывая, кажутся себѣ весельчаками и замысловатыми людьми, не могли готовы быть на всякія злодѣянія, которыя они искуствомъ въ обманахъ прикрыть и утаить надѣются. И такимъ образомъ ласкаются безопасностію худыхъ слѣдствій: которая бываетъ насильнѣйшимъ ко грѣху привлеченіемъ.

§. 188.

Мы къ правдивости присовокупляемъ молчаливость: которая есть добродѣтель управляющая нашими дѣйствіями въ молчаніи сходственно съ естественнымъ закономъ и съ должностями.

§. 189.

Не возможно изъяснить, колико сія добродѣтель бываетъ нужна въ общежитіи, и колико любви къ себѣ привлекаетъ.

I. Ничто такъ благосклонностей людскихъ къ себѣ не привлекаетъ, какъ молчаливость. На противъ же того молчать неумѣющіе, и все повѣренное имъ высказывающіе безразсудно, всѣхъ отъ себя сердца отвращаютъ, и многимъ иногда безразсуднымъ болтаніемъ своимъ приносятъ пагубу.

Разумно говоритъ Горацій: кто ввѣренной тайны хранить не можетъ, тотъ негодной человѣкъ, ты его опасайся, Римлянинъ! Сат. 4. Кн. I.

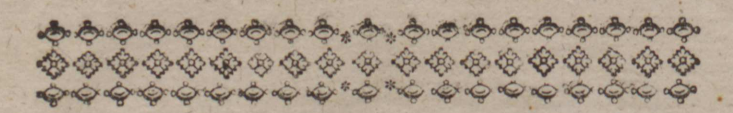
II. При томъ выбалтывающїй все, что только на умъ взбредїютъ, часто себя подвергаетъ посмѣянїю, по елику и то болтаетъ, что для него безчестно, и что для его самаго и для пользы общества лучшебъ умолчано было. Отъ молчаливости должно отличать *угрюмость*, которая въ упрямомъ состоитъ безмолвїи, когда многїе и то, что другимъ сообщить и могли и должны были, такъ въ умѣ своемъ жмутъ, что въ прїятельскихъ собранїяхъ, кои взаимными поддерживаются разговорами, онѣмѣлыми кажутся.

Какъ *говорливость* и *скверпословїе* другимъ въ рѣчахъ весьма вредительны бываютъ, говорливость терзая славу неповинныхъ, а скверномловїе возжигая похоти; то слѣдуетъ, что скверпословїя равно какъ и болтливости, яко самыхъ гнуснѣйшихъ пороковъ, отвращаться надобно. Случается при томъ, что чрезмѣрные говоруны часто пагубнѣйшему подвергаютъ себя жребїю. Ето я доказалъ въ разсужденїи о Сатирикахъ несчастныхъ съ довольнымъ пространствомъ.

КОНЕЦЪ

третей части.

НАСТАВЛЕНІЯ ПОЛИТИКИ

или

НАУКИ ГРАЖДАНСКОЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

§. 1.

Философія *дѣятельною* называемая заключаетъ въ себѣ три науки, какъ о томъ выше уже сказано (§. 17. въ Логикѣ). Законы, съ коими жизнь свою сообразующіе праведно поступающими называются, изьясняетъ намъ право естественное. Средства же и образъ, какъ честно жить и добродѣтельно нравственная наука сообщаетъ, А какъ благоразумно и благопристойно всякъ свои дѣйствія и во уединеніи будучи, и живучи съ другими располагать долженствуетъ, о томъ, какъ мнѣ думается, нигдѣ лучше, какъ въ Политикѣ предложить не можно.

§. 2.

Политикоюжъ я такую науку называю, которая преподаетъ правила о благоразуміи.

Я знаю, что означеніе слова *Политика* такъ обширно, что разные разной смыслъ ему приписываютъ. Иные чрезъ Политику разумѣютъ хитрость притворяться и таиться, и еще, не знаю, какое

то

то искуство другихъ обманывать. По чему Политикомъ у простаго народа такой человѣкъ называется, которой, какъ Кирхнеръ говоритъ, о посол. кн. I. Гл. 4. по волѣ всякаго видъ принимать можетъ, какъ въ театральныхъ зрѣлищахъ подлипалы поступаютъ, всякому угождаетъ, которой чужестранными отмѣняется тѣлодвиженіями и кривленіями, дѣло и шутки ко времени принаравливатъ, къ вельможамъ приходитъ въ милость, вкрадываться ко всякому въ любовь, со всѣми пировать, и играть, всякова шпынять, острые высказывать рѣчи, кратко сказать, во общежитіи всякое, какъ говорятъ, лицо представлять искусно, то есть притворно умѣетъ. Иныежъ смотря по начальному слову, отъ коего производится Политика, въ тѣснѣйшемъ нѣсколько смыслѣ берутъ Политику. Они называютъ Политикою то благоразуміе, которое въ государственныхъ правителяхъ, или въ порядкѣ правленія, усматривается; и на двѣ части ее раздѣляютъ: одна, говорятъ, есть *припатная*, которая къ расположенію государева стяжанія, и домашнихъ его дѣлъ принадлежитъ; другаяжъ *общественная*, которая правила благоразумія до управленія государства, и до утвержденія государственнаго благосостоянія касающіяся изъясняетъ. Сія послѣдняя преимущественно Политикою называется. А то благоразуміе, коимъ граждане въ своихъ дѣлахъ, наипачежъ въ домашнемъ стяжаніи управляются, и наставляются къ храненію своего состоянія и къ безопасности, домоводствомъ обыкновенно называется. Смотри у Канзія въ нравст. наукѣ стр. 1158.

§. 3.

А какъ все сіе писаніе у насъ къ тому

клонится, чтобЪ служило вЪ пользу юношества, вЪ училищахЪ словеснымЪ наукамЪ обучающагося; то мы не столько теперь о томЪ стараться хотимЪ, чтобЪ предложить благоразумїе Государей вЪ правленїи ихЪ фамилїи, или вЪ учрежденїи государственнаго состоянїя, сколько о томЪ, что бы предподать тѢ благоразумїя правила, которымЪ всякой вЪ собственномЪ своемЪ поведенїи, и вЪ отправленїи дѢлЪ домашнихЪ слѢдовать долженЪ.

§. 4.

А посему видно, что мы слово *Политика* беремЪ вЪ смыслѢ нѢсколько пространнѢйшемЪ, почитая, что подЪ симЪ наименованїемЪ всякое вЪ дѢлахЪ благоразумїе, хотя бы оно было общественное, и до государства касалося, хотя часиное или особенное разумѢть можно.

§. 5.

КакЪ юношамЪ о наукахЪ, а по тому и о будущемЪ ихЪ счастїи старающимся ничто больше похвалы не приноситЪ, какЪ наблюденїе *благопристойности*; то мы нѢчто обЪ оной здѢсь присовокупимЪ, показывая, что или вЪ уборѢ наружномЪ, или вЪ рѢчахЪ, или вЪ тѢлодвиженїяхЪ бываетЪ противно другимЪ, и что такое имЪ нравится, и свойственно бываетЪ учтивымЪ людямЪ.

§. 6.

ИзЪ сего понять безЪ трудности можешЪ, что

что весьма нужно прежде всего вразумительнѣе истолковать, что такое есть *благоразумїе*, которое есть какъ будьто душа Политики, и всю оную составляетъ; и при семъ показать образъ и способъ, *какъ въ свѣтѣ жить благоразумно.*

ГЛАВА I.

О благоразумїи вообще разумѣемомъ, и о правилахъ онаго.

§. 7.

Хотя всѣ дѣйствїя, дѣятельною Философїею предписываемыя, клониться туда долженствуютъ, чтобъ истинное прїобрѣсть блаженство, и приобрѣтенное соблюсти: однакожъ мы находимъ, что различныя дѣйствїя различнымъ образомъ къ счастїю насъ провождаютъ.

§. 8.

Различнаго рода бываютъ наши дѣйствїя. Иное значитъ поступать *праведно*, иное *честно*, а иное на конецъ есть поведенїе свое располагать *благоразумно*. Праведно тотъ поступаетъ, кто, по предписанїю правовѣденїя естественнаго, дѣйствїя съ законами сообразуетъ, хотя онъ воли своей еще и не исправилъ. А честно живущимъ того признать надобно, кто не только наружныя дѣйствїя свои сходственно съ закономъ производитъ, но и по руковод-

ству добродѣтели, съ удовольствїемъ и произвольно все, что честно, и съ его согласно счастїемъ, предпринимаешъ, хотя къ таковой поступкѣ ни закономъ, ни внѣшнею какою силою не принуждается.

Ежели Кайй никого не оскорбляетъ, если за убытокъ отъ него другому причиненной платитъ, то *праведно* онъ дѣлаетъ. Ибо понуждается закономъ. А естьли кто бѣднымъ единою только убѣждаемый любовїю многїя оказываетъ благодѣянїя, ежели кто врагу своему, отъ коего чрезвычайно бывалъ оскорбленъ, подаетъ помощь и спасенїе въ несчастїи, и освобождаетъ его отъ наступающей опасности, то онъ *честно* поступаетъ.

§. 9.

Ктоже поступаетъ благоразумно? Вопросъ етотъ рѣшимъ быть не можетъ, если на передъ не будемъ знать, какое свойство и видъ есть *благоразумїя*.

§. 10.

Мы сказали, что благоразумїе не иное что, есть, какъ способность мудростїю изобрѣтенныя средства проворно и такъ производить въ дѣйствїе, чтобъ и состоянїя нашего сохраненїе и внѣшнее благополучїе могло быть получено (§. 141. въ Этикѣ).

§. 11.

Въ етомъ описанїи сїи заключаются положенїя.

I.

I, Что благоразумїе исполняетъ, то премудростїю напередъ уже опредѣлено было, или, какъ Канзїй говоритъ, мудрость назначаетъ, а благоразумїе исполняетъ. Въ наукѣ нравст. стр. 223.

II. По етому видно, что мудрость и благоразумїе общую имѣютъ связь, и весьма суть смѣжны между собою.

III. И такъ всякому явствуетъ, что благоразумїе безъ мудрости быть не можетъ.

IV. Поелику мудрость есть знанїе благополучїя (§. 139 въ Эѳикѣ), а благоразумїе безъ мудрости быть не можетъ (пол. 1.), то и видно, что благоразумїе, есть ли оно къ снисканїю благополучїя и къ его соблюденїю не будетъ относиться, никакого мѣста не имѣетъ.

V. Какъ счастїе безъ помощи добродѣтели приобрѣтено быть не можетъ (§. 44 дѣят. Филос.), то и слѣдуетъ, что благоразумїе, яко на подпорахъ добродѣтели утверждается, и законами честности, благоговѣнїя, и справедливости управляется.

VI. Если же когда ето бываетъ, а бываетъ весьма часто, что или желаемой конецъ непозволителенъ, и правиламъ честности и справедливости противенъ, или средства къ достиженїю конца благаго и похвальнаго вымышляемыя, и употребляемыя въ себѣ нѣсколько порочны и предосудительны, то ето *коварствомъ* паче нежели благоразумїемъ назвать должно. Знаменитый коварства примѣръ виденъ въ Банкирѣ ономъ Сиракузскомъ у Циц. Кн. 3. Гл. 14 о должн. которой къ достиженїю желаемаго имъ

конца

конца, чтобЪ, то есть, у юноши богатаго и до покупки жаднаго, выманить довольное число денегЪ, столь пристойныя употребилЪ средства, что кЪ полученію желаемыя пользы ничто не могло быть способнѣе.

§. 12.

Понеже благоразуміе вЪ томЪ состоитЪ, чтобЪ кЪ достиженію конца избирать способныя средства (§. 10), а конецЪ и средства, кЪ достиженію ево служащія, чтобы нѣкоторымЪ между собою союзомЪ соединены были (§. 130 вЪ Мета.), то благоразуміе, безЪ способности разсматривать связь вещей быть не можетЪ. Способность вЪ связь вещей и истинЪ усматривать, *разумомЪ* называется (§ 212 вЪ Мета.). Слѣдственно благоразуміе отЪ праваго разума отдѣлено быть не можетЪ.

§. 13.

ИзЪ многихЪ кЪ достиженію желаемаго конца принадлежащихЪ средствЪ одно предЪ другимЪ бываетЪ лучшее и способнѣйшее, и кратчайшимЪ кЪ достиженію желаемаго ведетЪ насЪ путемЪ. И такЪ благоразумія долгЪ есть, не только сіи средства разсматривать вЪ тонкость, и сравнивать ихЪ между собою, но и избирать изЪ нихЪ самое лучшее и способнѣйшее, и употреблять оное вЪ дѣйствіе. А какЪ ето безЪ размышленія и совѣтованія быть не можетЪ, то и видно, что совѣтованіе и размышленіе суть душею и единственнымЪ основаніемЪ благоразумія.

§. 14.

§. 14.

Размышленіе же того наипаче требуетъ, 1) чтобъ разсматривать, коликой важности есть искомое добро. 2) Что бы помѣшательства сверьхъ чаянія случиться, и все намѣреніе испровергнуть могущія, попечительно изслѣдовать, и объ отвращеніи ихъ помышлять. 3) Чтобъ всѣ случаи, и внѣшнія обстоятельства разобрать, въ разсужденіи времени, мѣста, самой вещи, и людей, отъ коихъ затрудненія и помѣшательства произойти могутъ. А въ етомъ дѣлѣ наипаче опытъ, какъ собственной, такъ и сторонней, или Исторія, которую по справедливости учительницею благоразумія назвать можно, довольно намъ вспомоществовать будутъ.

§. 15.

Какъ конецъ благоразумія есть благополучіе (§. 11. пол. 4), то хотя внутренняго благополучія въ спокойствіи духа, и въ веселомъ удовольствіи состоящаго, и добродѣтелію пріобрѣтаемаго, не хотимъ изключить отсюда, однако благоразуміе то себѣ наипаче предпріемлетъ, чтобъ ко внѣшнему споспѣшествовать щастію, и о выгодахъ людскихъ, какъ то н. п. о умноженіи имѣнія и честей, и о достиженіи или утвержденіи благосостоянія имѣть попеченіе.

§. 16.

И такъ *благоразумно* поступаетъ тотъ,

1) кто дѣйствія свои къ сохраненію состоянія своего, и къ приращенію щастія внѣшняго склоняетъ. 2) Кто не только о пристойныхъ и способныхъ къ достиженію намѣреній вспоможеніяхъ помышляетъ, но и употреблять ихъ столь исправно и искусно умѣетъ, что намѣреннаго конца весьма удобно достигаетъ. 3) Кто препятствія со стороны иногда ощущаемыя удаляетъ, дабы ничего такого не оставалось, что бы намѣреніе могло учинить недѣйствительнымъ, и воспрепятствовать искомому счастію. 4) Кто наконецъ всѣ какое нибудь дѣло окружающія обстоятельства разсматриваетъ, и, какъ говорится, на перечетъ знаетъ, такъ что безошибочно предвидитъ, что въ то, или въ другое время, въ томъ, или въ другомъ мѣстѣ предпринять слѣдуетъ, и что выгодамъ его наипаче споспѣшествуетъ.

§. 17.

Нѣтъ въ томъ сумнѣнія, чтобъ благоразумной человѣкъ такимъ поступая образомъ не слѣдовалъ какому нибудь правилу, или законамъ, съ коими бы сообразовалъ свои размышленія, намѣренія, и дѣйствія. Хотя же сіи правила, по безконечной случающихся обстоятельствъ разности и сплетенія, весьма преподавать такимъ образомъ трудно, чтобъ всякія дѣянія по онымъ, какъ по извѣстному нѣкоему образцу устроевать надлежало; однако весьма будетъ, не безполезно, главныя по крайней мѣрѣ, для свѣденія юношеству, предложить предписанія, по коимъ всѣ благоразумно

но поступать желающіе себя располагаютъ, и взять оныя изъ обстоятельствъ и послучайностей всякаго дѣйствія.

§. 18.

Благоразумія правилами называемъ мы не такія, которыя бы такъ какъ естественные законы были непремѣнны, ниже такія, которыя бы честное и справедливое такъ предписывали, чтобъ всякъ къ нимъ совершенно могъ быть обязанъ, но тѣ, кои смотря по естеству, и по ограниченностямъ начинаемаго, или уже начатаго дѣла, принимать могутъ перемѣну, и опредѣляютъ образъ, какъ въ томъ или въ другомъ особенномъ случаѣ споспѣшествовать своимъ выгодностямъ.

§. 19.

И такъ какимъ образомъ законы *справедливости*, преподаваемые намъ въ естественномъ правовѣденіи, и законы *честности* предписываемые нравственною наукою повелѣваютъ то, что надобно дѣлать, и запрещаютъ то, что оставить должно; равнымъ образомъ и правила благоразумія, управляющія позволительными только дѣйствіями, совѣтуютъ или отсовѣтываютъ помышлять о своихъ пользахъ, и избѣгать того, что внѣшнему состоянію вредно кажется.

Какъ благоразуміе безъ добродѣтели, безъ благочестія, и справедливости быть ни какъ не можетъ (§. 11. пол. V.), то слѣдуетъ, что

правила благоразумія законамъ естественнымъ, о честности предписываемымъ, противны быть не должны. Ибо полезное, намъ оными совѣтуемое, не должно изпровергать честнаго и справедливаго: и та польза не бываетъ истинная, которая соединена съ безчестіемъ. О чемъ Цицеронъ въ Кн. 3. о должнос. разсуждаетъ пространнѣе.

§. 20.

Въ преподаваніи сихъ правилъ благоразумія будемъ такой разсужденія сохранять порядокъ, чтобъ, какъ въ естественномъ правовѣденіи мы показали, что такое есть справедливость въ должностяхъ, какъ до насъ самихъ, такъ и до другихъ касающихся, и на конецъ чего въ стяжаніи, и въ рѣчахъ законъ естественный отъ насъ требуетъ; такъ теперь изъяснили, чево во всемъ етомъ благоразуміе отъ насъ требуетъ, имѣя слѣдовать со тщаніемъ тому порядку Главъ, какой былъ въ правѣ естественномъ.

ГЛАВА II.

О правилахъ благоразумія въ должностяхъ до насъ, а особливо до души касающихся.

§. 21.

Должности, кои естественный законъ предписываетъ намъ хранить, въ разсужденіи себя самихъ,

самихъ, касаются или до души, или до тѣла, или до внѣшняго нашего состоянія. Слѣдовательно и о правилахъ благоразумія разсуждать можно, яко до души, или до тѣла, или до внѣшняго состоянія касающихся.

§. 22.

Когда душа человѣческая снабдѣна способностью познавать или желать чего нибудь, или, какъ съ древними сказать, разумомъ одарена и волею, то и нужно предположить тѣ правила благоразумія, кои въ просвѣщеніи ума наблюдать надобно. Оныя же, такъ какъ и всѣ прочія, удобнѣе разумѣть можно будетъ, если вмѣсто основанія главное и общее благоразумія правило будетъ предположено, коему подчинены всѣ прочія особенно предписывающія, что дѣлать надобно, или чего не дѣлать.

§. 23.

Общее сіе благоразумнаго поведенія правило, какъ я думаю, заключается въ семъ положеніи: *дѣлай то, что, по разсмотрѣніи всѣхъ начинаемаго дѣла обстоятельствъ, и по учиненіи выкладки вѣроятнымъ образомъ усмотришъ, яко способствующее твоимъ пользамъ, и что желанное тебѣ обѣщаетъ окончаніе; напротивъ того оставляй то, въ чемъ мѣсто, время, растояніе, случай, и прочія обстоятельности о удачливомъ дѣла окончаніи надежду уменьшаютъ и испровергаютъ.*

Легманъ Іенской Философъ, бывшій нѣкогда

моимъ учителемъ, мужъ и по смерти почтенія достойный, сіе всеобщее, безъ котораго благоразумное поведеніе быть, по его мнѣнію, не можетъ, поставляетъ правило: *что внѣшнія и послучайныя вещи, или какого нибудь дѣла обстоятельства дѣлать совѣтуютъ или отсовѣтываютъ, то все дѣлать или недѣлать будетъ надобно.* Смотри его наставленія правовѣденія естественнаго стр. II.

§. 24.

Утвердивши напередъ такимъ образомъ правило всеобщее, которому сообразующіе дѣйствія свои *благоразумными* называются; теперь слѣдуетъ подробно разсмотрѣть, какихъ имянно правилъ благоразумія, въ просвѣщеніи разума, и въ учиненіи его способнымъ къ общежитію, держаться надобно.

§. 25.

Въ исправленіи разума, къ чему закономъ естественнымъ всѣ мы обязаны, сіе благоразумія правило есть почти первое и превосходнѣйшее: *Все, что къ яственному добра и истины познанію способствуетъ, старайся, и исполняй оное: и напротивъ того всего, что препятствуетъ оному познанію, удаляйся, и отвращать потщися.*

§. 26.

И такъ долгъ благоразумнаго человѣка есть, не столько думать о томъ, чтобъ ему

знать очень многое, чегобы иногда и незнать лучше было; сколько о томъ, чтобы то, что онъ знаетъ, понимать основательно, явственно, и совершенно. Сїе Философы такимъ выражаютъ образомъ: *напряженное познанїе предпочитаться должествуетъ протяженному:* то есть, лучше мало, но твердо знать, нежели много, да смятно, и такъ, чтобы одной только коснуться поверьхности.

§. 27.

Какъ всего того, чему учиться, и что перенять можно, неисчетное находится множество и различїе, а разумъ человѣческой, тѣсными ограниченный предѣлами, и не понимаетъ, да и понять всего того не можетъ; то благоразумїя есть долгъ, то только выбирать, что наиболѣе съ концемъ всякаго согласно (§. 11. час. 6).

§. 28.

По сему необходимо нужное, безъ чего, то есть, конца достигнуть не возможно, предпочитать надобно полезному, а полезное прїятному, такъ какъ дѣлаютъ купцы благоразумные, которые за купеческими поѣхавши товарами, не все, что встрѣчается ихъ глазамъ, и что можетъ быть употребительно, закупаютъ, но только нужное. Я сїе пространнѣе изъяснилъ въ правѣ естественномъ §. 72.

§. 29.

Къ основательному и явственному добра и

 истины

истины познанiю, в чемъ состоитъ ума исправленiе, весьма пользуетъ то, чтобъ порядочно все познавать, и въ ученiи отъ удобнѣйшихъ восходить къ труднѣйшимъ познанiямъ.

§. 30.

И такъ благоразумной человѣкъ, въ просвѣщенiи ума, и въ совершенiи разумѣнiя, со всевозможнымъ тщанiемъ, законы пристойнаго распоряженiя хранитъ. Онъ не принимается прежде за то, что отложить къ концу надобно, и никогда оснований, кои на передъ положить надобно было, не полагаетъ въ то время, какъ уже зданiе къ совершенiю приведено будетъ.

Коль великую порядокъ имѣетъ силу какъ во всей жизни, такъ наипаче въ изощренiи ума, и въ изученiи наукъ, изъяснилъ Меланхтонъ въ одной забавной повѣсти. „Былъ у насъ, говоритъ онъ, „одинъ шутъ, которой дрова въ кухню своего хо„зяина носилъ по обыкновенiю. Изъ превеликой по„ленницы онъ вытаскивалъ тѣ поленья, кото„рыя не безъ превеликой трудности подвинуть „было можно. Однажды будучи вопрошенъ, для че„во онъ такъ дѣлалъ, отвѣтствовалъ; что сперва „ему хотѣлось труднѣйшую часть работы отпра„вить, а верьхнiя поленья всегда съ удобностiю „брать можно. Не зналъ онъ, сколь нужно было „брать каждое полено по порядку. Величайшее съ „симъ работникомъ сходство усматриваю я въ тѣхъ, „кои презирая сiи науки къ вышнимъ устремляют„ся. Ибо и учиться такимъ образомъ бываетъ „труднѣе, и съ большею все неспособностiю проис-

„ходитъ,

,,ходитъ, ежели прежде ученики не обучены первымъ основанїямъ,,.

Томъ I. стр. 421 въ отборныхъ школ. рѣч.

§. 31.

Тѣмъ яснѣе и подробнѣе вещь познаешъ всякую, чемъ чаще то, что знать тебѣ надобно, въ мысляхъ обращать будешъ, и чемъ больше дѣлать станешъ повторенїе. пересматривая чтенное и слышанное, подобно какъ принятую пищу пережовывая. И такъ долгъ благоразумїя есть - чтенное и слышанное повторяя, перенятыхъ вещей въ памяти возобновлять изображенїе.

§. 32.

Имѣй сїю осторожность, чтобъ противъ природы не приниматься за науки; лучше какимъ нибудь мастерствомъ или художествомъ снискивать себѣ пропитанїе, нежели посвящать себя музамъ, кои тебѣ неблагопрїятствуютъ, и чрезъ то умножать стадо невѣждъ, наукъ имя бесчестить, и уподлять училища, и важность учителей.

§. 33.

И такъ благоразумїя есть долгъ, чтобы прежде, нежели приступишъ ты къ наукамъ, отъ коихъ помощи требуетъ ума твоего исправленїе, извѣдать тщательнѣе его силы, и вопросить другихъ, кои умамъ цѣну полагать умѣютъ, и имъ какъ полезнѣйшимъ совѣтникамъ послѣдовать.

Какъ не на всякое ты поле всякія посѣваешь безъ разбору сѣмена, если плодоносной жатвы чаешь. Но до посѣву еще свойство и плодовитость земли прилѣжно высматриваешь: равнымъ образомъ весьма нужно изслѣдывать способность умовъ ко всякимъ благороднымъ наукамъ, дабы инымъ подать было можно вспоможеніе чрезъ совѣтъ, иные чтобы упражнялися въ пристойныхъ себѣ ученіяхъ: а иные на конецъ за ранѣе оставивъ науки за ремесло какое нибудь принималися, которое больше здоровыхъ плечъ, нежели благоразумія, и больше силы. нежели ума требуетъ.

§. 34.

Когда человѣческаго разума различны суть могущества, то благоразуміе совѣтуетъ о каждомъ изъ оныхъ прилагать стараніе, совершая и удобряя оныя. Ибо тѣхъ обычай непохваленъ, кои расторгнувъ союзъ душевныя силы связующій, или память только изощрять единственно стараются, а силу разсудка оставляютъ въ небреженіи, или только исправляютъ разсужденіе, а уму и памяти тупѣть дозволяютъ.

§. 35.

А какъ всѣ дарованія душевныя, по безмѣрной между ими различности, не равнымъ всѣ образомъ въ лучшее приводимы быть могутъ состояніе; то наипаче къ совершенію тѣхъ прилагать должно попеченіе, коими наипаче природа насъ самая надѣлила.

§. 36.

§. 36.

И такъ ты видишь, для чего, если только гласу благоразумія захочетъ кто послѣдовать, отроковъ и юношей къ тѣмъ ученіямъ побуждать надобно, которыя больше отъ нихъ памяти, или воображенія, нежели разсудка требуютъ. Ибо въ памяти юношей, такъ какъ на мягкомъ воскѣ, всѣхъ вещей изображенія удобно начертаваемы и впечатлѣваемы быть могутъ.

Изрядно о сей матеріи такъ какъ и о другихъ многихъ пищетъ Квинтиліанъ: „Отроки съ самаго „начала весьма много наизусть учить должны, да „и иной какой нибудь возрастъ, о изощреніи па„мяти старающійся, долженъ на передъ всю ту „скуку вытерпѣть, которая обыкновенно чув„ствуется при частомъ повтореніи писаннаго и чи„таннаго, подобно какъ при пережовываніи одной и „той же самой пищи.

§. 37.

И такъ благоразумія есть дѣло въ юношескихъ лѣтахъ обучаться языкамъ, Исторіи, Географіи и Стихотворству; а Философію, и прочія ученія, кои требуютъ твердаго разсужденія, отлагать до зрѣлѣйшаго нѣсколько возраста.

§. 38.

Благоразумной человѣкъ въ просвѣщеніи ума своего не за пустыми оными гоняется тонкостями, кои къ хвастливому показанію разума

разума нѣсколько служатъ, а къ житїю и къ счастїю ни мало не способствуютъ.

Ибо онъ вѣдаетъ, что не для школы, но для жизни учиться надобно.

§. 39.

Благоразумно ты учиться принимаешся, ежели родъ ученїя выбираешъ для себя такой, къ коему естественную склонность и побужденїе въ себѣ чувствуешъ.

§. 40.

Между главными вспоможенїями къ прїобрѣтенїю познанїя обыкновенно считаются: *слушанїе, чтенїе и размышленїе.*

§, 41.

Худо свою пользу разумѣютъ тѣ, которые безъ наставленїя, и помощїю своего только ума сдѣлаться учоными надѣясь, къ учителямъ паче мертвымъ, нежели къ живымъ прибѣгаютъ, и надъ книгами дома сохнутъ безпрестанно, а благовременной случай, слушать живое наставленїе, неразсудно пропускаютъ. Они слыть самоучками желаютъ. Не знаю есть ли другїе люди, которые бы законы порядка столь нужнаго въ ученїяхъ болѣе нарушали, какъ сїи.

Справедливо говоритъ Плинїй: „Читать всегда „имѣемъ случай, а слушать не всегда. Сверьхъ то„го несравненно больше живой голосъ, какъ гово-

„ритъ

,,рятЪ, дѣйствуетЪ. Ибо хотя и поисправнѣе бы-
,,ваетЪ то, что мы читаемЪ, однако глубочае то
,,вперяется намЪ вЪ мысль, что произношеніе, ли-
,,це, одѣяніе, и тѣлодвижсніе говорящаго намЪ
,,впечатлѣваютЪ. Кн. II. Писмо 3,,.

СЪ нимЪ согласенЪ и КвинтиліанЪ. ,,Хотя, го-
,,воритЪ онЪ, чтеніе и довольно примѣровЪ по-
,,даетЪ намЪ кЪ подражанію, однако живой, какЪ
,,говорятЪ, голосЪ наставника больше питаетЪ и
,,довольнѣе, а особливо такого, коего ученики и
,,и любятЪ и почитаютЪ,,. Кн. II. правилЪ о кра-
снорѣчіи Гл. 2.

§. 42.

Ето такЪ же весьма важное дѣло по сло-
вамЪ ПлиніевымЪ, чтобЪ разсматривать у ково
наипаче учиться тебѣ надобно благороднымЪ
наукамЪ. ИтакЪ вЪ выборѣ учителей разумно
ты поступишЪ, ежели тѣхЪ слушать будешЪ,
которые то, чему обучаютЪ, обстоятельно и
ясно разумѣютЪ, которые, имѣя дарЪ учить
явственно, свои мысли изьясняютЪ, которые
все, что преподаютЪ, сЪ тонкимЪ и твердымЪ
разсужденіемЪ, отЪ самаго начала, и отЪ при-
чинЪ первыхЪ выводятЪ, и раздѣльно пред-
ставляютЪ, и кои наконецЪ свои чтенія не кЪ
хвастливому показанію своего ума, но кЪ поль-
замЪ жизни относятЪ.

ТаковЪ долженЪ быть нашЪ учитель, какова
Плиній вЪ примѣрѣ Юлія Генитора намЪ представ-
ляетЪ. ,,Ничего, говоритЪ онЪ, отЪ мужа сего сынЪ
,,твой не услышитЪ, какЪ только полезное, и ни-
,,чему онЪ не научится, чегобЪ лучше было невѣ-
,,дать,,. Кн. 3. Пис. 3.

§. 43.

§. 43.

Отнюдь тово учителя лучшим и надежнѣйшим не почитай, котораго школа множеством учеников славится, и коего тебѣ другіе очень хвалят.

Ибо часто случается, что весьма многіе, навпачеж в Академіях, своим предшественникам слѣдуя, идут по обыкновенному пути, а не по тому, коим итти надлежало.

§. 44.

Смотри, чтоб во многіе вдруг классы ходя, не развлечь ума твоего. Ибо по большой части тѣ, которые, в короткое время думая научиться многому, будучи различностью и множеством изучаемых вещей отягощены, ничего не выучивают.

Изрядно о сем Билфингер говорит: „Чрез „шесть, восемь, и десять часов безпрерывно к „разным учителям ходить, с тѣм намѣреніем, чтобы в два, и в три года школьной ученія порядок кончить, тоже самое значит, как „еслиб дѣти по три раза в день обѣдать, и по „стольку же раз ужинать приучались, дабы поскорѣе выросли. Естьлиб сего намѣренія таким образом можно было достигнуть, то бы вельможескіе дѣти на шестом году, или может бы и ранѣе возмужали„. Смотри рѣчь его о главных нѣкоторых правилах ученія от соравненія души с тѣлом взятых. Стр. 25.

§. 45.

Не только рачительных и искусных учи-

телей благородныхъ наукъ для умноженія и совершенія познаній твоихъ надобно тебѣ терпѣливно слушать, но и еще, если позволено будетъ, обращаться съ ними подружески, и проводить многіе часы въ вопрошеніяхъ, разговорахъ, и въ разсужденіяхъ съ ними.

Никогда лучше и съ большею пользою научиться не можно, какъ когда учитель сдѣлается твоимъ другомъ.

§. 46.

Что касается до чтенія, то я сіи благоразумія правила наблюдать совѣтую.

I. Прежде, нежели за чтеніе книгъ примешся, разсматривай прилѣжно, какія изъ премногихъ во всякомъ родѣ наукъ суть наилучшія, и изъ наилучшихъ, которыя твоему состоянію и намѣренію приличнѣйшія.

II. Отъ безпорядочнаго и непостояннаго чтенія воздерживайся, о чемъ искусно Сенека разсуждаетъ въ II письмѣ.

III). Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и при чтеніи книгъ разборъ имѣй въ рѣчи. И по сему съ начала читай тѣ, кои къ разумѣнію другихъ способствуютъ.

IV. Древнихъ Писателей книги читай гораздо прилѣжнѣе, нежели сочиненія въ наши времена изданныя.

V. Въ чтеніи не съ лишкомъ полагайся на переводы другихъ, но на какомъ кто изъ писателей языкѣ свои мысли изъяснилъ, на томъ и читай онаго.

VI. Поспѣшность какъ въ прочемъ, такъ

наипаче

наипаче въ чтенїи книгъ весьма вредна. Ибо она силу вниманїя прерываетъ, и ясному вещей познанїю несказанно препятствуетъ.

Не худо иногда бываетъ и *бѣглое* чтенїе: и оно не безполезно перемѣняется съ пристальнымъ и остановочнымъ. Смотри Геснерово предисловїе къ Ливїю.

VII. Естьли читая книгу какую найдешъ въ ней съ начала что ни есть сумнительное, то не бросай ее изъ рукъ, и не вини въ темности. Употребивъ нѣсколько вниманїя откроешъ смыслъ, которой часто остроумный писатель сокрылъ глубоко.

VIII. Книгъ нравы растлѣвающихъ въ руки не бери, и читай вмѣсто того такїя, кои могутъ учинить тебя и благонравнѣйшимъ и ученнѣйшимъ.

IX. Что бы ты ни читалъ, то все повторяя, размышляя, выписывая, въ пользу свою обратить старайся, сюда принадлежитъ слово Плинїево: не многая, но много. Кн. VII. пис. 9.

ГЛАВА III.

О правилахъ благоразумїя къ волѣ принадлежащихъ.

§. 47.

То, что мы сказали въ IV Главѣ права естественнаго о исправленїи воли, къ тому клонится, чтобъ знать, къ чему мы, въ разсужденїи

сужденїи воли, обязанность имѣетъ. А какъ воли исправленїе правилами благоразумїя спомоществуемо быть можетъ, то мы покажемъ, что стекающїяся въ семъ случаѣ обстоятельства, яко полезное совѣтуютъ, и яко безполезное отсовѣтываютъ.

§. 48.

Благоразумной человѣкъ какъ о томъ старается съ усилїемъ, чтобъ или добродѣтели или пороки свои знать обстоятельнѣе; такъ наипаче о томъ бываетъ попечителенъ, чтобъ *страсть* навываемую *господствующею*, коею часто безпокоится, тревожится, и возмущается обыкновенно, не только знать совершенно, но и въ порядокъ приводить ее, дабы своихъ не лишиться пользъ, и другимъ не быть ненавистну.

§. 49.

А что такое называемъ *господствующею страстїю?* Коротко рѣшить можно сей вопросъ, естьли выразумѣешъ извѣстную оную пословицу: *всякъ имѣетъ свое услажденїе*. Ибо хотя всѣ люди то тѣми, то другими пристрастїями, такъ какъ вихремъ, всюды порываются, и нѣтъ ни одново, ктобъ не чувствовалъ силы и стремленїя каждой страсти въ разныя времена. Однакоже иной особливымъ нѣкоторымъ, и какъ бы собственнымъ ему пристрастїемъ, или по лѣтамъ ево, или по сложенїю тѣла отмѣнною кровїю наполненнаго, или по негодному воспитанїю, или по другимъ весьма

многимъ причинамъ несказанно влечется, и, какъ бы по принужденію, коловратнымъ образомъ стремится.

Маіеръ въ разсужденіи своемъ о *господствующей страсти*, такъ оную описываетъ: есть движеніе воли, желающей чево или отвращающейся, произшедшее отъ частаго повторенія, тому или другому человѣку не только собственное, но и чаще въ немъ случающееся, и господствующее надъ прочими страстями, да и надъ всѣмъ человѣкомъ, съ непомѣрнымъ крови и духовъ жизненныхъ движеніемъ, а иногда и съ пагубою человѣка самаго соединенное. §. 4.

§. 50.

Такимъ образомъ усмотрѣть можно, что иные *сластолюбіемъ* столько уловляются, и обольщены бываютъ, что ни о чемъ, кромѣ пріятнаго и чувства услаждающаго, не помышляютъ, и ничего другаго не ищутъ. Иные *честолюбіемъ*, и внутренними къ славѣ подстрѣканіями столько возбуждаются, что ни къ чему, какъ только къ высокому, и великому мысли устремляютъ, думая, что блаженство высочайшее въ похвалахъ, и въ умноженіи достоинствъ состоитъ. Иные же на конецъ о собираніи и умноженіи имѣнія помышляя единственно, во всемъ корысть имѣютъ передъ глазами, готовы будучи другихъ убытками свои умножать прибыли. Первыхъ называемъ мы *сластолюбивыми*, другихъ *честолюбцами* или *холериками*, а послѣднихъ на конецъ *сребролюбцами* или *меланхоликами*. Сіе то самое говоритъ Іаковъ въ Гл. I. Ст. 14. Кійждо искушается

искушается, отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ.

§. 51.

Какія порознь сластолюбцу, или честолюбивому, или меланхолику, правила благоразумія полезными поставляемъ, о томъ говорить будемъ послѣ того, какъ на передъ обьяснимъ, что въ умѣриваніи страстей вообще совѣтуетъ намъ благоразуміе.

§. 52.

Когда благоразуміе на добродѣтели утверждается, и безъ любви къ справедливости и честности быть не можетъ (§. I. Пол. 5), то чемъ кто бываетъ благоразумнѣе, тѣмъ свою волю больше исправлять, и въ добродѣтели преуспѣвать долженствуетъ.

§. 53.

А понеже сіе быть не можетъ, естьли прежде страсти, никакова съ добродѣтелію союза неимѣющія, обузданы не будутъ, то благоразумной человѣкъ обуздавать свои похоти, удерживать гнѣвъ, и всѣ душевные пороки истреблять старается.

§. 54.

Но какъ склонностей развратныхъ вдругъ изкоренить совсѣмъ не можно, то благоразумной стремленіе и силу ихъ удерживаетъ, и

 остерегается

остерегается, чтобЪ злодѢй, во внутренности умыслы ему строющій, не вырвался на ружу, и чрезЪ возмущеніе и непристойность словЪ, поступокЪ, и тѢлодвиженій не оказался.

§. 55.

Свойство благоразумія особливо тово требуетЪ, чтобЪ самымЪ первымЪ на душу наступающимЪ движеніямЪ противиться, и искры погашать вЪ самомЪ началѢ, дабы пожарЪ не сдѢлался.

§. 56.

Благоразумной остерегается вЪ самомЪ жару страстей предпринимать что ни будь. И дѣйствіе до тѢхЪ порЪ отлагаетЪ, пока кровь вЪ немЪ волнующаяся, которая мысль его возмутила, совершенно не утихнетЪ.

§. 57.

Благоразумной всѢ страсти дѢлаетЪ орудіями добродѢтели, а хотя противЪ стремленія похотѢній и изнемогаетЪ иногда, однакоже не теряетЪ своей бодрости, но возобновивЪ силы кЪ ополченію, вЪ новое сраженіе вступаетЪ, пока повергнувши врага останется побѢдителемЪ.

§. 58.

Наипаче *страсть господствующую*, которая душѢ весьма хитрый строитЪ умыселЪ, благоразумной отЪ другихЪ таитЪ, и молчаніемЪ

нїемъ прикрываетъ, дабы, давъ себѣ волю, не быть посмѣшищемъ для другихъ, или не притти въ презрѣнїе у тѣхъ, съ коими живешъ и обращаешся, или не дать оружїя врагамъ къ испровержению его благосостоянїя, не только тайно, или какъ бы чрезъ нѣкїе подкопы, но и явнымъ и открытымъ образомъ.

§. 59.

Сїя предосторожность наипаче надобна бываетъ тогда, какъ почувствуешъ въ себѣ, что ты излишную имѣешъ склонность къ сластолюбїю. А чтобы удобнѣе сїе понять было можно, то посмотримъ, каково бываетъ изображенїе *сластолюбца*, каковы добродѣтели, или лучше сказать, добродѣтелей подобїя, какїе пороки, какїя слабости и безпорядки, а изъ всего онаго выведемъ нѣсколькїя правила благоразумїя.

§. 60.

Мнимыя добродѣтели *сластолюбца* или *многокровнаго* суть слѣдующїя: 1) онъ бываетъ снисхожденїя и ласковости исполненъ, 2) къ оказанїю услугъ другимъ всегда готовъ, и для всѣхъ прїемчивъ, 3) примирителенъ, и готовъ другихъ прощать, 4) склоненъ къ милосердїю, 5) кроткаго нраву, и сговорчивъ, 6) благосклоненъ и доброжелателенъ, 7) безъ коварства и подозрѣванїя, 8) открытаго сердца, 9) шутливъ, забавенъ, и прїятенъ въ разговорахъ, 10) людямъ нравиться охотникъ.

§. 61.

Пороки же и развратности *сластолюбивыхъ* есть ли знать пожелаешъ, сїи суть: 1) боязливъ, 2) трудиться не охотникъ, 3) празднолюбивъ, нѣженъ, забавенъ и щеголеватъ, 4) на деньги мотоватъ, 5) во всякомъ родѣ жизни перемѣнчивъ, 6) прихотливъ, и скоръ оставлять любимое, 7) о будущемъ состоянїи незаботливъ, 8) въ перьвомъ жару много предприемлетъ, но ничего не исполняетъ, 9) говорливъ, и на языкъ не крѣпокъ, 10) льстивъ, и ко нраву всѣхъ примѣняется, 11) крайне легкомысленъ, 12) въ долги входить охотникъ, 13) въ обѣщанїяхъ непостояненъ и обманчивъ, 14) вѣроломенъ и прочая.

Свойственные сластолюбивой Семпронїи знаки изрядно изобразилъ Саллустїй: ,,Сїя, говоритъ, женщина научена была пѣть и плясать искуснѣе, нежели честной пристойно особѣ; она знала много ,,и другихъ вещей къ роскоши принадлежащихъ. Все ,,прочее она дороже цѣнила, нежели стыдъ и благопристойность: трудно опредѣлить, денегъ ли ,,она, или чести меньше щадила. Похотїю столько ,,разгорячена была, что чаще сама къ мущинамъ ,,привязывалась, нежели они къ ней. Часто прежде ,,того вѣрность нарушала, и отъ залоговъ отпиралась. Отъ роскоши и нищеты совсѣмъ почти погибла. Разумъ же ея былъ недуренъ: стихи дѣлать ,,умѣла, могла шутить, и говорить хотя учтиво, ,,хотя нѣжно, хотя отважно. Весьма много забавъ ,,и красоты въ ней видно было,,. Войны Кат. Гл. 25.

§. 62.

Естьли ты сiи въ себѣ слабости возчувствуешъ, то остерегаться тебѣ надобно:

I. Чтобъ разума твоего во зло не употреблять, или сочиняя на людей сатиры, или дѣлая шутки, и стихи непристойные. Ето и пагубу причинило многимъ, и презрѣнiе навлекаетъ.

II. Любви къ другимъ стремленiе удерживай, чтобъ не нажить тебѣ такихъ друзей, о коихъ раскаиваться станешъ. Прежде разсудить, а по томъ любить надобно.

III. Опасайся, чтобъ излишнею и расточительною щедростью не истощить твоего имѣнiя, и твоимъ разоренiемъ не обогатить другихъ людей.

IV. Излишняго содружества не ищи и бѣгай. Ето правило наипаче тогда бываетъ нужно, когда будетъ дѣло у тебя съ людьми тебя нижшими. Ибо отъ излишняго знакомства презрѣнiе раждается.

V. Отнюдъ всего того, что у тебя заключено въ сердцѣ, языкомъ не открывай наружу. Ибо ето бываетъ очень вредно, и, ежели другiе знать станутъ то, чему для пользы твоей умолчану быть надлежало.

VI. Сила благоразумiя въ томъ состоитъ, чтобъ никому не вѣрить безразсудно.

VII. Чего трубуетъ отъ тебя должность, того не отлагай на другой день.

VIII. Что ты въ намѣренiи положилъ, то благоразумiе совѣтуетъ оное исполнить, но такъ, чтобъ ты не спѣшилъ безвременно.

IX. Мотовства и долговъ опасайся, да и лакомство умѣрять старайся. Смотри Пли. пис. 6. Кн. 11.

X. Наблюдай во всемъ порядокъ.

XI. Не будь щедръ на обѣщанія, а обѣщавши не обманывай.

XII. И отъ самой тѣни зла бѣгай.

XIII. Отъ должностей требующихъ вѣрнаго отчету въ деньгахъ, то есть, въ пріемѣ и истратѣ оныхъ, всевозможнымъ удаляйся образомъ.

XIV. Вратамъ твоимъ не открывай пороковъ и слабостей твоихъ.

XV. Не опускайся ниже твоего достоинства такъ, чтобъ славу и безславіе за одно почитать.

§. 63.

Что касается до *честолюбца*, то онъ множайшими добродѣтелями, или лучше сказать, добродѣтелей подобіями блистаетъ, нежели многокровной или меланхоликъ.

§. 64.

Честолюбецъ 1) твердъ бываетъ въ намѣреніи и постояненъ, 2) скроменъ, 3) искусенъ хитрить и притворяться, 4) въ отправленіи дѣлъ бодръ и неутомимъ, 5) всякое дѣло изъ своихъ выводить причинъ, остроумно обо всемъ разсуждать и разсматривать все обстоятельно, имѣетъ дарованіе, 6) въ бѣдахъ неустрашимъ, 7) благороднаго бываетъ духа, 8) подражатель добродѣтели, 9) благопристойности рачитель, 10) остороженъ и осмотрителенъ.

§. 65.

Пороки *честолюбца* суть сїи: 1) склоненъ къ гнѣву и для самой малости, 2) больше сдѣлать кому, нежели снесть обиду любитъ, 3) все дѣлаетъ съ жаромъ, дерзокъ, грозенъ, не скоръ прощать другихъ, 4) завистливъ, 5) драчливъ, и неприступенъ для увѣщателей, 6) обыкъ все подозрѣвать, 7) охотникъ прекословить, 8) хвастливъ, жестокъ, безчеловѣченъ, 9) любитъ справедливость, но не очень наблюдаетъ умѣренность оныя, и прочая.

§. 66.

А какъ все сїе такова есть свойства, что по большой части, естьли умъ правилами благоразумїя довольно не настроенъ, бываетъ вредительно; то нѣкоторыя изъ сихъ правилъ, такъ какъ они представятся мнѣ, здѣсь присовокупимъ.

§. 67.

Къ славѣ непомѣрныя чувствующїй въ себѣ побужденїя долженъ остерегаться.

I. Чтобъ въ маловажныхъ дѣлахъ, которыя никакой чести не приносятъ, не искать похвалы и отмѣннаго имени, или знатностью и славою предковъ не гордиться.

II. Чтобъ неистовыхъ величанїй желанїемъ подстрекаемый за пустыми словами, или за первенствомъ въ неважныхъ случаяхъ не гонялся, и лишаясь ихъ, не тужилъ много, и не открывалъ другимъ своей объ нихъ печали.

III. Благоразумнаго человѣка свойство есть какъ другихъ не хвалить въ глаза, такъ и самому не терпѣть, чтобъ его въ его присутствіи выхваляли.

IV. Непристойно такъ же хвалить самому себя, или другихъ подучать, чтобъ насъ хвалили, или какимъ либо вывѣдывать образомъ, что люди думаютъ о нашихъ добродѣтеляхъ.

V. Изъ маловажности сердиться, и разгорячаться, значитъ жизнь вести не по правиламъ благоразумія.

VI. Отнюдь на себя не принимай дѣлъ больше или выше силъ твоихъ, и многоразличія дѣлъ такъ какъ язвы опасайся.

VII. Укрощай охоту къ противорѣчію, особливо же въ разговорахъ съ вышшими, и странныхъ мнѣній не изъискивай.

VIII. Ни словами, ни тѣлодвиженіями, ни дѣлами не оказывай твоего къ другимъ презрѣнія. По тому что ето тебѣ больше вредитъ, нежели какъ думать ты можешъ.

IX. Съ другими, кои тебя или сильнѣе или богатѣе, отнюдь не равняйся, а еще меньше того превзойти ихъ старайся, подражая имъ въ пиршествахъ изобильныхъ и богатыхъ, въ платьѣ и сосудахъ драгоцѣнныхъ. Иначе же збудется надъ тобой судьба жабы, которая силясь надуться такъ какъ быкъ, бѣдственно лопнула.

X. Убѣгай упрямства, и угрюмаго молчанія, коимъ въ пріятельскихъ собраніяхъ многіе друзьямъ своимъ дѣлаются скучны. Надобно ко нравамъ другихъ примѣняться, и съ

каковымъ

каковымъ ты обращаешся, будь и самъ таковъ, естьли возможно бываетъ безъ нарушенія добродѣтели.

XI. Въ разговорахъ, какъ честолюбцамъ свойственно, не старайся говорить такъ темно, чтобъ казался ты загадчикомъ, и того, что всѣ знаютъ, и о чемъ всѣ говорятъ, не прикрывай такъ какъ какого ни будь таинства, дабы знать оное только себѣ самому.

§. 68.

Меланхоликамъ или сребролюбцамъ приписываются качества, кои могутъ показаться яко нѣкія добродѣтели: 1) они бываютъ въ содержаніи умѣренны, 2) трудолюбивы, 3) порядка и чистоты въ домѣ любители, 4) не легковѣрны, и сіе правило: *вѣрь, но размотривай, кому*, прилѣжно наблюдаютъ, 5) въ намѣреніяхъ не скоры, но медлительны, 6) важны, 7) себя и имѣніе свое блюсти весьма рачительны.

§. 69.

Однако много порочнаго и посмѣянія достойнаго находится въ сребролюбцахъ: они завистливы, подлы, обманывать искусны, неугомонны, все дѣлаютъ изъ прибыли, вѣроломны, суевѣрны, клятвопреступники, и на всѣ прочіе пороки удобопреклонны, ежели только отъ оныхъ корысть какая ни будь послѣдуетъ.

§. 70.

Опасаться долженъ *Меланхоликъ*, чтобъ 1) жадности къ имѣнію и боязни потерять

оное, коими онъ внутренно терзается, другимъ не открывать. Ибо онъ чрезъ сїе подвергаетъ себя посмѣянїю и презрѣнїю прочихъ. 2) Чтобъ не лгалъ, и не вводилъ другихъ въ обманы, за тѣмъ что какъ обманы ево обнажатся, то уже никто ему впредь не повѣритъ, и всякъ сочтетъ, что его, яко гнилой членъ, отъ общества отдѣлить надобно. 3) Чтобъ для малой мзды не говорить по волѣ другихъ. 4) Чтобъ излишнею угрюмостью и человѣконенавидѣнїемъ не сдѣлаться и имени человѣка недостойнымъ. 5) Долженъ на конецъ оберегаться и того, чтобъ въ одѣянїи, и въ другихъ домашнихъ принадлежностяхъ не нарушать правилъ благопристойности.

ГЛАВА IV.

О благоразумїи въ обращенїи.

§. 71.

Когда мы съ другими имѣемъ обращенїе, то сїи люди, съ коими намъ жить случилось, бываютъ намъ или друзья, или непрїятели, или ни друзья, ни непрїятели. Какїя правила благоразумїя въ обращенїи съ другими наблюдать за нужное почитаемъ, въ краткости представимъ.

§. 72.

Сообщество между людьми, кои ни друзья, ни недруги между собою, пространно бываетъ; тѣснѣежъ то, которое между знакомцами и прїятелями находится.

§. 73.

§. 73.

О другихъ, съ коими жить тебѣ надобно, естьли хочешь поступать благоразумно и осторожно, не инако разсуждай, какъ о такихъ людяхъ, кои могутъ со временемъ тебѣ быть вредны. Отсюда произошли сїи изреченїя: *о всякомъ думается напередъ, что онъ недоброй человѣкъ*, но сто такъ дѣлается для одной *осторожности*, что хорошенько примѣчать надлежитъ; *но о всякомъ думается такъ же, что онъ и доброй человѣкъ*, что быть долженствуетъ по человѣколюбїю.

§. 74.

Ежели наблюдать сто будешъ, то столь осмотрительно съ незнакомыми тебѣ людьми будешъ имѣть обращенїе, что ни судить о вещахъ всякихъ скоропоспѣшно, къ посмѣянїю своему не станешъ, ни тайныхъ твоихъ мыслей не къ спати открывать не отважишся, ниже безрассудною къ другимъ довѣренностїю вреденъ самому себѣ не будешъ.

§. 75.

Главной, во всякомъ обращенїи съ людьми, и въ сообществѣ законъ да будетъ сей: чтобъ другимъ, если желаешъ наблюдать свою пользу, во всякое время подавать случай хорошо о тебѣ мыслить, и чтобы изъявлять и лицемъ и словами и дѣлами, что ты любишъ держаться добраго смысла. Или нѣтъ другаго ни единаго

пути, или сей наипаче есть къ снисканїю и къ привлеченїю людскихъ къ тебѣ благосклонностей.

§. 76.

Людямъ вышшаго предъ тобой достоинства всевозможное оказывай почтенїе, но такъ притомъ, чтобъ ни раболѣпствомъ твоей не уподлять чести, ни подозрѣнїемъ въ ласкательствѣ не осрамлять себя.

§. 77.

И такъ всево, что почтенїю отъ тебя къ вышшимъ должному противно, остерегайся попечительно.

§. 78.

Съ равными такимъ поступай образомъ, чтобъ ни униженности излишней и подлости не оказывать, ниже превозноситься передъ ними.

§. 79.

Къ нижшимъ тебя будь ласковъ и привѣтливъ, но дружиться съ ними остерегайся.

§. 80.

Объ отсутствующихъ почтенно, и съ осмотрительностїю разсуждай, или, когда по нѣкоимъ причинамъ, случиться могущимъ, быть сїе можетъ, то по крайней мѣрѣ не изъясняйся худо.

Сїе правило драгоцѣнно, которое наблюдаемо будучи тщательно, всегда полезно; а пренебрегаемо многимъ вредно оказалось. Разумно говоритъ Горацїй въ Кн. I. Сат. V. 81.

Кто за очно злословитъ друга, или кто не защищаетъ ево предъ хулителемъ, тотъ злонравной человѣкъ и прочая.

§. 81.

Всего того остерегайся, что можетъ учинить тебя презрѣннымъ.

§. 82.

Никому, ктобъ таковъ ни былъ, не досаждай, и берегися, чтобъ ни въ словахъ твоихъ, ни въ дѣлахъ, ниже въ поступкахъ, ничево не было такова, отъ чевобъ другой оскорбленїе могъ чувствовать.

§. 83.

Оказывай другимъ, сколько по правиламъ честности дозволено будетъ, твое послушанїе. Ибо оно друзей раждаетъ.

§. 84.

Всему, что видишъ, удивляться, невѣжества есть знакъ: а благоразумїе не велитъ и виду онаго показывать.

§. 85.

Въ почитанїи и любленїи друзей будь искрененъ, постояненъ, и больше готовъ услуживать,

живать, нежели услугѣ требовать, дабы непоказать, что ты отѣ дружбы ищешѣ себѣ корысти.

§. 86.

Стыдливость, яко величайшее дружества украшеніе, должно всегда соединять со онымѣ.

§. 87.

Буде другѣ намѣ или вѣ самой вещи сдѣлалѣ, или только кажется, что сдѣлалѣ что нибудь худое, то не надобно вдругѣ думать, что онѣ сѣ умысла, или по ненависти, ето сдѣлалѣ, и не все уважать строгимѣ образомѣ.

§. 88.

Ежели случится такѣ, какѣ и бываетѣ обычайно, что другѣ нашѣ отѣ добродѣтели вѣ пороки уклонился; то исправлять его надобно, или буде поправка не надежна, то должно искусно развязывать, а не открытымѣ образомѣ прерывать дружество.

§. 89.

Кѣ осторожности вѣ дружбѣ не мало пользуетѣ то, чтобѣ друзьямѣ сѣ лишкомѣ нашихѣ тайностей не повѣрять, но любить ихѣ такѣ, какѣ бы ненавидѣть нѣкогда имѣли.

§ 90.

На примирившагося друга не очень повѣряйся.

§. 91.

Частыя съ лишкомъ сходбища друзей, и очень вольныя, скучны на последокъ бываютъ.

§. 92.

Въ несчастіи друга не оставляй, и когда ты честію повысишся и разбогатѣешъ, старой дружбой не гнушайся, и не гоняйся за новыми.

§. 93.

А ежели когда случится тебѣ изъ друга недругомъ сдѣлаться, опасайся то наружу выносить, что тебѣ нѣкогда твой другъ по дружбѣ своей ввѣрилъ.

§. 94.

Не отвращай людскихъ отъ тебя сердецъ, и никого, хотя бы и бѣднѣйшій былъ человѣкъ, не дѣлай себѣ недругомъ.

§. 95.

Если кто тебѣ недоброжелатель, то не раздражай и не огорчевай ево, но ласковостію и снисхожденіемъ, а естьли нужно будетъ, и благотвореніемъ упреждай твоихъ соперниковъ.

§. 96.

Не презирай твоего врага, и если можно, притворись, что будь то ты не вѣдаешъ, что человѣкъ, съ которымъ ты дѣло имѣешъ, непріятель тебѣ.

§. 97.

Ничего съ стремленіемъ не дѣлай, но какъ

возможно, уступай нѣчто отъ твоего права: уступка, какъ говорятъ, учинитъ тебя побѣдителемъ.

§. 98.

Выхваляй заочно врага твоего добродѣтели, и объ нихъ самъ думай почтительно; а при удобномъ случаѣ извиняй слабости и пороки твоего недруга.

§. 99.

Изрядно испровергнешъ умыслы враговъ твоихъ, если свои намѣренія возможнымъ образомъ таить отъ нихъ будешъ, или когда противъ ихъ усилій поставишъ сильнѣйшихъ пріятелей твоихъ, или выхватишъ у нихъ изъ рукъ оружіе, противъ тебя устремленное тогда, какъ они о томъ и не думаютъ.

§. 100.

Ежели при случаѣ можешъ врагу твоему подать руку помощи, то подай ему оную. Ибо благороднаго духа есть дѣло, и великую тебѣ сдѣлать можетъ честь и уваженіе.

§. 101.

Естьли почувствуешъ, что враги твои клеветами стараются честь твою умалить, то стерпи лучше въ молчаніи обиду, нежели ругательство ругательствомъ побѣждай.

ГЛАВА V.

О благоразуміи въ разговорахъ.

§. 102.

Когда въ дружескомъ сходбищѣ, и во вседневномъ

дневномъ сожитіи разговариваемъ, то весьма потребно, чтобъ благоразумію последуя, разговоръ нашъ принаровляли къ лицамъ, къ мѣстамъ, и ко времени.

§. 103.

Старайся показать, что ты тѣхъ, съ коими разговариваешъ, не меньше любашъ, какъ и почитаешъ.

§. 104.

Деревенской стыдъ и застѣнчивость не должны быть въ разговорахъ; а и безстыдной болтливости дерзостно бесѣдующихъ никто не хвалитъ. Благопристойная въ рѣчахъ вольность мила всякому бываетъ.

§. 105.

О дѣлахъ небезопасныхъ говори съ осторожностію, или такъ, чтобъ рѣчь твоя была двусмысленна.

§. 106.

О себѣ самомъ, кромѣ нужды неминуемой, ничего не говори, такъ же о тѣхъ дѣлахъ, коихъ съ тобою разговаривающій не понимаетъ, бесѣдовать остерегайся.

Весьмабъ было непристойно, еслибъ будучи съ прелестнымъ поломъ, сталъ ты о вѣчности существъ тонкія метафизическія предлагать доказательства, или бы съ неученымъ полководцомъ завелъ рѣчь о красотахъ языка Латинскаго.

§. 107.

Остерегайся быть великимъ говоруномъ, и

въ разговорахъ съ лишкомъ плодовитымъ, такъ чтобъ другихъ словамъ мѣста уже не было, захватывая себѣ всѣ матеріи бесѣдованія. Рѣчи съ обѣихъ сторонъ происходить долженствуютъ, и надобно хранить очередь во оныхъ.

§. 108.

Не прерывай рѣчей у тѣхъ, съ коими ты разговариваешъ, но какъ хочешъ чтобъ тебя слушали, такъ терпѣливо слушай и самъ другаго, пока онъ рѣчь свою не окончитъ.

§. 109.

Жалобъ, такъ же и злословій въ рѣчахъ не употребляй. Ибо жалобы, по словамъ Ливїевымъ, и тогда не могутъ быть пріятны, когда онѣ надобны бываютъ.

§. 110.

Правду произноси въ рѣчахъ, но благоразумно, чтобы правда, если она не къ стати, и не во время, и не у мѣста будетъ высказана, вреда тебѣ не надѣлала.

§. 111.

Правду иногда скрывать надобно и умалчивать, въ такихъ, то есть случаяхъ, когда она больше вредна, нежели полезна бываетъ.

§. 112.

Однако при томъ и обманывать не надобно. Ибо обманъ всегда и есть и пребудетъ гнуснымъ, непозволеннымъ, и отвращенія достойнымъ.

§. 113.

§. 113.

Изъ разговора въ сходьбищѣ прïятельскомъ всѣ чрезмѣрныя духа движенïя изключать должно, такъ чтобъ не видно было ни гнѣва, ни небреженïя и лѣности, ниже чего ни будь подобнаго. Изрядно пишетъ Цицеронъ: какъ доходитъ, говоритъ онъ, иногда нужда и до выговоровъ, въ коихъ надобно, можетъ статься, будетъ и голосъ повозвысить, и рѣчь принять важнѣе, то надлежитъ намъ тогда остерегаться, чтобъ не показать, что мы это дѣлаемъ въ гнѣвѣ; но какъ ко жженïю и къ сѣченïю, такъ и къ сему роду выговоровъ рѣдко и по принужденïю приступать мы должны, и только что по необходимости, то есть, когда другаго уже никакого способа не находится. Однако при всемъ томъ гнѣвъ не долженъ быть видѣнъ, при коемъ не можно ничего сдѣлать порядочно и благорассудно. Похвальное однако дѣло и въ другихъ распряхъ, которыя съ недругами случаются, и въ коихъ мы ругательство принимаемъ, удерживать важность нѣкоторую, и обуздавать сердце. Кн. I. о должн. Гл. 38.

§. 114.

Кто благоразумно хочетъ жить съ людьми, такъ чтобъ и разумнѣйшимъ могъ нравиться, тотъ весьма удерживается отъ всякихъ заклинанïй и отъ разныхъ родовъ божбы, которыя черни свойственны.

§. 115.

Говорять пышно, необыкновенно, и неучтиво, есть дѣло непристойное, и противное благоразумïю.

 ГЛАВА

ГЛАВА VI.

О благопристойности въ обращеніи.

§. 116.

Тогда мы благопристойность наблюдаемъ, когда всѣ наши дѣйствія, тѣлодвиженія, походки, одѣянія и прочая, со свѣтскимъ обыкновеніемъ, и съ умѣніемъ вѣжливыхъ людей такъ сообразуемъ, что нравимся людямъ.

§. 117.

Какъ разсужденія людскія объ изрядствѣ какой либо вещи не одинаковы бываютъ, такъ что то, что у одного народа за изрядное и честное почитается, то у другаго за безчестное и не благопристойное признается; такъ по сему и благопристойность самая удивительно сколь перемѣнамъ подвержена.

§. 118.

Правила благопристойности почти безчисленны, которыя поелику лучше можно перенять изъ употребленія и опыту, такъ же и изъ подражанія тому, что въ другихъ похвалы достойно читается, нежели какъ изъ многихъ предписаній; того для мы считаемъ за нужное сообщить немногія изъ оныхъ, которыя юношеству весьма полезны будутъ.

§. 119.

Въ стояніи, въ походкѣ, въ сидѣніи, въ засѣданіи при столѣ, въ лицѣ, въ глазахъ, въ движеніяхъ ручныхъ, ничево не должно быть

такова,

такова, чтобы могло въ другихъ произвесть или смѣхъ, или скуку, или отвращеніе. Ничего такъ же не должно быть жеманнаго, и нѣжнаго, ничего грубаго и мужиковатаго.

§. 120.

Что касается до походки, то она недолжна быть съ лишкомъ притворна. По елику всякое притворство ненавистно бываетъ.

Преизрядно Цицеронъ, надобно, говоритъ, беречься, чтобъ мы не употребляли въ выступкѣ ни очень медлительной развальчивости, какъ будь тобъ мы шли въ торжественной какой церемоніи; ни чрезмѣрной поспѣшности, которая когда случается, то происходитъ отъ ней задыханіе, лице перемѣняется, ротъ кривится, чрезъ то доказывается, что постоянства нѣтъ въ человѣкѣ таковомъ. Кн. I. о долж. Гл. 36.

§. 121.

Въ одѣяніи не надобно употреблять украшеній мущинѣ непристойныхъ, да и опрятность щегольская не похвальна: довольно бываетъ того, если она удаляется отъ деревенскаго невѣжливаго небреженія.

§. 122.

Сверьхъ того посредственность въ одѣяніи весьма изрядна, и благоразумной человѣкъ новомоднаго платья не вздѣваетъ перьвой: да не такъ и своенравенъ онъ, чтобъ, какой у всѣхъ, или у большой части людей, особливо вѣжливыхъ, въ платьѣ образецъ употребителенъ, презиралъ и не употреблялъ оный.

§. 123.

Лицо должно быть такое, какое человѣку благородному пристойно. Оно не должно быть печально, такъ чтобъ всегда плакать, да и не столько смѣхотворно, чтобъ всегда смѣятся; но въ важныхъ случаяхъ оно быть долженствуетъ важное, а въ забавныхъ веселое.

§. 124.

Кривляній шутамъ приличныхъ, и движеній руками непристойныхъ остерегайся; да и всего того убѣгай при столѣ будучи, что дѣлаетъ отвращеніе.

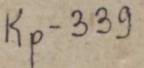
§. 125.

Ежели бы мы захотѣли множайшія и подробнѣйшія благопристойности предложить правила, то бы надлежало намъ всѣ роды дѣйствій человѣческихъ, и всѣ движеній виды перечислить; а сто бы съ лишкомъ было продолжительно, и отъ намѣренія нашего отдалено. Уставы благоразумія, и правила благопристойности нами сообщенныя такова суть свойства, что къ наставленію юныхъ умовъ могутъ быть довольны. Кто больше и подробнѣе о благопристойности, при всякомъ дѣйствіи наблюдаться долженствующей, знать желаетъ, тотъ читаетъ пусть Еразмову о вѣжливости книжку.

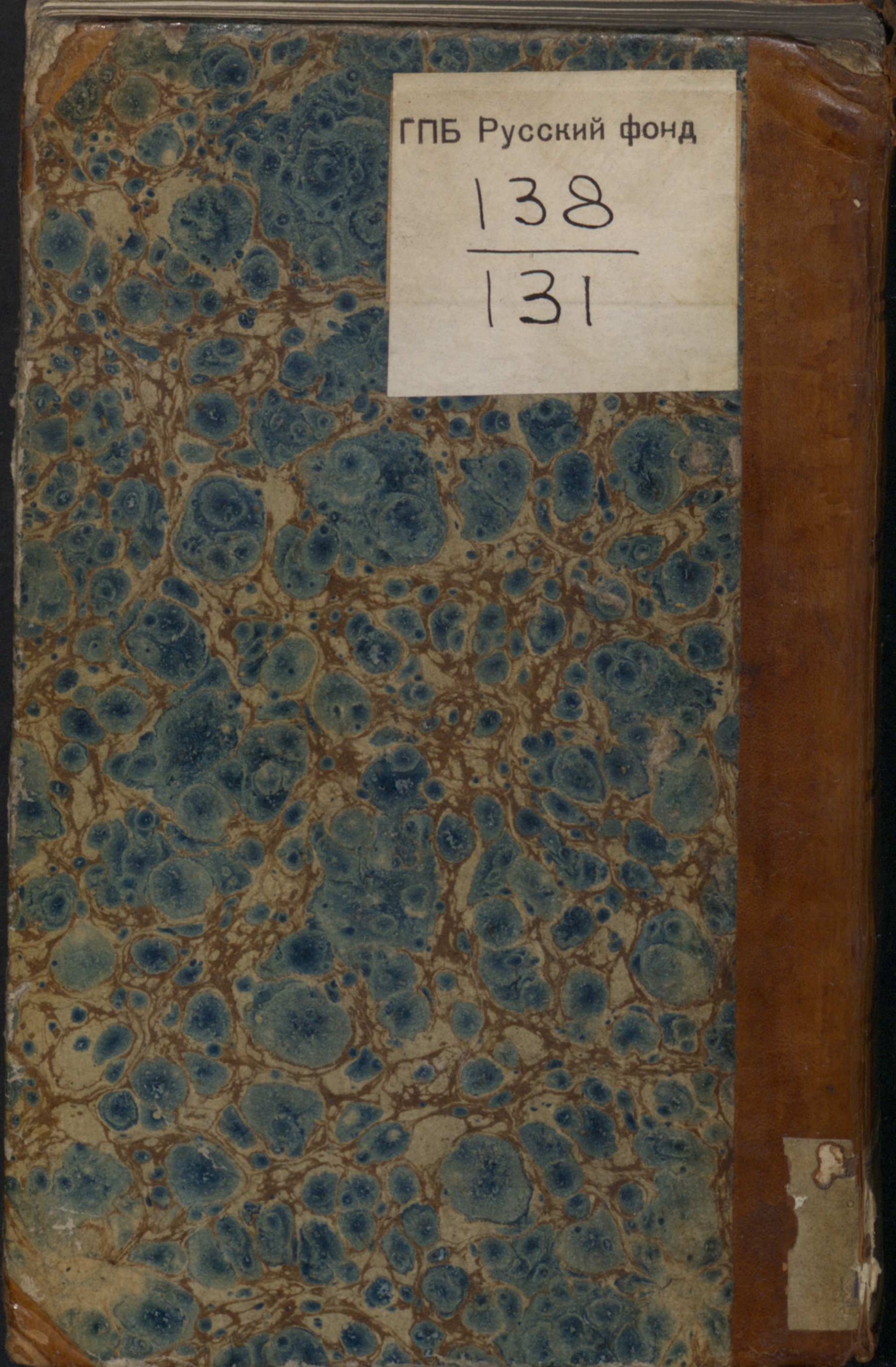
КОНЕЦЪ ПОЛИТИКИ

ИЛИ

ГРАЖДАНСКОЙ НАУКИ.

ГПБ Русский фонд
138
131